Шолохов

РУССКИЙ

РАБОЧИЙ

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЦАSS
П636

2-3

№ 57
0.87
Л.38

ІСКАЯ СОЦІАЛЬДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ.

ECHANOFF. L'OUVRIER RUSSE DANS LE MOUVEMENT REVOLUTIONNAIRE.

ЦА55
П636

РУССКІЙ РАБОЧІЙ

ВЪ

революціонномъ движеніи

(ПО ЛИЧНЫМЪ ВОСПОМИНАНІЯМЪ)

ИСТПАРТ
Ф.
№
Л.
ЦК КПСС

Г. Плеханова.

Изданіе второе, исправленное и дополненное.

Prix 1 fr. 50 c.

2 ЭК

РОССІЙСКІЙ СОЦІАЛЬДЕМОКРАТИЧЕСКІЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТЪ РАБОЧЕЙ ПАРТІИ.

Типографія „Искры".
1902.

2-й экз

B1
8E.N

№ 57

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ.

G. PLECHANOFF. L'OUVRIER RUSSE DANS LE MOUVEMENT REVOLUTIONNAIRE.

1.81 / п.38. ЦА55 / П636

РУССКІЙ РАБОЧІЙ

ВЪ

революціонномъ движеніи

(ПО ЛИЧНЫМЪ ВОСПОМИНАНІЯМЪ)

АРХИВ ИСТПАРТ ИСКРЫ Ф. № Л.

Г. Плеханова.

Изданіе второе, исправленное и дополненное.

РОССІЙСКОЙ СОЦІАЛЬДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТІИ. ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТЪ

Prix 1 fr. 50 c.

2-й экз.

Типографія „Искры".
1902.

Н

ЦАSS
П636

1190 4-1199
2/8

2010г
У

ЛИЦАМЪ, ПРОИЗНЕСШИМЪ РѢЧИ НА СОБРАНІИ ПЕТЕРБУРГСКИХЪ РАБОЧИХЪ, СОСТОЯВШЕМСЯ ПО ПОВОДУ ВСЕМІРНОЙ ДЕМОНСТРАЦІИ 1-го МАЯ.

Дорогіе и уважаемые товарищи,

Вамъ, продолжающимъ дѣло революціонеровъ семидесятыхъ годовъ, принадлежатъ по праву эти воспоминанія, о которыхъ я могу съ чистой совѣстью сказать, что они написаны совершенно правдиво. Позвольте же мнѣ посвятить ихъ Вамъ и тѣмъ представить хоть слабое доказательство моего сочувствія Вашимъ стремленіямъ. Мы, соціальдемократы, готовы поддерживать всякое революціонное движеніе, направленное противъ существующаго общественнаго порядка. Тѣмъ понятнѣе наше сочувствіе Вамъ, рѣшительно ставшимъ подъ соціаль-демократическое знамя, которое является теперь знаменемъ революціоннаго пролетаріата всѣхъ странъ. У насъ нѣтъ и не будетъ другой задачи, кромѣ посильнаго содѣйствія развитію политическаго сознанія русскаго рабочаго класса. Вы поставили себѣ ту же самую задачу. Пойдемъ же вмѣстѣ къ нашей великой цѣли, пойдемъ безъ оглядокъ и безъ колебаній, поддерживаемые гордою увѣренностью въ томъ, что мѣра нашихъ успѣховъ будетъ мѣрой политическаго развитія нашей родины. Вашъ предшественникъ, рабочій Петръ Алексѣевъ, еще въ 1877 г. смѣло сказалъ своимъ судьямъ, что когда поднимется мускулистая рука рабочаго — ярмо деспотизма, окруженное солдатскими штыками, разлетится въ прахъ. Къ его словамъ можно и должно прибавить, что только тогда и разлетится въ прахъ ярмо деспотизма, когда поднимется мускулистая рука рабочаго.

Г. Плехановъ.

Предисловіе ко второму изданію.

Народники семидесятыхъ годовъ смотрѣли на крестьянство какъ на главную въ Россіи революціонную силу, а на крестьянскую поземельную общину какъ на исходную точку развитія нашей страны въ сторону соціализма. Развитіе у насъ товарнаго производства и крупной капиталистической промышленности представлялись имъ весьма плачевными явленіями, расшатывающими прочность старыхъ „устоевъ“ экономической жизни нашего народа и потому задерживающими приближеніе соціальной революціи. Поэтому дѣятельность въ рабочей средѣ никогда не занимала широкаго мѣста въ народнической программѣ: рабочими интересовались лишь въ той мѣрѣ, въ какой считали ихъ способными поддержать крестьянское возстаніе, которое, по мнѣнію народниковъ, должно было вспыхнуть вдали отъ промышленныхъ центровъ, на окраинахъ, еще не позабывшихъ крупныхъ крестьянско-казацкихъ бунтовъ и хранящихъ строго „народные идеалы“.*) Казалось бы, что при такомъ взглядѣ на рабочихъ народники могли не торопиться сближеніемъ съ ними: прежде, чѣмъ браться за организацію вспомогательнаго отряда, естественно было озаботиться организаціей главныхъ силъ будущей революціонной арміи, т. е. силъ крестьянства. Но на самомъ дѣлѣ народники занимались рабочими болѣе, чѣмъ этого требовала ихъ программа. Народники были энергичные люди, не любившіе сидѣть, сложа руки. Многіе изъ нихъ, попадая въ города, сближались съ рабочими, чтобы не терять даромъ времени.

И хотя такое сближеніе не могло быть систематичнымъ, хотя въ большинствѣ случаевъ сближавшіеся съ рабочими народники принимали всѣ мѣры къ тому, чтобы какъ можно скорѣе покинуть городъ и уйти въ деревню, но такъ какъ въ каждое данное время въ городахъ проживало не малое число народниковъ и такъ какъ передовой слой городского рабочаго класса и тогда уже былъ очень воспріимчивъ къ

---

*) Этотъ взглядъ на рабочихъ какъ на классъ, способный играть лишь роль вспомогательнаго отряда революціонной арміи, цѣликомъ перешелъ отъ народниковъ къ народовольцамъ (см. напечатанную въ „Календарѣ Народной Воли“ записку „Подготовительная работа партіи“, руб. Б, городскіе рабочіе). Оно и понятно. Народовольцы не даромъ говорили о себѣ, что по основнымъ своимъ воззрѣніямъ они — соціалисты-народники.

революціонной пропагандѣ, то рабочее дѣло все-таки росло и расширялось, поражая самихъ дѣятелей своей неожиданной успѣшностью. Первымъ крупнымъ плодомъ сближенія народниковъ съ петербургскимъ пролетаріатомъ явилась такъ-наз. Казанская демонстрація 6-го декабря 1876 года. А къ концу семидесятыхъ годовъ у народническаго общества „Земля и Воля“ былъ уже довольно значительный опытъ по части пропаганды, агитаціи и организаціи въ средѣ рабочихъ.

Въ передовой статьѣ, напечатанной въ № 4 газеты „Земля и Воля“ я подвелъ итоги этому опыту. Оказывалось, что „рабочій вопросъ“ все чаще и все настоятельнѣе напоминалъ о себѣ вопреки ихъ народнической теоріи, выдвигавшей на первый планъ вопросъ крестьянскій. Но въ то же время очевидно было и то, что революціонеры еще далеко не пріобрѣли всего того вліянія на городскую рабочую массу, которую они могли пріобрѣсти. Это я объяснялъ тѣмъ, что они мало агитируютъ. Я говорилъ, что революціонеры придаютъ преувеличенное значеніе рабочимъ кружкамъ, въ которыхъ ведется пропаганда (читаются лекціи о каменномъ вѣкѣ и планетахъ небесныхъ, какъ выразился я, иронизируя надъ пропагандистами) и не видятъ, что необходимо расшевелить всю массу. Агитація на экономической почвѣ — главнымъ образомъ во время стачекъ — такова была ближайшая практическая задача, на которую я указывалъ тѣмъ изъ нашихъ товарищей „которые занимались съ рабочими“.

Тогдашніе члены общества „Земля и Воля“ тѣмъ легче согласились со мною, что вопросъ о пріемахъ нашей революціонной дѣятельности въ крестьянской средѣ давно былъ рѣшенъ въ томъ же самомъ смыслѣ: никому изъ нашихъ „деревенщиковъ“ не приходило въ голову вести кружковую пропаганду между крестьянами; всѣ они твердо были убѣждены въ томъ, что пріобрѣсти вліяніе на крестьянскую массу они могутъ только посредствомъ агитаціи на почвѣ ея ближайшихъ, — и преимущественно экономическихъ, — требованій. И это убѣжденіе держалось среди нашихъ революціонеровъ вплоть до тѣхъ поръ, пока такъ-назыв. терроръ не отвлекъ ихъ вниманія въ другую сторону и пока между ними не распространился тотъ взглядъ, — впервые высказанный газетой „Народная Воля“, — что при нашихъ политическихъ условіяхъ работать въ крестьянствѣ значитъ безплодно „биться, какъ рыба объ ледъ“.

Съ половины восьмидесятыхъ годовъ между революціонерами, дѣйствовавшими въ Россіи, начали распространяться соціаль-демократическія идеи. Распространеніе этихъ идей совершалось очень медленно частью по причинѣ общественной реакціи, наступившей послѣ того, какъ правительству удалось разгромить партію „Народной Воли“, а частью потому, что старая народническая теорія еще крѣпко сидѣла въ головахъ русскихъ людей, сочувствовавшихъ соціализму. И все-

таки, къ началу девяностыхъ годовъ, когда стали показываться первые слабые признаки новаго общественнаго пробужденія, число соціаль-демократовъ было уже настолько значительно, что они задумываются о томъ, какимъ образомъ можно было бы имъ пріобрѣсти широкое практическое вліяніе на рабочій классъ. Опытъ семидесятыхъ годовъ указывалъ на агитацію, какъ на неизбѣжный путь къ этой цѣли. Но опытъ семидесятыхъ годовъ былъ совершенно неизвѣстенъ нашимъ молодымъ товарищамъ, огромнѣйшее большинство которыхъ знакомо было тогда только съ пріемами кружковой пропаганды. Чтобы помочь этому горю, чтобы ознакомить молодыхъ соціаль-демократовъ съ практическими выводами, завѣщанными намъ народнической эпохой, чтобы показать имъ, какъ можно и должно агитировать, я и написалъ свои воспоминанія о русскомъ рабочемъ движеніи семидесятыхъ годовъ. Я думалъ, что, познакомивъ читателей съ тѣмъ, что было сдѣлано ихъ предшественниками, я этимъ пролью нѣкоторый свѣтъ на то, что предстоитъ сдѣлать имъ самимъ. Но не могъ удовольствоваться простымъ разсказомъ. Въ концѣ семидесятыхъ годовъ, когда я писалъ въ „Землѣ и Волѣ“ о необходимости агитаціи на экономической почвѣ, я былъ народникомъ до конца ногтей. Въ началѣ девяностыхъ годовъ, когда я брался за перо, чтобы писать свои воспоминанія, увлеченіе народничествомъ давно уже замѣнилось во мнѣ критическимъ къ нему отношеніемъ, потому что я давно уже стоялъ тогда на соціаль-демократической точкѣ зрѣнія. Въ качествѣ соціаль-демократа я хорошо видѣлъ то, чего не замѣчалъ прежде въ качествѣ народника, именно то, что агитація на экономической почвѣ можетъ и должна быть использована агитаторами для политическаго воспитанія рабочей массы. Читатель видитъ, что предлагаемыя воспоминанія содержатъ въ себѣ также и посильное разъясненіе этой стороны вопроса.

Я указываю на все это потому, что нѣкоторые „сочинители“ выдвигаютъ теперь противъ меня въ частности и противъ группы „Освобожденіе Труда“ вообще упрекъ въ томъ, что мы будто бы не понимали значенія агитаціи, а потому не могли своевременно указать на него нашимъ молодымъ товарищамъ. Если бы гг. „сочинители“ лучше знали исторію нашего движенія, то они сами безъ труда поняли бы, какъ нелѣпо ихъ „сочиненіе“.

Правда, еще очень недалеко отъ насъ то время, когда нашъ взглядъ на агитацію находили неправильнымъ многіе наши молодые товарищи, настойчиво противоставлявшіе ему взглядъ, который былъ подробно изложенъ въ извѣстной брошюрѣ „Объ агитаціи“. Я не стану разбирать здѣсь эту брошюру. Мое отношеніе къ ней высказано еще очень недавно въ статьѣ „Еще разъ соціализмъ и политическая борьба“, напечатанной въ первой книжкѣ „Зари“. Замѣчу одно: послѣдователь-

ные защитники взгляда, изложеннаго въ брошюрѣ „Объ агитаціи“ скоро стали, и неизбѣжно должны были стать, „экономистами“, между тѣмъ какъ взглядъ группы „Освобожденіе Труда“ раздѣляется теперь всѣми мыслящими сторонниками „политическаго“ направленія. Оппозиція, которую нѣкогда встрѣчалъ этотъ взглядъ въ нѣкоторой части нашихъ соціаль-демократовъ, свидѣтельствовалъ лишь о томъ, что эти соціаль-демократы еще не вполнѣ поняли не только ближайшую политическую задачу своей партіи, но и вообще весь духъ соціаль-демократической теоріи. И чѣмъ болѣе и чѣмъ скорѣе сознавали они свои ошибки, тѣмъ болѣе и тѣмъ скорѣе приближались они ко взгляду гр. „Осв. Труда“.

Упрекъ, выдвинутый противъ насъ вышеупомянутыми „сочинителями“, совсѣмъ не заслуживалъ бы вниманія, если бы они не считали себя призванными исправить и наверстать то, что было будто бы упущено и будто бы испорчено нами и нашими ближайшими товарищами. Но именно подъ предлогомъ такого исправленія и такого наверстанія эти господа, которые крайне бѣдны собственными идеями, но за то чрезвычайно богаты непониманіемъ чужихъ идей, проповѣдуютъ такой отчаянный вздоръ о „тактикѣ-процессѣ“ и объ отношеніи экономической агитаціи къ политической, что по истинѣ заслуживаютъ названія великихъ людей .... по части путаницы понятій. Ну, а великихъ людей игнорировать невозможно; мы не имѣемъ права обходить молчаніемъ ихъ упреки.

Но оставимъ пока гг. „сочинителей“ и бросимъ взглядъ на путь, пройденный русской соціаль-демократіей съ того времени, когда вышло первое изданіе моихъ воспоминаній. Въ то время наши товарищи только еще спрашивали себя, можно-ли и слѣдуетъ-ли имъ перейти отъ пропаганды къ агитаціи; теперь агитація приняла такіе широкіе размѣры, о какихъ они тогда боялись и мечтать. Въ то время наши товарищи уже пріобрѣли прочное и плодотворное вліяніе въ рабочихъ кружкахъ; теперь рабочая масса или — выражаясь скромнѣе, но за то точнѣе — передовые слои рабочей массы видятъ въ нихъ своихъ надежнѣйшихъ руководителей и внимательно прислушиваются къ ихъ голосу. Въ то время наши товарищи только еще стремились занять господствующее положеніе въ русской революціонной средѣ; теперь это положеніе принадлежитъ имъ безпорно, безраздѣльно и безповоротно. И всего этого они достигли, несмотря на усердіе полиціи и на іудины поцѣлуи „критиковъ“. Хорошо тому жить, у кого бабушка ворожитъ! За насъ, русскихъ соціаль-демократовъ, ворожитъ бабушка-исторія, и ея ворожьба быстро подвинула впередъ наше дѣло.

Извѣстно, однако, что noblesse oblige. У кого есть такая знатная бабушка, тотъ и самъ долженъ непрестанно „содержать себя въ струнѣ“ и помнить, что на немъ лежатъ великія обязанности. До сихъ поръ

наше дѣло подвигалось впередъ очень быстро; но поступательное его движеніе навѣрное сильно замедлится въ будущемъ, если мы не съумѣемъ разрѣшить тѣхъ практическихъ задачъ, которыя выросли передъ нами именно благодаря нашимъ огромнымъ успѣхамъ. Самой важной изъ этихъ задачъ является, безъ всякаго сомнѣнія, организація. Вопросъ о ней имѣетъ теперь такое же рѣшающее значеніе, какое лѣтъ десять тому назадъ имѣлъ вопроеъ объ агитаціи. Онъ лежитъ въ центрѣ всѣхъ остальныхъ практическихъ вопросовъ настоящаго времени. Не разрѣшивъ его, мы ни для одного изъ нихъ не найдемъ вполнѣ удовлетворительнаго рѣшенія. А когда онъ будетъ разрѣшенъ, они рѣшатся, можно сказать, сами собой. Тогда нами будетъ сдѣланъ новый, огромный шагъ впередъ, съ которымъ начнется новая эпоха въ исторіи нашей партіи. Тогда даже наиболѣе упорные хулители русской соціаль-демократіи вынуждены будутъ признать, что ей суждено собрать подъ свое знамя всѣ живыя силы революціонной Россіи. И тогда она будетъ имѣть полное право сказать всякому искреннему революціонеру, какъ говорилъ Іегова еврейскому народу:

„Азъ есмь господь богъ твой, и да не будутъ бози иніи развѣ мене!“

Г. Плехановъ.

РУССКІЙ РАБОЧІЙ ВЪ РЕВОЛЮЦІОННОМЪ ДВИЖЕНІИ.

(По личнымъ воспоминаніямъ.)

I.

Первый рабочій-революціонеръ, съ которымъ столкнула меня судьба, былъ довольно извѣстный когда-то въ русской революціонной средѣ Митрофановъ, впослѣдствіи умершій въ тюрьмѣ отъ чахотки. Я познакомился съ нимъ у студентовъ медицинской академіи братьевъ X. въ концѣ 1875 года. Митрофановъ былъ уже тогда „нелегальнымъ" и жилъ у братьевъ X., скрываясь отъ полиціи. Какъ и всѣ студенты-революціонеры того времени, я, конечно, былъ большимъ народолюбцемъ и собирался „идти въ народъ", понятіе о которомъ было у меня, однако, — опять таки какъ и у всѣхъ насъ, студентовъ-революціонеровъ того времени — очень смутнымъ и неопредѣленнымъ. Любя „народъ", я зналъ его очень мало, а лучше сказать не зналъ совсѣмъ, хотя и выросъ въ деревнѣ. Когда я въ первый разъ встрѣтился съ Митрофановымъ и узналъ, что онъ рабочій, т. е. одинъ изъ представителей „народа", въ моей душѣ шевельнулось смѣшанное чувство жалости и какой-то неловкости, точно будто я въ чемъ нибудь передъ нимъ провинился. Мнѣ очень хотѣлось заговорить съ нимъ, но въ то же время я рѣшительно не зналъ, какъ и въ какихъ выраженіяхъ стану съ нимъ разговаривать. Мнѣ казалось, что языкъ нашего брата-студента будетъ совершенно непонятенъ этому „сыну народа", и что въ разговорѣ съ нимъ я долженъ держаться того нелѣпаго, переряженнаго слова, которымъ были написаны многія изъ нашихъ революціонныхъ брошюръ. Къ счастью, Митрофановъ вывелъ меня изъ затрудненія. Онъ заговорилъ первый, и, не помню уже какъ, разговоръ перешелъ на революціонную литературу. Я увидѣлъ, что мой собесѣдникъ читалъ не однѣ только ряженыя брошюры. Ему знакомы были сочиненія Чернышевскаго, Бакунина, Лаврова, и онъ умѣлъ отнестись къ нимъ критически. Журналъ и газета „Впередъ!" казались ему недостаточно революціонными. Онъ склонялся къ „бунтарству" и отстаивалъ этотъ способъ дѣйствій съ помощью тѣхъ же самыхъ доводовъ, которые приводились обыкновенно „бунтарями"-студентами. Удивленію моему не было границъ. Личность Митрофанова рѣшительно не входила въ узкія рамки моего сантиментальнаго представленія о „народѣ". За то тѣмъ болѣе заинтересовала она меня. Я сталъ часто встрѣчаться съ Митрофановымъ и жадно разспрашивалъ его объ его революціонной дѣятельности въ народной средѣ. Изъ всѣхъ слоевъ народа ближе всего ко мнѣ, по моему тогдашнему положенію, были, конечно, петербургскіе рабочіе, и вотъ я засыпалъ своего новаго знакомаго вопросами о томъ, что представляютъ они собою. Митрофановъ относился къ нимъ отрицательно. Изъ его словъ выходило, что настоящій народъ это кресть-

янство, городскіе же рабочіе въ значительной степени развращены и проникнуты буржуазнымъ духомъ, вслѣдствіе чего революціонеры должны идти въ деревню. Подобные отзывы, вполнѣ соотвѣтствовавшіе нашимъ собственнымъ представленіямъ о народѣ, не могли возбудить во мнѣ склонности къ ближайшему знакомству съ петербургской рабочей средой, и въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ Митрофановъ оставался единственнымъ, лично извѣстнымъ мнѣ, рабочимъ. А между тѣмъ, въ то время велась въ этой средѣ довольно дѣятельная пропаганда, въ которой и мнѣ пришлось вскорѣ принять посильное участіе.

Въ самомъ началѣ 1876 года случилось такъ, что не было подходящей квартиры для революціонной рабочей сходки. У меня на Петербургской сторонѣ была прекрасная, большая комната и очень добрая хозяйка-чухонка, рѣшительно не понимавшая, что можетъ быть предосудительнаго въ многолюдныхъ вечернихъ собраніяхъ молодежи. Опасаться какихъ-либо доносовъ съ ея стороны не было основаній. Напротивъ, „въ случаѣ чего“, она первая постаралась бы предупредить и выручить изъ бѣды своего постояльца. Объ этихъ доблестяхъ моей хозяйки знали всѣ мои знакомые революціонеры, между которыми были люди, занимавшіеся пропагандой въ средѣ рабочихъ. Разумѣется, по доброму революціонному обычаю, люди эти, до поры до времени, держали свои занятія въ тайнѣ отъ меня, непосвященнаго. Но такъ какъ у нихъ не было причинъ не довѣрять мнѣ, то они и открылись тотчасъ, какъ только имъ представилась надобность, — если не лично во мнѣ, то въ моей комнатѣ. На вопросъ, можетъ-ли собраться у меня рабочая сходка, я отвѣчалъ полнѣйшимъ согласіемъ, и, не смотря на заимствованное отъ Митрофанова предубѣжденіе противъ городскихъ рабочихъ, съ нетерпѣніемъ ждалъ назначеннаго для сходки времени.

Дѣло было подъ какой-то большой праздникъ. Около 8 часовъ вечера ко мнѣ пришло сначала человѣкъ 5-6 интеллигентныхъ „революціонеровъ“ — нѣкоторыхъ изъ нихъ я видѣлъ тогда въ первый разъ, — а затѣмъ стали собираться рабочіе. Собраніе было открыто, какъ это водилось, и вѣроятно, до сихъ поръ водится въ Россіи, безъ всякихъ формальностей. Частныя бесѣды, подойдя къ предмету сходки, мало по малу перешли въ общій разговоръ, и каждый, желавшій что нибудь сказать, вставлялъ свое замѣчаніе, ни мало не справляясь о томъ, кому въ данную минуту „принадлежитъ слово“. „Слово“ принадлежало всѣмъ вообще и никому въ частности. Благодаря этому, пренія много теряли въ смыслѣ порядка, но съ другой стороны не мало выигрывали въ смыслѣ задушевности. Состоявшаяся у меня сходка имѣла важное значеніе. Какъ разъ въ то время вырабатывалась программа „бунтарей“-народниковъ. Большинство революціонеровъ изъ „интеллигенціи“ думало, что главныя силы русской соціалистической партіи должны быть направлены на „агитацію на почвѣ существующихъ народныхъ требованій“; а за „пропаганду“ стояли только такъ называвшіеся „лавристы“, люди мало дѣятельные и потому мало вліятельные въ революціонной средѣ. Въ качествѣ бунтарей, интеллигенты, собравшіеся у меня, старались склонить рабочихъ на путь „агитаціи“. Рабочіе вообще плохо схватывали отличительные признаки различныхъ революціонныхъ программъ; „интеллигенціи“ нужно было положить много труда, прежде чѣмъ тотъ или другой изъ нихъ постигалъ, наконецъ, спорные программные вопросы, подобно Митрофанову, до тонкости. Но это я замѣтилъ уже впослѣд-

ствіи. Теперь же видѣлъ только, что на доводы бунтарей рабочіе подаются довольно туго. Нужно замѣтить, что у меня собрались лучшіе, наиболѣе надежные и вліятельные люди изъ петербургскихъ рабочихъ-революціонеровъ. Многіе изъ нихъ уже подвергались преслѣдованіямъ по дѣлу о революціонной пропагандѣ 73-74 годовъ (изъ котораго выросъ потомъ знаменитый процессъ 193), и, сидя въ тюрьмѣ, много учились и читали. По выходѣ на волю они опять горячо принялись за революціонную дѣятельность, но смотрѣли на революціонные рабочіе кружки прежде всего какъ на кружки самообразованія. Когда бунтари, излагая передъ ними свои взгляды, выразили ту мысль, что „пропаганда“ не имѣетъ никакого революціоннаго значенія, рабочіе горячо запротестовали.

— Какъ не стыдно вамъ говорить это — съ жаромъ воскликнулъ нѣкто В., работавшій, если не ошибаюсь, на Васильеостровскомъ патронномъ заводѣ и только что оставившій Домъ Предварительнаго Заключенія, гдѣ онъ сидѣлъ по дѣлу „чайковцевъ“, — каждаго изъ васъ, интеллигентовъ, въ пяти школахъ учили, въ семи водахъ мыли, а вѣдь иной рабочій не знаетъ, какъ отворяется дверь школы! Вамъ не нужно больше учиться: вы и такъ много знаете, а рабочимъ безъ этого нельзя!

— Не страшно пропасть за дѣло, когда понимаешь его, — говорилъ молодой, стройный рабочій В. Я—ъ, — а когда пропадаешь неизвѣстно за что, это уже плохо. Мало хорошаго добьетесь вы отъ такого рабочаго, который ничего не знаетъ!

— Каждый рабочій — революціонеръ по самому положенію своему, возражали бунтари, развѣ онъ не видитъ, не понимаетъ, что хозяинъ наживается на его счетъ?

— Понимаетъ, да плохо; видитъ, да не такъ, какъ слѣдуетъ, — стояли на своемъ рабочіе. Другому кажется, что иначе и быть не можетъ, что такъ ужь Богу угодно, чтобы терпѣлъ рабочій. А вы покажите ему, что можетъ быть иначе. Тогда онъ станетъ настоящимъ революціонеромъ.

Споръ затянулся на долго. Въ концѣ концовъ обѣ стороны пошли на уступки. Рѣшено было не пренебрегать пропагандой, но въ то же время не упускать удобныхъ случаевъ для агитаціи. Я увѣренъ, впрочемъ, что рабочимъ было очень неясно тогда, какой именно „агитаціи“ добиваются отъ нихъ бунтари. Да и у самихъ бунтарей съ этимъ словомъ соединялось тогда, я думаю, нѣсколько смутное представленіе.

Какъ бы тамъ ни было, споры прекратились; сходка могда считаться оконченной. Бунтари ушли, ушли также нѣкоторые изъ рабочихъ, но большинство продолжало сидѣть, дѣятельно занимаясь чаепитіемъ. Кто-то сбѣгалъ за пивомъ, произошла легкая выпивка, и разговоръ принялъ шутливый характеръ. В. разсказывалъ разные смѣшные случаи изъ своей тюремной жизни, а В. Я—ъ, тотъ самый В. Я—ъ, который говорилъ, что человѣкъ можетъ съ самоотверженіемъ относиться только къ понятному для него дѣлу, — спѣлъ даже пѣсню, сложенную, по его словамъ, колпинскими рабочими послѣ каракозовскаго покушенія. У меня осталось въ памяти только начало этой пѣсни:

Каракозову спасибо, что хотѣлъ убить царя....

Веселая компанія засидѣлась у меня далеко за полночь, и я разстался со своими гостями, какъ со старыми пріятелями.

Впечатлѣніе, произведенное ими на меня, было потрясающее. Я совершенно забылъ мрачные отзывы Митрофанова о петербургскихъ рабочихъ. Я видѣлъ и помнилъ только то, что всѣ эти люди, самымъ несомнѣннымъ образомъ принадлежавшіе къ „народу", были сравнительно очень развитыми людьми, съ которыми я могъ говорить такъ же просто и, слѣдовательно, такъ же искренно, какъ со своими знакомыми-студентами. Мало того, на тѣхъ изъ нихъ, которые уже отсидѣли извѣстное время въ тюрьмѣ, я смотрѣлъ снизу вверхъ: „я еще ничѣмъ не доказалъ своей преданности дѣлу, а они успѣли уже постоять за него", говорилъ я себѣ и смотрѣлъ на нихъ почти съ благоговѣніемъ, какъ смотритъ, вѣроятно, всякій искренній и молодой, не бывавшій въ передѣлкахъ, революціонеръ на опытнаго, пострадавшаго за дѣло товарища. Такое же впечатлѣніе вынесъ и я изъ знакомства съ нелегальнымъ Митрофановымъ, но Митрофанова я считалъ исключеніемъ; теперь я узналъ, что подобныхъ ему исключеній много. Дѣло сближенія съ народомъ, прежде пугавшее меня своими трудностями, показалось мнѣ теперь простымъ и легкимъ. Не откладывая его въ долгій ящикъ, я рѣшилъ немедленно же и какъ можно ближе сойтись съ моими новыми знакомыми. Поддержать разъ завязавшіяся сношенія въ ними было тѣмъ легче, что нѣкоторые изъ нихъ дали мнѣ свои адреса и звали къ себѣ въ гости.

Прежде всего я пошелъ къ нѣкоему Г—у, жившему, какъ оказалось, по сосѣдству со мною. Г—ъ былъ оригинальный человѣкъ, едва-ли имѣвшій въ своемъ характерѣ хоть одну изъ тѣхъ чертъ, которыя „интеллигенція" того времени любила приписывать „народу". Въ немъ не было и слѣда крестьянской непосредственности, крестьянской склонности жить и думать такъ, какъ жили и думали предки. При самыхъ обыкновенныхъ способностяхъ онъ отличался рѣдкой жаждой знанія и по истинѣ удивительной энергіей въ дѣлѣ его пріобрѣтенія. Работая на заводѣ по 10-11 часовъ въ сутки и возвращаясь домой только вечеромъ, онъ ежедневно просиживалъ за книгами до часу ночи. Читалъ онъ медленно и, какъ я замѣтилъ, не легко усваивалъ прочитанное, но то, что усваивалъ, зналъ очень основательно. Маленькій, слабогрудый и блѣдный, безбородый, съ небольшими, тонкими усиками, онъ носилъ длинные волосы и синіе очки. Въ зимніе холода онъ поверхъ короткаго драповаго пальто накидывалъ широкій плэдъ, и тогда уже окончательно выглядѣлъ студентомъ. Онъ и жилъ по студенчески, занимая крошечную комнатку, единственный столъ которой былъ заваленъ книгами. Когда я короче познакомился съ нимъ, я былъ пораженъ разнообразіемъ и множествомъ осаждавшихъ его теоретическихъ вопросовъ. Чѣмъ только не интересовался этотъ человѣкъ, въ дѣтствѣ едва научившійся грамотѣ! Политическая экономія и химія, соціальный вопросъ и теорія Дарвина одинаково привлекали къ себѣ его вниманіе, возбуждали въ немъ одинаковый интересъ, и, казалось, нужны были десятки лѣтъ, чтобы, при его положеніи, хоть немного утолить его умственный голодъ. Меня и обрадовала и вмѣстѣ какъ бы опечалила эта черта его характера. Почему обрадовала — это понятно безъ поясненій; опечалила же потому, что я былъ сильно проникнутъ тогда бунтарскими взглядами, а у бунтарей излишнее пристрастіе къ книгѣ считалось недостаткомъ, признакомъ холоднаго, нереволюціоннаго темперамента. Впрочемъ, по темпераменту Г—ъ, дѣйствительно, не былъ революціонеромъ. Онъ, навѣрное, всегда лучше чувствовалъ бы себя въ библіотекѣ, чѣмъ на шумномъ полити-

ческомъ собраніи. Но отъ товарищей онъ не отставалъ, а положиться на него можно было, какъ на каменную гору.

Въ сопровожденіи Г—а я посѣтилъ почти всѣхъ остальныхъ рабочихъ, бывшихъ на вышеописанной сходкѣ въ моей комнатѣ, а затѣмъ пріобрѣлъ между ними много новыхъ знакомыхъ. Видя, какъ заинтересовало меня „рабочее дѣло", бунтари приняли меня въ свой кружокъ, такъ что „занятія съ рабочими" стали съ тѣхъ поръ моей революціонной обязанностью.

II.

Само собою разумѣется, что между рабочими, какъ и повсюду, я встрѣчалъ людей, очень различавшихся между собою по характеру, по способностямъ и даже по образованію. Одни, подобно Г—у, читали очень много, другіе такъ себѣ, не много и не мало, а третьи предпочитали книжкѣ „умные" разговоры за стакановъ чаю или за бутылкой пива. Но въ общемъ вся эта среда отличалась значительной умственной развитостью и высокимъ уровнемъ своихъ житейскихъ потребностей. Я съ удивленіемъ увидѣлъ, что эти рабочіе живутъ нисколько не хуже, а многіе изъ нихъ даже гораздо лучше, чѣмъ студенты. Въ среднемъ каждый изъ нихъ зарабатывалъ 1 руб. 25 коп. до 2 рублей въ день. Разумѣется, и на этотъ, сравнительно хорошій заработокъ, не легко было существовать семейнымъ людямъ. Но холостые — а они составляли тогда между знакомыми мнѣ рабочими большинство — могли расходовать вдвое больше небогатаго студента. Были среди нихъ и настоящіе „богачи", вродѣ механика С., ежедневный заработокъ котораго доходилъ до трехъ рублей. С. жилъ на Васильевскомъ Островѣ вмѣстѣ въ В. (который, на сходкѣ у меня, такъ горячо отстаивалъ пропаганду въ рабочихъ кружкахъ). Эти два друга занимали прекрасно меблированную комнату, покупали книги и любили иногда побаловать себя бутылкой хорошаго вина. Одѣвались они, въ особенности С., настоящими франтами. Впрочемъ, всѣ рабочіе этого слоя одѣвались несравненно лучше, а главное, опрятнѣе, чище нашего брата-студента. Каждый изъ нихъ имѣлъ для большихъ окказій хорошую черную пару и когда облекался въ нее, то выглядѣлъ „бариномъ" гораздо больше любого студента. Революціонеры изъ „интеллигенціи" часто и горько упрекали рабочихъ за „буржуазную" склонность къ франтовству, но не могли ни искоренить, ни даже хотя бы отчасти ослабить эту, будто бы вредную склонность. Привычка и здѣсь оказалась второй натурой. Въ дѣйствительности рабочіе заботились о своей наружности не больше, чѣмъ „интеллигенты" о своей, но только заботливость ихъ выражалась иначе. „Интеллигентъ" любилъ принарядиться по „демократически", въ красную рубаху или въ засаленную блузу, а рабочій, которому засаленная блуза надоѣла и намозолила глаза въ мастерской, любилъ, придя домой, одѣться въ чистое, какъ намъ казалось, буржуазное платье. Своимъ, часто преувеличенно-небрежнымъ, костюмомъ интеллигентъ протестовалъ противъ свѣтской хлыщеватости; рабочій же, заботясь о чистотѣ и нарядности своей одежды, протестовалъ противъ тѣхъ общественныхъ условій, благодаря которымъ онъ слишкомъ часто видитъ себя вынужденнымъ одѣваться въ грязныя лохмотья. Теперь, вѣроятно, всякій согласится, что этотъ второй протестъ много

серьезнѣе перваго. Но въ то время дѣло представлялось намъ иначе: пропитанные духомъ аскетическаго соціализма, мы готовы были проповѣдывать рабочимъ то самое „отсутствіе потребностей“, въ которомъ Лассаль видѣлъ одно изъ главныхъ препятствій для успѣха рабочаго движенія.

Чѣмъ больше знакомился я съ петербургскими рабочими, тѣмъ больше поражался ихъ культурностью. Бойкіе и рѣчистые, умѣющіе постоять за себя и критически отнестись къ окружающему, они были горожанами въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Многіе изъ насъ держались тогда того мнѣнія, что „спропагандированные“ городскіе рабочіе должны идти въ деревню, чтобы дѣйствовать тамъ въ духѣ той или иной революціонной программы. Мнѣніе это раздѣлялось и нѣкоторыми рабочими. Я уже сказалъ, какъ исключительно стоялъ Митрофановъ за дѣятельность въ деревнѣ. Такой взглядъ былъ непосредственнымъ и неизбѣжнымъ плодомъ нарождавшагося тогда народничества, съ его презрѣніемъ къ городской цивилизаціи, съ его идеализаціей крестьянскаго быта. Господствовавшія въ средѣ революціонной интеллигенціи народническія идеи естественно налагали свою печать также и на взгляды рабочихъ. Но привычекъ ихъ онѣ передѣлать не могли, и потому настоящіе городскіе рабочіе, т.-е. рабочіе, совершенно свыкшіеся съ условіями городской жизни, въ большинствѣ случаевъ оказывались непригодными для деревни. Сойтись съ крестьянами имъ было еще труднѣе, чѣмъ революціонерамъ-„интеллигентамъ“. Горожанинъ, если только онъ не „кающійся дворянинъ“ и не совсѣмъ проникся вліяніемъ дворянъ этого разряда, всегда смотритъ сверху внизъ на деревенскаго человѣка. Именно такъ смотрѣли на этого человѣка петербургскіе рабочіе. Они называли его сѣрымъ и въ душѣ всегда нѣсколько презирали его, хотя совершенно искренно сочувствовали его бѣдствіямъ. Въ этомъ отношеніи Митрофановъ, съ его нелюбовью къ городу, представлялъ собою несомнѣнное исключеніе изъ общаго правила. Но Митрофановъ, по своей нелегальности, долго жилъ среди „интеллигенціи“ и совершенно проникся всѣми ея чувствами.

Нужно сказать и то, что между петербургскими рабочими „сѣрый“ деревенскій человѣкъ нерѣдко являлъ собою довольно жалкую фигуру. На Василье-Островскій патронный заводъ поступилъ, въ качествѣ смазчика, крестьянинъ Смоленской губерніи С. На этомъ заводѣ у рабочихъ было свое потребительное товарищество и своя столовая, служившая въ то же время и читальней, такъ какъ она была снабжена почти всѣми столичными газетами. Дѣло было въ разгарѣ герцеговинскаго возстанія. Новый смазчикъ отправился ѣсть въ общую столовую, гдѣ за обѣдомъ газеты читались, по обыкновенію, вслухъ. Въ тотъ день, не знаю ужь въ какой газетѣ, шла рѣчь объ одномъ изъ „славныхъ защитниковъ Герцеговины“. Деревенскій человѣкъ вмѣшался въ поднявшіеся по этому поводу разговоры и высказалъ неожиданное предположеніе о томъ, что „онъ, должно быть, любовникъ ейный“.

— Кто? Чей? спросили удивленные собесѣдники.

— Да герцогининъ-то защитникъ; съ чего жь бы сталъ онъ защищать ее, кабы промежъ нихъ ничего не было.

Присутствующіе разразились громкимъ хохотомъ. „Такъ по твоему Герцеговина не страна, а баба — восклицали они — ничего-то ты не понимаешь, прямая деревенщина“! Съ тѣхъ поръ за нимъ надолго установилось прозвище — сѣрый. Это прозвище очень удивило меня, когда я познакомился съ нимъ глубокой осенью 1876 года, и когда

онъ былъ уже убѣжденнымъ революціонеромъ и самымъ дѣятельнымъ пропагандистомъ.

— Почему вы такъ называете его? спросилъ я рабочихъ.

— Да какъ-же, вѣдь онъ какую штуку отмочилъ у насъ въ столовой; вѣдь онъ думалъ... послѣдовалъ разсказъ о герцогининомъ любовникѣ.

— Да что-жь, ну, ошибся, добродушно оправдывался смазчикъ, вѣдь я что же понималъ тогда?

Подобныя происшествія подавали поводъ лишь къ насмѣшкѣ. Но между „сѣрыми людьми“ деревни и петербургскими рабочими происходили иногда недоразумѣнія гораздо болѣе печальнаго свойства. По дѣлу о пропагандѣ въ 37 губерніяхъ попалъ въ тюрьму рабочій Б—нъ, родомъ изъ Новгородской или Петербургской губ. Выпущенный послѣ почти двухлѣтняго заключенія, Б—нъ отправился на родину, если не ошибаюсь, для перемѣны паспорта. Тотчасъ по его приходѣ, онъ былъ засаженъ въ „холодную“, а затѣмъ „старички“ рѣшили „постегать малаго“ за недоимки. Ему сообщили объ этомъ рѣшеніи, какъ о чемъ-то весьма обыкновенномъ и совершенно неизбѣжномъ.

— Да вы съ ума сошли, возопилъ Б—нъ, да попробуйте только тронуть меня, я и деревню-то всю сожгу, да и вы-то головъ не сносите: самъ пропаду, да ужъ и вы пожалѣете, что связались со мною!

„Старички“ струсили. Они рѣшили, что совсѣмъ ошалѣлъ ихъ „острожникъ“ и что лучше, въ самомъ дѣлѣ, съ нимъ „не путаться“. Такъ и ушелъ Б—нъ изъ родной деревни, не вкусивъ благодѣтельныхъ лозановъ. Но онъ уже никогда не могъ забыть этого происшествія.

— Нѣтъ, говорилъ онъ намъ, я по прежнему готовъ заниматься пропагандой между рабочими, но въ деревню никогда и низачто не пойду. Незачѣмъ. Крестьяне—бараны, они никогда не поймутъ революціонеровъ.

Я не разъ замѣчалъ, что на тѣлесное наказаніе рабочіе смотрятъ какъ на крайнюю степень униженія человѣческаго достоинства. Иногда они съ негодованіемъ показывали мнѣ газетныя сообщенія о поркахъ крестьянъ, и я всегда затруднялся рѣшить, что больше возмущаетъ ихъ: свирѣпость истязующихъ, или безотвѣтная покорность истязуемыхъ.

Когда сложившееся въ 1876 г. общество „Земля и Воля“ стало заводить свои революціонныя поселенія „въ народѣ“, намъ удалось склонить къ переѣзду въ Саратовскую губернію нѣкоторыхъ петербургскихъ рабочихъ. Это были испытанные люди, искренно преданные народническимъ идеаламъ и глубоко проникнутые народническими взглядами. Но попытки ихъ устроиться въ деревнѣ не привели ни къ чему. Побродивъ по деревнямъ съ цѣлью высмотрѣть подходящее мѣсто для своего поселенія (при чемъ нѣкоторые изъ нихъ были приняты за нѣмцевъ), они махнули рукой на это дѣло и кончили тѣмъ, что вернулись въ Саратовъ, гдѣ завели сношенія съ мѣстными рабочими. Какъ ни удивляла насъ эта отчужденность отъ „народа“ его городскихъ дѣтей, но фактъ былъ на-лицо, и мы должны были оставить мысль о привлеченіи рабочихъ къ собственно крестьянскому дѣлу.

Прошу читателя имѣть въ виду, что я говорю здѣсь о такъ называемыхъ заводскихъ рабочихъ, составлявшихъ значительную часть петербургскаго рабочаго населенія и сильно отличавшихся отъ фабричныхъ, какъ по своему сравнительно сносному экономическому положенію, такъ и по своимъ привычкамъ. Фабричный работалъ больше заводского (12-14 часовъ въ сутки), а зарабатывалъ значительно меньше: руб. 20-25 въ мѣсяцъ. Онъ носилъ ситцевую рубаху и долгополую

поддевку, надъ которыми подсмѣивались заводскіе. Онъ не имѣлъ возможности нанимать отдѣльную квартиру или комнату, а жилъ въ общемъ артельномъ помѣщеніи. У него были болѣе прочныя связи съ деревней, чѣмъ у заводского рабочаго. Онъ зналъ и читалъ гораздо меньше, чѣмъ заводской, и вообще былъ ближе къ крестьянину. Заводской рабочій представлялъ собою что-то среднее между „интеллигентомъ“ и фабричнымъ; фабричный — что-то среднее между крестьяниномъ и заводскимъ рабочимъ. Къ кому онъ ближе по своимъ понятіямъ, къ крестьянину или къ заводскому, — это зависѣло отъ того, какъ долго прожилъ онъ въ городѣ. Только что пришедшій изъ деревни фабричный, разумѣется, оставался въ теченіе нѣкотораго времени настоящимъ крестьяниномъ. Онъ и жаловался не на хозяйскую прижимку, а на тяжелыя подати, да на крестьянское малоземелье. Пребываніе въ городѣ казалось ему временной и при томъ очень непріятной необходимостью. Но мало по малу городская жизнь подчиняла его своему вліянію; незамѣтно для себя, онъ пріобрѣталъ привычки и взгляды горожанина. Проработавъ въ городѣ нѣсколько лѣтъ, онъ уже плохо чувствовалъ себя въ деревнѣ и неохотно возвращался въ нее, въ особенности если ему удавалось столкнуться съ „умственными“ людьми, столкновенія съ которыми возбудили въ немъ интересъ къ книгѣ. Я зналъ такихъ фабричныхъ, которые, будучи принуждены вернуться на время домой, ѣхали туда какъ въ ссылку, а возвращались назадъ, подобно заводскому рабочему Б—ну, рѣшительными недругами „деревенщины“. Причина была всегда одна и та же: деревенскіе нравы и порядки становились невыносимы для человѣка, личность котораго начинала хоть немного развиваться. И чѣмъ даровитѣе былъ рабочій, чѣмъ больше думалъ и учился онъ въ городѣ, тѣмъ скорѣе и рѣшительнѣе разрывалъ онъ съ деревней. Фабричный, нѣсколько лѣтъ принимавшій участіе въ революціонномъ движеніи, обыкновенно не могъ и нѣсколькихъ мѣсяцевъ выжить у себя на родинѣ. Иногда отношенія такихъ рабочихъ къ ихъ старикамъ-родителямъ принимали по истинѣ трагическій характеръ. „Отцы“ горько плакались на непочтительность „дѣтей“, а дѣти съ тяжелымъ сердцемъ убѣждались, что стали въ семьѣ совершенно чужими, и ихъ неудержимо тянуло въ городъ, въ тѣсные, дружескіе кружки товарищей-революціонеровъ.

Едва-ли нужно объяснять, гдѣ лежитъ причина лучшаго экономическаго положенія заводскихъ рабочихъ. Она заключается въ свойствахъ ихъ труда. Можно легко и скоро выучиться хорошо работать на фабрикѣ, на прядильномъ или на ткацкомъ станкѣ. Для этого достаточно нѣсколькихъ недѣль. Но для того, чтобы сдѣлаться столяромъ, токаремъ или слесаремъ, нужно, по крайней мѣрѣ, около года. Рабочій, знающій одно изъ этихъ ремеслъ, считается уже „мастеровымъ человѣкомъ“, и именно такіе мастеровые нужны для заводовъ*). Несомнѣнно также, что не остаются безъ вліянія въ этомъ случаѣ и наши знаменитые „устои“. Нужда и необходимость платить подати, часто во много разъ превышающія доходность крестьянскихъ надѣловъ, ежегодно выгоняютъ изъ деревень массу „общинниковъ“, которые со всѣхъ сторонъ стремятся на фабрики, своимъ соперничествомъ страшно понижая заработную плату. На заводахъ этотъ наплывъ менѣе ощутителенъ, такъ какъ туда рѣдко удастся попасть человѣку безъ спеціальной подготовки.

*) Само собою разумѣется, что я не говорю здѣсь о кирпичныхъ, сахарныхъ и имъ подобныхъ завод., на которыхъ работаютъ совсѣмъ „сѣрые“ люди.

При томъ же, многіе изъ заводскихъ рабочихъ — городскіе мѣщане, т. е. люди, имѣющіе рѣдко достающееся на долю русскаго работника счастье быть пролетаріями, и потому не обязанные прямыми платежами по отношенію къ государству. Разумѣется, и одного голода болѣе чѣмъ достаточно для того, чтобы поставить продавца рабочей силы въ условія, очень невыгодныя для ея продажи. Но у „крѣпкихъ землѣ" фабричныхъ къ голоду присоединяется еще и податной гнетъ. Государство сперва связываетъ имъ руки, а потомъ предоставляетъ имъ бороться съ нуждой, какъ они умѣютъ.

Въ качествѣ коренныхъ горожанъ, многіе заводскіе рабочіе съ дѣтства имѣютъ гораздо больше средствъ къ образованію, чѣмъ фабричные. Между знакомыми мнѣ заводскими рабочими я не встрѣчалъ людей, совершенно не бывшихъ въ школѣ. Одни изъ нихъ учились въ обыкновенныхъ городскихъ первоначальныхъ школахъ, другіе въ школахъ Техническаго и Человѣколюбиваго Обществъ. Я совсѣмъ не знакомъ со школами Человѣколюбиваго Общества (слышалъ только отъ рабочихъ, что одна изъ нихъ имѣетъ нѣсколько классовъ), но школы Техническаго Общества извѣстны мнѣ очень хорошо. Бѣдно обставленныя, онѣ все таки недурно дѣлаютъ свое дѣло, обучая заводскую молодежь чтенію, письму и ариѳметикѣ. Для взрослыхъ рабочихъ въ этихъ школахъ устраиваются, или, по крайней мѣрѣ, устраивались субботнія (вечернія) и воскресныя (утреннія) чтенія по космографіи и по другимъ естественнымъ наукамъ. На чтенія эти всегда являлась многочисленная публика, и нужно было видѣть, съ какимъ вниманіемъ слушала она учителя! Я самъ не разъ былъ свидѣтелемъ того, какъ послѣ урока пожилые рабочіе подходили къ учителю и горячо благодарили его за за трудъ: „очень ужь интересно, говорили они, большое вамъ спасибо ото всѣхъ насъ". На нѣкоторыхъ заводахъ рабочіе-пропагандисты сдѣлали такое замѣчаніе: если человѣкъ не ходитъ на чтенія, то на него надежды мало; и наоборотъ, чѣмъ внимательнѣе слѣдитъ онъ за ними, тѣмъ съ большею увѣренностью можно сказать, что онъ станетъ современемъ надежнымъ революціонеромъ. Этой примѣтой они неизмѣнно руководствовались въ дѣлѣ привлеченія къ своимъ кружкамъ новыхъ членовъ.

Нѣкоторые изъ заинтересовавшихся книжкой рабочихъ не прочь были иногда и сами взяться за перо. На Васильe-Островскомъ патронномъ заводѣ въ теченіе нѣкотораго времени рабочими велся рукописный журналъ, — родъ рѣзкой сатирической лѣтописи заводской жизни. Доставалось въ немъ больше всего заводскому начальству, но иногда бичъ рабочей сатиры хваталъ и выше. Такъ, напримѣръ, помню, журналъ доводитъ до свѣдѣнія своихъ читателей, что въ правительственныхъ сферахъ обсуждается проектъ закона, въ силу котораго будутъ получать особыя награды предприниматели, въ теченіе года изувѣчившіе на своихъ фабрикахъ и заводахъ наибольшее число рабочихъ („награды будутъ соразмѣрны количеству оторванныхъ пальцевъ, рукъ и носовъ", говорилось въ этомъ сообщеніи). Эта горькая насмѣшка мѣтко характеризовала положеніе дѣлъ въ странѣ, законодательство которой, заботливо охраняя интересы нанимателей, самымъ беззастѣнчивымъ образомъ пренебрегаетъ интересами нанимаемыхъ.

Рабочая молодежь, подростки и дѣти, на сколько я замѣтилъ, отличаются гораздо большею самостоятельностью, чѣмъ молодежь высшихъ классовъ. Жизнь въ болѣе раннемъ возрастѣ и большею

суровостью толкаетъ ихъ на борьбу за существованіе, чѣмъ и налагаетъ особую печать находчивости и закаленности на тѣхъ изъ нихъ, которымъ удается спастись отъ преждевременной гибели. Я зналъ тринадцатилѣтняго мальчугана, круглаго сироту, который, работая въ Галерной Гавани на заводѣ Макферсона, жилъ одинъ-одинешенекъ, повидимому, не чувствуя ни малѣйшей нужды въ какой либо посторонней поддержкѣ. Онъ самъ разсчитывался съ конторой и самъ, безъ чужихъ указаній, умѣлъ соблюдать равновѣсіе въ своемъ маленькомъ бюджетѣ. Не знаю, былъ-ли у него опекунъ: это какъ-то слишкомъ нѣжно для рабочаго; но если и былъ, то, навѣрное, не много имѣлъ хлопотъ съ опекаемымъ.

Столкновенія съ мастерами и хозяевами развиваютъ въ рабочей молодежи замѣчательное единодушіе. Весною 1878 года, во время стачки на Новой Бумагопрядильнѣ, было арестовано и посажено въ участокъ нѣсколько малолѣтнихъ фабричныхъ. Товарищи ихъ, такіе-же малолѣтніе и такіе-же „бунтовщики“ какъ и арестованные, немедленно отправились толпою въ участокъ, требуя ихъ освобожденія. Вышла своеобразная дѣтская демонстрація. Взрослые рабочіе не принимали въ ней никакого участія. Они только наблюдали ее издали: „вишь какъ наши ребятишки-то дѣйствуютъ, — одобрительно говорили они — ничего, пущай учатся“. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ учиться ребятишкамъ было нечему: они и безъ того принимали въ стачкѣ самое дѣятельное и самое полезное участіе, прекрасно понимая, въ чемъ дѣло. Когда на обширномъ дворѣ Бумагопрядильни происходили большія собранія стачечниковъ, малолѣтніе играли обыкновенно роль казачьихъ разъѣздовъ. Они какимъ-то чутьемъ узнавали о приближеніи непріятеля и немедленно доводили о немъ до свѣдѣнія старшихъ. „Приставъ ѣдетъ! приставъ ѣдетъ!“ со всѣхъ сторонъ кричали звонкіе дѣтскіе голоса, и, извѣщенное во время, собраніе расходилось. Когда приставъ появлялся на мѣсто дѣйствія, то хватать было уже некого. Взрослая полиція Александра II страшно злобилась на эту малолѣтнюю полицію рабочихъ. Многіе изъ этихъ маленькихъ стачечниковъ были подвергнуты тогда „исправительному наказанію при полиціи“. Не думаю, однако, чтобы наказаніе „исправило“ ихъ въ желательномъ для начальства смыслѣ.

Много интереснаго могъ бы подмѣтить въ рабочей средѣ такой тонкій наблюдатель, какъ Г. И. Успенскій. Но наши народники-беллетристы обыкновенно не обращали на нее никакого вниманія. Для нихъ „народъ“ кончался тамъ, гдѣ исчезала крестьянская непосредственность, и гдѣ завѣщанная предками философія Ивана Ермолаевича*) разлагается подъ вліяніемъ пробудившейся мысли работника. Правда, въ семидесятыхъ годахъ этимъ грѣхомъ грѣшны были не одни беллетристы-народники и вообще не одна „легальная“ литература. „Нелегальные“ писатели съ своей стороны не мало содѣйствовали ложной идеализаціи крестьянства и торжеству самобытныхъ теорій „русскаго соціализма“, никогда не умѣвшаго взглянуть на рабочій вопросъ съ правильной точки зрѣнія. Проникнутые народническими предразсудками, всѣ мы видѣли тогда въ торжествѣ капи-

*) Прим. ко 2-му изд. Нынѣшнему читателю не мѣшаетъ, пожалуй, напомнить, что Иванъ Ермолаевичъ есть герой одного изъ очерковъ Г. И. Успенскаго. Это чрезвычайно художественный типъ „настоящаго“ русскаго крестьянина добраго стараго времени. Онъ заключаетъ въ себѣ отвѣтъ на многіе „проклятые“ вопросы русской исторіи.

тализма и въ развитіи пролетаріата величайшее зло для Россіи. Благодаря этому, наше отношеніе къ рабочимъ всегда было двойственнымъ и совершенно непослѣдовательнымъ. Съ одной стороны, въ своихъ программахъ, мы не отводили пролетаріату никакой самостоятельной политической роли и возлагали свои упованія исключительно на крестьянскіе бунты; а съ другой — мы всетаки считали нужнымъ „заниматься съ рабочими“, и не могли отказаться отъ этого дѣла уже по одному тому, что оно, при несравненно меньшей затратѣ силъ, оказывалось несравненно болѣе плодотворнымъ, чѣмъ наши излюбленныя „поселенія въ народѣ“. Но, идя къ рабочимъ не то чтобы противъ воли, а, такъ сказать, противъ теоріи, мы, разумѣется, не могли хорошо выяснить имъ то, что Лассаль называлъ идеей рабочаго сословія. Мы проповѣдывали имъ не соціализмъ и даже не либерализмъ, а именно тотъ передѣланный на русскій ладъ бакунизмъ, который училъ рабочихъ презирать „буржуазныя“ политическія права и „буржуазную“ политическую свободу и ставилъ передъ ними, въ видѣ соблазнительнаго идеала, допотопныя крестьянскія учрежденія. Слушая насъ, рабочій могъ проникнуться ненавистью къ правительству и „бунтарскимъ“ духомъ, могъ научиться сочувствовать „сѣрому“ мужику и желать ему всего лучшаго, но ни въ какомъ случаѣ не могъ онъ понять, въ чемъ заключается его собственная задача, соціально-политическая задача пролетарія. До этого ему приходилось додумываться собственнымъ умомъ, и читатель увидитъ ниже, что когда рабочіе додумались до этого, то ужаснули всѣхъ правовѣрныхъ „интеллигентовъ“.*)

Здѣсь надо оговориться. Сказанное мною объ отношеніяхъ интеллигенціи къ рабочему вопросу касается только бунтарей-„землевольцевъ“ и лицъ, стоявшихъ на ихъ, т. е. на народнической, точкѣ зрѣнія. Рядомъ съ ними дѣйствовали еще „лавристы“. Люди этого направленія были тогда въ меньшинствѣ и быстро сходили со сцены. Но надо отдать имъ справедливость: ихъ пропаганда, вѣроятно, была разумнѣе нашей. Правда, и они, подобно намъ, отрицали „буржуазную“ политическую свабоду, и они — по крайней мѣрѣ, многіе изъ нихъ — готовы были трепетать за участь „устоевъ“. Въ ихъ взглядахъ было тоже много непослѣдовательности, но ихъ непослѣдовательность имѣла одну счастливую особенность: отрицая „политику“, они съ величайшимъ сочувствіемъ относились къ нѣмецкой соціальной демократіи. Нельзя быть высокаго мнѣнія о логичности человѣка, отрицающаго „политику“ и въ тоже время сочувствующаго названной мною политической рабочей партіи. Но своими разсказами о ней такой человѣкъ можетъ заронить сѣмя здоровыхъ понятій въ другія головы, которыя, при благопріятныхъ

---

*) Примѣчаніе ко второму изданію. Противники соціалдемократовъ не рѣдко говорятъ имъ теперь: „Не вы первые обратились къ рабочимъ. Революціонеры начали дѣйствовать въ рабочей средѣ раньше, чѣмъ возникла соціалдемократія“. Съ одной стороны, это вѣрно, какъ показываютъ, между прочимъ, и мои воспоминанія о рабочемъ движеніи семидесятыхъ годовъ, т. е. того времени, когда въ нашей революціонной средѣ господствовали народническіе взгляды. Но вопросъ не въ томъ, дѣйствовали или нѣтъ, въ рабочей средѣ русскіе революціонеры до возникновенія соціалдемократіи, а въ томъ, какъ они дѣйствовали и какое мѣсто отводилось въ ихъ программахъ дѣятельности этого рода. Наши противники охотно забываютъ объ этомъ, а въ этомъ — самое главное: дѣйствовать въ средѣ пролетаріата, не отводя ему никакой самостоятельной роли въ общественномъ развитіи, значитъ не развивать, а запутывать его классовое самосознаніе.

обстоятельствахъ, съумѣютъ вполнѣ усвоить соціаль-демократическую программу или хоть приблизиться къ ней въ большей или меньшей степени. Въ такомъ случаѣ за нимъ останется все-таки не малая заслуга. Именно такую заслугу и нужно признать за лавристами. Вспоминая теперь лекціи, читанныя въ рабочихъ кружкахъ „бунтарями", я думаю, что существенную пользу рабочіе могли выносить только изъ лекцій по политической экономіи покойнаго И. Ѳ. Фесенко. Этотъ, къ сожалѣнію, слишкомъ рано умершій человѣкъ, хорошо зналъ выбранный имъ предметъ и умѣлъ излагать его общедоступно и увлекательно. Но его лекціи продолжались всего нѣсколько мѣсяцевъ. Съ его отъѣздомъ изъ Петербурга политическая экономія была у насъ совсѣмъ заброшена; на первый планъ выступили „очерки изъ русской исторіи", сводившіеся, главнымъ образомъ, къ разсказамъ о бунтахъ Разина, Булавина и Пугачева, да отчасти къ исторіи крестьянства (преимущественно по извѣстной книгѣ Бѣляева: „Крестьяне на Руси"). Для уразумѣнія рабочаго вопроса эти „очерки" ничего не давали. Иногда мы говорили своимъ слушателямъ и о Международномъ Обществѣ Рабочихъ, но въ качествѣ „бунтарей", разумѣется, превозносили дѣятельность Бакунина, а „централистовъ", т. е. сторонниковъ Маркса и Энгельса, изображали довольно таки злостными реакціонерами. Такое освѣщеніе исторіи Международнаго Общества не могло содѣйствовать политическому развитію нашихъ слушателей. У лавристовъ было хорошо хоть то, что они изображали не въ превратномъ видѣ западно-европейское рабочее движеніе, и подъ вліяніемъ ихъ разсказовъ русскій рабочій могъ лучше выяснить себѣ свою собственную задачу. Если въ программѣ образовавшагося зимою 78-79 года Сѣверно-Русскаго Рабочаго Союза сильно слышалась соціаль-демократическая нота, то это, кажется, въ значительной степени нужно приписать вліянію лавристовъ.

Но вообще въ роли лектора тогдашній интеллигентъ-революціонеръ былъ не блестящъ по той простой причинѣ, что зналъ онъ мало, а то, что зналъ, не всегда понималъ, какъ слѣдуетъ. Онъ полезенъ былъ рабочимъ больше въ качествѣ удалаго добраго молодца, способнаго и книжку запрещенную достать, и паспортъ сдѣлать, и устроить подходящую квартиру для тайныхъ собраній, словомъ научить всѣмъ тонкостямъ „конспиративнаго" дѣла. Онъ шевелилъ, будилъ и увлекалъ впередъ рабочихъ своею подвижностью, своимъ самоотверженіемъ, своей удалью и своей безграничной склонностью ко всяческому „отрицанію". Хотя многіе, въ особенности болѣе развитые рабочіе иногда скептически относились къ интеллигенту, но обойтись безъ этого незамѣнимаго фактора „конспираціи" они не могли. Подъ вліяніемъ Халтурина и его ближайшихъ товарищей рабочее движеніе Петербурга въ теченіе нѣкотораго времени стало совершенно самостоятельнымъ дѣломъ самихъ рабочихъ. Но и Халтурину постоянно приходилось обращаться къ интеллигенціи за помощью то въ томъ, то въ другомъ практическомъ дѣлѣ.

Какія книги больше всего читались въ рабочей средѣ? Во всякомъ случаѣ не тѣ революціонныя брошюры, — сказки о четырехъ братьяхъ и о копѣйкѣ, Мудрица Наумовна и проч., — которыя въ особенности предназначались революціонерами для народа. Всѣ онѣ такъ бѣдны содержаніемъ, что удовлетворить хоть сколько-нибудь грамотнаго рабочаго не могли. Онѣ годились развѣ только для ничего не читавшихъ новичковъ, да и по отношенію къ тѣмъ служили больше пробнымъ камнемъ ихъ настроенія: если рабочій, прочитавъ такую книжку, не испугался, значитъ — изъ него будетъ толкъ, значитъ

вѣрноподданническія чувства и „страхъ іудейскій“ сидятъ въ немъ не глубоко; если — струсилъ, значитъ — иди отъ него подальше или, по крайней мѣрѣ, будь съ нимъ осторожнѣе. Но разъ вы убѣдились въ революціонномъ настроеніи рабочаго, вы должны были — или доставлять для его чтенія болѣе серьезный печатный матеріалъ, или въ личной бесѣдѣ отвѣчать на возникавшіе въ его головѣ вопросы. Только изданная въ Женевѣ книга „Сытые и Голодные“, анархическая и по духу и по литературному исполненію, да еще, пожалуй, „Хитрая Механика“ считались рабочими болѣе основательнымъ чтеніемъ. На всѣ остальныя революціонныя брошюры для народа они смотрѣли какъ на нѣчто слишкомъ уже элементарное. „Это для сѣрыхъ“, говорили о нихъ заводскіе рабочіе. Вообще я замѣтилъ, что читая книжку, изданную спеціально „для народа“, способный рабочій чувствуетъ себя какъ бы нѣсколько униженнымъ, поставленнымъ въ положеніе ребенка, читающаго дѣтскую сказку. Ему хочется поскорѣе перейти къ сочиненіямъ, предназначающимся для всѣхъ вообще толковыхъ читателей, а не только для „сѣраго“ народа. Для многихъ рабочихъ чтеніе серьезныхъ и даже ученыхъ книгъ было своего рода вопросомъ чести. Я помню нѣкоего И. Е., здоровеннаго молотобойца изъ Архангельской губерніи, который съ усердіемъ, достойнымъ болѣе подходящаго для него чтенія, сидѣлъ по вечерамъ надъ „Основами Біологіи“ Спенсера. „Что это, вы думаете, что ужь мы, рабочіе, — совсѣмъ дураки“, сердито отвѣчалъ онъ мнѣ, когда я совѣтовалъ ему взять что нибудь полегче. Такіе рабочіе охотно читали все, что печаталось революціонерами для интеллигенціи: „Государственность и Анархію“ Бакунина, „Впередъ!“, „Общину“, „Землю и Волю“, переизданную въ Петербургѣ брошюру г. Драгоманова. „До чего довоевались?“ и т. п. Но тутъ являлась новая бѣда. Въ революціонныхъ изданіяхъ „для интеллигенціи“ много и часто говорилось о такихъ вещахъ, которыя не могли имѣть большого интереса для рабочаго. Таковы были, напримѣръ, спеціально „интеллигентные“ вопросы о „долгѣ образованныхъ классовъ народу“ и о вытекающихъ изъ этого долга нравственныхъ обязательствахъ, объ отношеніи революціонеровъ къ „обществу“ и споры о „программахъ“, т. е. иначе сказать, споры о томъ, какъ легче и удобнѣе воздѣйствовать на народъ и, между прочимъ, на того же рабочаго. Къ такимъ программнымъ спорамъ, какъ уже сказано и какъ это, впрочемъ, понятно само собою, рабочіе относились довольно равнодушно, хотя для нихъ было далеко не все равно, въ какую сторону направится ихъ собственная революціонная дѣятельность.

— Нѣтъ, не для насъ этотъ журналъ, — нашъ журналъ долженъ вестись совсѣмъ иначе, — часто говорилъ мнѣ Халтуринъ по поводу издававшейся тогда въ Петербургѣ „Земли и Воли“. И онъ былъ, разумѣется, совершенно правъ. „Земля и Воля“ — какъ и „Община“, какъ и „Впередъ!“ — не могла быть рабочей газетой ни по содержанію, ни по направленію.

Спрашивая рабочихъ, чего именно требуютъ они отъ революціонной литературы, я получалъ самые разнообразные отвѣты. Въ большинствѣ случаевъ каждому изъ нихъ хотѣлось, чтобы она разрѣшила вопросы, почему-нибудь занимавшіе его въ данное время. А вопросовъ этихъ черезъ голову мыслящихъ рабочихъ проходило многое множество, и у каждаго рабочаго, смотря по его наклонностямъ и характеру ума, были свои излюбленные вопросы. Одинъ больше всего интересовался вопросомъ о богѣ и утверждалъ, что революціонная

литература должна направить главныя свои усилія на разрушеніе религіозныхъ вѣрованій народа. Другихъ интересовали преимущественно историческіе, политическіе или естественно-научные вопросы. Въ числѣ моихъ пріятелей-фабричныхъ былъ даже такой, котораго особенно занималъ женскій вопросъ. Онъ находилъ, что рабочіе не уважаютъ женщины и обращаются съ ней какъ съ низшимъ существомъ. По его словамъ, многіе женатые рабочіе даже удаляли своихъ женъ, когда гости ихъ заводили революціонные разговоры: не нужно, молъ, путать бабъ въ это дѣло. Поэтому у женщинъ не было никакихъ общественныхъ интересовъ, что, въ свою очередь, вредно отзывалось на мужчинахъ, которыхъ онѣ, по своей неразвитости, всегда старались отвлечь отъ опаснаго революціоннаго дѣла. Мой пріятель никогда не упускалъ случая „спропагандировать“ женщину и всѣми силами старался заводить особые революціонные кружки между работницами. Своимъ товарищамъ онъ очень энергично — т. е. не отступая передъ употребленіемъ крѣпкаго слова — внушалъ достойные развитыхъ людей взгляды на женщинъ. Занятый своей идеей, онъ, естественно, требовалъ помощи отъ революціонной литературы и сожалѣлъ, что она слишкомъ мало занимается женскимъ вопросомъ.

Замѣчу мимоходомъ, что этотъ горячій сторонникъ женскаго освобожденія принадлежалъ къ числу тѣхъ фабричныхъ, для которыхъ жизнь въ деревнѣ стала совершенно немыслимой. Когда я познакомился съ нимъ, онъ былъ еще очень молодымъ парнемъ, но считался уже „старымъ“ революціонеромъ, такъ какъ былъ „спропагандированъ“ еще Чайковцами. Въ 73 или въ 74 году, совсѣмъ мальчикомъ, попалъ онъ въ Домъ Предварительнаго Заключенія (Задушенія, какъ говорили „политическіе“), гдѣ прекрасно держалъ себя и пристрастился къ чтенію. По выходѣ на волю онъ не разъ ѣздилъ въ Тверскую губернію къ своимъ роднымъ, но ладу съ ними у него уже не было. Они называли его студентомъ и считали пропащимъ человѣкомъ. Онъ поражалъ ихъ и привычками, и взглядами, и непочтительнымъ отношеніемъ къ начальству. Впрочемъ, они утѣшали себя пословицей: женится — перемѣнится, и едва стукнуло ему 18 лѣтъ, „приглядѣли“ ему невѣсту. А онъ какъ разъ въ это время увлекся женскимъ вопросомъ и не допускалъ даже мысли о томъ, что порядочный человѣкъ можетъ жениться на незнакомой женщинѣ. Чтобы избѣжать безполезныхъ столкновеній, онъ рѣшился совсѣмъ не заглядывать на родину. Родина, съ своей стороны, рѣшила, что парень въ конецъ „избаловался“; не знаю ужь, согласились ли бы съ нею въ данномъ случаѣ наши народники.

Между работницами Петербурга было нѣсколько революціонерокъ, случались у нихъ даже стачки (на табачныхъ фабрикахъ), но вообще въ тогдашнемъ рабочемъ движеніи женщины стояли дѣйствительно на самомъ заднемъ планѣ. Нѣкоторые заводскіе рабочіе-революціонеры не женились прямо потому, что въ окружавшей ихъ средѣ не было подходящихъ для нихъ женщинъ. „Наши бабы совсѣмъ дуры, а интеллигентки за нашего брата не пойдутъ, имъ подавай студентовъ“, не безъ горечи говаривали такіе рабочіе. Думаю, что и въ этомъ случаѣ въ нихъ сказывалось не городское „баловство“, а серьезное нравственное развитіе.

Я вовсе не намѣренъ идеализировать условія современной городской жизни: — довольно ужь мы упражнялись въ ложной идеализаціи. Я видѣлъ и знаю отрицательныя стороны этой жизни. Попадая изъ деревни въ городъ, рабочій, иногда, дѣйствительно, начинаетъ

„пошаливать“. Въ деревнѣ онъ жилъ по завѣту отцовъ, безъ разсужденій подчиняясь ихъ изстари установившимся обычаямъ. Въ городѣ, обычаи эти сразу теряютъ смыслъ. Чтобы человѣкъ не лишился всякаго нравственнаго мѣрила, они необходимо должны замѣниться новыми обычаями, новыми взглядами на вещи. Такая замѣна постепенно и происходитъ въ дѣйствительности, такъ какъ уже одна неизбѣжная и повседневная борьба съ хозяиномъ налагаетъ на рабочихъ взаимныя нравственныя обязательства. Но „пока что“, пока еще рабочій не успѣлъ проникнуться новой моралью, онъ все-таки переживаетъ нравственный переломъ, выражающійся иногда въ довольно некрасивомъ поведеніи. Здѣсь повторяется то, что переживаетъ всякій общественный классъ, всякое общество при переходѣ отъ узкихъ патріархальныхъ порядковъ къ другимъ, болѣе широкимъ, но за то болѣе сложнымъ и болѣе запутаннымъ. Разсудочность вступаетъ въ свои права и, „закусивъ удила“, приводитъ подчасъ къ анти-соціальнымъ выводамъ. Разсудокъ вообще способенъ ошибаться сильнѣе, чѣмъ „объективный разумъ“ обычая. За это онъ и проклинается всѣми охранителями. Но до тѣхъ поръ, пока люди будутъ идти впередъ, неизбѣжной останется и періодическая ломка обычаевъ. И какъ ни „балуется“ иногда во время такой ломки разсудокъ, но его ошибокъ не поправишь охраненіемъ отжившихъ порядковъ. Поправляетъ ихъ обыкновенно дальнѣйшій ходъ самой жизни. Чѣмъ больше развиваются новые порядки, тѣмъ яснѣе становятся для всѣхъ и каждаго обусловленныя ими новыя нравственныя требованія, мало по малу пріобрѣтающія прочность обычая, который и сдерживаетъ затѣмъ излишнее „баловство“ разсудка. Такимъ образомъ, отрицательныя стороны развитія устраняются его собственными положительными пріобрѣтеніями, и роль мыслящаго человѣка въ этомъ неизбѣжномъ историческомъ движеніи опредѣляется сама собою.

Я зналъ одного молодого фабричнаго, который былъ вполнѣ честнымъ малымъ, пока его не коснулась революціонная пропаганда. Но какъ только ему сдѣлались извѣстными соціалистическія нападки на эксплуататоровъ, онъ началъ „шалить“, считая позволительнымъ обманывать и обкрадывать людей, принадлежащихъ къ высшимъ классамъ. „Все равно у насъ же накрали“, возражалъ онъ на упреки товарищей, которымъ откровенно показывалъ и предлагалъ братски раздѣлить попавшуюся подъ руку добычу. Будь извѣстенъ этотъ случай покойному Достоевскому, онъ, конечно, не преминулъ бы уколоть имъ глаза революціонерамъ въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“, гдѣ вывелъ бы упомянутаго парня рядомъ съ Смердяковымъ, этой жертвой „интеллигентнаго“ свободомыслія, или въ „Бѣсахъ“, гдѣ какъ извѣстно, „что ни шагъ, то ужасъ“. Интересно, что сами товарищи, едва-ли когда читавшіе произведенія Достоевскаго, стали звать вороватаго малаго Бѣсомъ. Но въ подвигахъ Бѣса они не винили ни интеллигенціи вообще, ни соціалистической пропаганды въ частности. Они своимъ вліяніемъ старались, такъ сказать, додѣлать нравственную личность этого юноши и научить его бороться противъ высшихъ классовъ не въ качествѣ обманщика и вора, а въ качествѣ революціоннаго агитатора. Я скоро упустилъ Бѣса изъ виду, и не знаю, разрѣшился-ли въ благопріятную сторону переживавшійся имъ тогда нравственный переломъ. Но что благопріятный исходъ былъ вполнѣ возможенъ, за это ручается, между прочимъ, то неодобреніе, которое встрѣчали его подвиги со стороны всѣхъ окружавшихъ его рабочихъ-революціонеровъ.

III.

Въ настоящее время въ средѣ „интеллигенціи“ много спорятъ о возможности революціонной пропаганды между рабочими.*) Я думаю, что всякій, кто хоть немного сталкивался съ русскими рабочими, знаетъ, какъ внимательно и какъ сочувственно относятся они къ этой пропагандѣ. Говорятъ, что пропаганда встрѣчаетъ теперь непреодолимыя препятствія со стороны полиціи. Но слишкомъ часто говорятъ это люди, не давшіе себѣ труда сдѣлать хоть одну серьезную попытку въ этомъ направленіи. Иногда ссылаются, правда, и на „опытъ“. Но опытъ опыту рознь. Безъ умѣнья невозможно никакое революціонное дѣло, а умѣлыхъ людей не остановитъ никакая полиція. Общество „Земля и Воля“ во все время своего существованія вело дѣятельныя сношенія съ рабочими черезъ посредство нѣкоторыхъ изъ своихъ членовъ. И замѣчательно, что за все это время собственно рабочее дѣло привело у насъ только къ одному, да и то незначительному „провалу“: по доносу рабочаго арестованъ былъ въ 1878 г. нашъ товарищъ И., занимавшійся пропагандой на одной изъ московскихъ фабрикъ. Многочисленные аресты рабочихъ, имѣвшіе мѣсто весною того же года въ Петербургѣ, аресты, благодаря которымъ въ руки полиціи попались покойный Хазовъ („Дѣдушка“) и нѣкоторые другіе наши товарищи, причинены были самой же интеллигенціей. Именно, „нелегально“ жившій тогда въ Москвѣ Хазовъ попросилъ студентовъ Петровской академіи спрятать кое-какія „конспиративныя“ бумаги. Тѣ зарыли порученный ими пакетъ въ академическомъ саду, но зарыли, какъ оказалось, нехорошо и не глубоко. Какая-то, не кстати любопытная собака вырыла его изъ-подъ земли, а какой-то, къ сожалѣнію, слишкомъ проницательный вѣрноподданный, ознакомившись съ его содержимымъ,

*) Примѣчаніе ко второму изданію. Теперь объ этомъ уже перестали спорить. Теперь всѣ признаютъ возможность такой пропаганды (равно какъ и агитаціи). Но когда я писалъ эти воспоминанія, этотъ вопросъ могъ считаться рѣшеннымъ лишь въ отрицательномъ смыслѣ. Не далѣе, какъ въ 1889 году г. В. Жукъ въ „Свободной Россіи“, выходившей подъ редакціей Вл. Бурцева и Вл. Дебагорія-Мокріевича, писалъ: ...„Даже успѣшная пропаганда среди отдѣльныхъ развитыхъ рабочихъ не окупаетъ той массы жертвъ, которыхъ требуетъ. Въ большинствѣ же случаевъ рабочіе, принимавшіе такъ или иначе участіе въ революціонномъ движеніи, приходя въ столкновеніе съ властями въ тюрьмѣ, падали духомъ и не могли стойко защищать свои убѣжденія, которыя, казалось, ими такъ хорошо восприняты на волѣ. Аресты среди рабочихъ вели обыкновенно за собою и разрушеніе революціонныхъ организацій, имѣвшихъ соприкосновеніе съ ними. Конечно, жестоко и несправедливо было бы обвинять рабочихъ въ этомъ (добрый, справедливый г. В. Жукъ! Г. П.), такъ какъ имъ негдѣ было взять того мужества и той нравственной крѣпости, которыя даются образованіемъ и развитіемъ“ („Свободная Россія“, № 1, стр. 37, вторая колонна). Я надлежащимъ образомъ заклеймилъ это удивительное мнѣніе въ предисловіи къ нашему изданію рѣчи Алексѣева (Женева 1889 г.). Но современному читателю трудно было бы даже и представить себѣ, какую бурю вызвало это предисловіе въ заграничныхъ русскихъ колоніяхъ! Меня готовы были предать анаѳемѣ; противъ меня писали „протесты“. Теперь за это предавать меня анаѳемѣ никто не станетъ. Но, разумѣется, для анаѳемы и для „протестовъ“ можетъ найтись другой, столь же подходящій поводъ. Я очень хорошо знаю это и ни мало этимъ не смущаюсь. Общественное мнѣніе — великое дѣло; но нашъ братъ революціонеръ долженъ умѣть плавать противъ теченія. Безъ такого умѣнья онъ никуда не годится, безъ него онъ революціонеръ только по имени.

представилъ его по начальству. Неожиданная находка оказалась настоящимъ кладомъ для полиціи, которая тотчасъ же арестовала Хазова и кое-кого изъ его московскихъ друзей. Какъ часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, эти аресты дали поводы для новыхъ; „провалы“ распространились на Петербургъ, гдѣ особенно пострадали многочисленные и хорошо сплоченные рабочіе кружки Галерной Гавани. Наши потери были тогда очень серьезны, но мы понимали, что должны винить самихъ себя, а не рабочихъ.

Въ сношеніяхъ съ рабочими „землевольцы“ всегда держались слѣдующихъ пріемовъ. Тѣ члены организаціи, которымъ поручалось веденіе „рабочаго дѣла“ (ихъ всегда было немного, самое большее: 4-5 человѣкъ), обязаны были составить особые кружки изъ молодыхъ „интеллигентовъ“. Кружки эти, собственно говоря, не принадлежали къ обществу „Земля и Воля“, но, дѣйствуя подъ руководствомъ его членовъ, они не могли работать иначе, какъ въ духѣ его программы. Вотъ эти-то кружки и вступали въ сношенія съ рабочими. Такъ какъ, благодаря пропагандѣ 1873-74 гг., въ петербургской рабочей средѣ было довольно много революціонеровъ, то задача „землевольцевъ“ и ихъ молодыхъ помощниковъ свелась прежде всего къ организаціи этихъ готовыхъ силъ. „Старые“, по большей части уже испытанные революціонеры-рабочіе, присоединивъ къ себѣ нѣкоторыхъ надежныхъ новичковъ, составили ядро петербургской рабочей организаціи, съ которымъ и сносилась, главнымъ образомъ, „интеллигенція“. На этихъ людей мы вполнѣ могли положиться: нелѣпо было бы бояться, что они насъ выдадутъ. Тѣмъ не менѣе, помня, что кашу масломъ не портятъ, и что въ тайномъ революціонномъ дѣлѣ осторожность обязательна даже тогда, когда кажется совершенно излишней, „землевольцы“ и этимъ испытаннымъ рабочимъ не сообщали ни своихъ адресовъ, ни своихъ именъ (т. е. тѣхъ именъ, подъ которыми они были прописаны въ участкѣ). Прибавлю, что такъ они поступали не съ одними рабочими: адресъ землевольца и то, по большей части вымышленное имя, подъ которымъ проживалъ онъ, въ самой организаціи знали обыкновенно только очень немногіе члены, занимавшіеся вмѣстѣ съ нимъ одной и той же отраслью революціоннаго дѣла; остальные, занятые другими революціонными спеціальностями, должны были довольствоваться встрѣчами съ нимъ на „конспиративной“ квартирѣ, гдѣ происходили общія кружковыя собранія. На обязанности центральной, отборной рабочей группы лежало руководство мѣстными рабочими кружками, возникавшими въ той или другой части Петербурга. Интеллигенція не вмѣшивалась въ дѣла этихъ мѣстныхъ кружковъ, ограничиваясь доставленіемъ имъ книгъ, помощью при заведеніи тайныхъ квартиръ для собраній и т. п. Каждый мѣстный кружокъ собственными силами долженъ былъ привлекать себѣ новыхъ членовъ, которымъ сообщали, что существуютъ и другіе подобные кружки въ Петербургѣ, но гдѣ и какіе именно, это было извѣстно только членамъ центральнаго рабочаго ядра, каждое воскресенье сходившимся на общее собраніе. Революціонеры-интеллигенты являлись съ цѣлью пропаганды и на собранія мѣстныхъ кружковъ. Но такъ какъ тамъ они извѣстны были подъ вымышленными именами, то если бы туда и забрался какой-нибудь шпіонъ, онъ могъ бы донести „послawшимъ его“ только о томъ, что какой-то Ѳедорычъ, или Антонъ, или „Дѣдушка“ въ томъ-то мѣстѣ и въ такомъ-то часу потрясаетъ основы, а гдѣ искать этого Ѳедорыча, или Антона, или „Дѣдушку“, оставалось покрыто мракомъ неизвѣстности.

Ч-1199

Прослѣдить же на улицѣ кого нибудь изъ этихъ потрясателей было не такъ-то легко, потому что они на сей конецъ прибѣгали къ особымъ мѣрамъ, въ видѣ проходныхъ дворовъ, извощика, внезапно взятаго въ такомъ мѣстѣ, гдѣ другого извощика не было, и гдѣ, такимъ образомъ, слѣдовавшій за потрясателемъ пѣшій шпіонъ по необходимости долженъ былъ отстать отъ него, и проч. и проч. При подобныхъ предосторожностяхъ мы могли благополучно заниматься своимъ дѣломъ даже въ самыя жестокія времена, когда не принадлежавшіе къ организаціямъ революціонеры (нигилисты, какъ называли мы ихъ на своемъ жаргонѣ) за самомалѣйшіе пустяки десятками попадались къ руки бдительныхъ аргусовъ.

Уже къ концу 1876 года, когда землевольцы только еще приступали къ устройству революціонныхъ „поселеній въ народѣ“, пропаганда между рабочими приняла довольно широкіе размѣры, какъ въ Петербургѣ (въ Галерной Гавани, на Васильевскомъ Островѣ, на Петербургской и на Выборной сторонахъ, на Обводномъ Каналѣ, за Невской и Нарвской заставами), такъ и въ его окрестностяхъ (въ Колпинѣ, на Александровской мануфактурѣ, въ Кронштадтѣ, и т. д.). Но я уже сказалъ, что „бунтари“ не довольствовались пропагандой и во что бы то ни стало хотѣли агитировать. Наше настроеніе увлекло, наконецъ, и рабочихъ. Въ то время у всѣхъ была въ памяти демонстрація, ознаменовавшая весною 1876 г. похороны убитаго тюрьмой студента Чернышева, который былъ арестованъ по дѣлу 193. Она произвела очень сильное впечатлѣніе на всю интеллигенцію, и все лѣто того года мы, что называется, бредили демонстраціями. Но въ Чернышевской демонстраціи рабочіе не принимали участія, такъ какъ произошла она въ будни, да и подготовители ея какъ-то не вспомнили о рабочихъ: Чернышева хоронила „интеллигенція“. И вотъ рабочимъ захотѣлось сдѣлать свою демонстрацію, и при томъ такую, которая своимъ рѣзко-революціоннымъ характеромъ совершенно затмила бы демонстрацію „интеллигентовъ“. Они увѣряли насъ, что если хорошо взяться за дѣло и выбрать для демонстраціи праздничный день, то на нее соберется до 2000 рабочихъ. Мы сомнѣвались въ этомъ, но бунтарская жилка заговорила въ каждомъ изъ насъ, и мы сдались. Такъ произошла извѣстная Казанская демонстрація 6 (18) декабря 1876 года.

Теперь о Казанской демонстраціи совсѣмъ забыли. Даже самъ г. Драгомановъ, любившій когда-то упрекнуть ею революціонеровъ, вспоминаетъ о ней все рѣже и рѣже. Но въ свое время она возбудила много толковъ и споровъ. Одни осуждали, другіе превозносили ее, хотя очень часто и тѣ и другіе имѣли о ней совершенно ошибочное понятіе. Для „интеллигенціи“ цѣль демонстраціи такъ и осталась невыясненной, вѣроятно потому, что въ ея подготовленіи „интеллигенція“ принимала участіе только въ лицѣ немногихъ „землевольцевъ“, дѣйствовавшихъ въ рабочихъ кварталахъ Петербурга. Эти люди употребляли всѣ зависѣвшія отъ нихъ средства, чтобы привлечь на нее какъ можно больше рабочихъ, но объ интеллигенціи, насколько мнѣ извѣстно, они думали мало: придетъ, молъ, и безъ зова, а не придетъ — бѣда не велика, пожалуй, даже лучше будетъ, выйдетъ чисто рабочая демонстрація. Тѣмъ не менѣе, утромъ 6-го декабря у Казанскаго собора собралось много учащейся молодежи. Произошло это, какъ мнѣ кажется, главнымъ образомъ, потому, что уже въ теченіе всего ноября по Петербургу ходили слухи о какой-то демонстраціи, имѣющей произойти около Исакія, и публика была уже подготовлена.

Кто задумалъ эту демонстрацію и какой характеръ собирались придать ей, мы, „землевольцы“, хорошенько не знали, хотя, разумѣется, явились бы и къ Исакію, если бы тамъ дѣйствительно что-нибудь произошло. Но этой демонстраціи не суждено было состояться, она все какъ-то откладывалась отъ одного праздника до другого, такъ что нетерпѣливые „нигилисты“ начали, наконецъ, сердиться. О демонстраціи у Исакія стали говорить не иначе какъ съ ироніей. Не желая, чтобы публика смѣшала насъ съ этими медлителями, мы нарочно выбрали другое мѣсто — Казанскій соборъ — для нашей демонстраціи. И все таки, когда въ публику проникли слухи о нашихъ замыслахъ, многіе рѣшили, что предстоящая Казанская демонстрація и есть та, которая должна была произойти у Исакія. Давно жаждавшая сильныхъ впечатлѣній революціонная молодежь отовсюду повалила къ Казанскому собору и, сравнительно съ рабочими, оказалась тамъ, вопреки нашимъ первоначальнымъ разсчетамъ, въ большинствѣ.

Рабочихъ пришло не много: 200-250 человѣкъ. И это было совершенно понятно. Если для принадлежавшихъ къ революціоннымъ кружкамъ рабочихъ демонстрація имѣла смыслъ агитаціонной попытки, то для ихъ незатронутыхъ пропагандой товарищей она могла быть интересна развѣ лишь какъ новое, невиданное зрѣлище. Для дѣятельнаго участія въ ней у нихъ не было никакого осязательнаго повода. Поэтому они и не пошли на нее. Еще за нѣсколько дней до демонстраціи мы увидѣли, какъ несбыточны были розовыя надежды задумавшихъ ее революціонныхъ рабочихъ кружковъ. Но отступать было уже поздно. Мы всѣ видѣли, какъ смѣшны стали въ глазахъ публики слишкомъ осторожные организаторы Исакіевской демонстраціи, и не хотѣли уподобляться имъ. Вечеромъ 4-го декабря, собраніе, на которомъ, кромѣ насъ, землевольцевъ, были вліятельнѣйшіе рабочіе съ разныхъ концовъ Петербурга, почти единогласно рѣшило, что демонстрація должна состояться, если на нее соберется хоть нѣсколько сотъ человѣкъ. На этомъ же собраніи была предложена и одобрена мысль о красномъ знамени, о которомъ прежде никто не думалъ.

Вышитую на этомъ знамени надпись: „Земля и Воля“, мы считали наилучшимъ выраженіемъ народныхъ идеаловъ и требованій. Но именно народу-то, по крайней мѣрѣ, столичному народу, она и оказалась непонятной. „Какъ же это такъ, — разсуждали потомъ на нѣкоторыхъ фабрикахъ — они хотѣли земли и воли? Земля-то это такъ, земли точно надо бы дать крестьянамъ, а воля-то вѣдь ужъ дана. Въ чемъ же тутъ дѣло?“ Вышло, что съ своимъ девизомъ: „Земля и Воля“ мы опоздали по меньшей мѣрѣ на пятнадцать дѣтъ. Впрочемъ, мѣстами въ крестьянствѣ слышались на этотъ счетъ другіе отзывы. Жившій въ Малороссіи товарищъ разсказывалъ мнѣ, что разъ при немъ между крестьянами зашла рѣчь о Казанской демонстраціи. „Они хорошаго хотѣли, замѣтилъ одинъ старикъ, этого всѣ хотятъ, намъ всѣмъ нужна земля и воля.“ Тотъ же старикъ никакъ не хотѣлъ повѣрить, что революціонеровъ могутъ преслѣдовать за столь справедливыя требованія. — „Ничего имъ не было, утверждалъ онъ, просто царь призвалъ ихъ къ себѣ и сказалъ: подождите, хлопцы, будетъ вамъ и земля, и воля, только не надо объ этомъ кричать на улицахъ.“ Вообще, о Казанской демонстраціи такъ или иначе заговорила вся Россія.

Но какъ произошла самая демонстрація? Я сказалъ, что собраніе четвертаго декабря рѣшило не откладывать ее, если соберется хоть нѣсколько сотъ человѣкъ. Весь слѣдующій день былъ посвя-

щенъ нами на бѣготню по рабочимъ кварталамъ. Утромъ шестого декабря на мѣсто дѣйствія пришли всѣ „бунтарскіе“ рабочіе кружки (лавристы были, разумѣется, противъ демонстраціи). Въ особенности хорошо были представлены гаваньскіе рабочіе: съ одного изъ гаваньскихъ заводовъ пришла въ полномъ составѣ цѣлая мастерская, въ 40-45 человѣкъ. Но постороннихъ рабочихъ совсѣмъ не было. Мы видѣли, что силъ у насъ слишкомъ мало и рѣшились выжидать. Рабочіе разошлись по ближайшимъ трактирамъ оставивъ у соборной паперти только небольшую кучку для наблюденія за ходомъ дѣлъ. Между тѣмъ учащаяся молодежь подходила большими группами. Находившаяся въ церкви, очень впрочемъ малочисленная, публика уже къ концу обѣдни была поражена страннымъ наплывомъ совершенно необычныхъ богомольцевъ. Церковный староста посматривалъ въ ихъ сторону съ какимъ-то тревожнымъ удивленіемъ. Обѣдня кончилась, странные богомольцы не расходились. Тогда староста вступилъ съ ними въ переговоры. „Что вамъ угодно господа?“ — спросилъ онъ, какъ нарочно подойдя къ группѣ „бунтарей.“

— Желаемъ отслужить панихиду, отвѣчали ему.

— Нельзя сегодня служить панихиду: царскій день.

„Бунтари“ изумились. Собственно въ планъ демонстраціи богослуженіе вовсе не входило, но такъ какъ революціонная публика все продолжала прибывать, и „бунтарямъ“ нужно было выиграть время, то они придумали панихиду просто какъ благовидный предлогъ для дальнѣйшаго пребыванія въ церкви. Когда староста разъяснилъ имъ, что нельзя служить панихиду, они не долго оставались въ смущеніи.

— Я пойду закажу молебенъ, шепнулъ мнѣ покойный Сентянинъ.

— Идите, заплатите попамъ за нашъ постой, отвѣтилъ я, подавая ему трехрублевую бумажку.

Сентянинъ пошелъ. Но я и до сихъ поръ не знаю, на чемъ онъ порѣшилъ съ попами. Соскучившіеся „нигилисты“ стали выходить на паперть, изъ сосѣднихъ трактировъ подошли засѣдавшіе тамъ „бунтари“-рабочіе. Толпа приняла довольно внушительные размѣры. Мы рѣшились дѣйствовать.*)

---

*) Прим. ко 2-му изд. Лицо, написавшее некрологъ П. Г. Зайчневскаго („Матеріалы для исторіи русскаго революціоннаго движенія. Съ приложеніемъ: съ родины и на родину“, № 6-7, стр. 505) говоритъ, между прочимъ, слѣдующее:

„Что особенно отвратило его (П. Г. Зайчневскаго) отъ Земли и Воли, это — Казанская демонстрація, гдѣ онъ увидѣлъ прежде всего недостатокъ организаціи и несерьезность организаторовъ. Ему удалось тайно пріѣхать въ Петербургъ и на одной студенческой квартирѣ онъ отчиталъ оратора (дѣлая видъ, что не знаетъ, что этотъ ораторъ въ той-же комнатѣ), осмѣлившагося произнести рѣчь, когда организаторами было рѣшено произносить ее только въ томъ случаѣ, когда соберется на площади три тысячи рабочихъ. Ораторъ долженъ былъ молча слушать, какъ Зайчневскій его клеймилъ“.

Лицо, написавшее эти строки, позабыло или не сочло нужнымъ сообщить, откуда зналъ Зайчневскій, при какихъ условіяхъ рѣшено было произносить рѣчь: вѣдь онъ къ числу организаторовъ демонстраціи не принадлежалъ и на ихъ собраніяхъ не былъ. На самомъ дѣлѣ рѣшеніе, о которомъ говоритъ авторъ некролога, не только не было принято организаторами казанской демонстраціи, но его никто и не предлагалъ. На собраніи 4-го декабря рѣшено было, напротивъ, дѣйствовать, если соберется на Казанской площади хоть нѣсколько сотъ человѣкъ. Да иначе и нельзя было поступить при тогдашнихъ условіяхъ, не внося деморали-

До властей, вѣроятно, дошли слухи о нашихъ приготовленіяхъ. Однако, на Казанской площади полицейскихъ и жандармовъ было не много. Они смотрѣли на насъ и „ждали поступковъ.“ Когда раздались первыя слова революціонной рѣчи, они попытались было протискаться къ говорившему, но ихъ сейчасъ же оттѣснили назадъ. Всѣ участники демонстраціи пришли въ страшное возбужденіе. Рабочіе плотнымъ кольцомъ сомкнулись вокругъ говорившаго. „Ребята, держись тѣснѣй, не выдавай, не подпускай полиціи“, командовалъ Митрофановъ, между тѣмъ какъ полицейскіе свистки оглашали площадь. Когда рѣчь была окончена, развернули красное знамя, раздались крики: да здравствуетъ соціальная революція, да здравствуетъ Земля и Воля! Митрофановъ быстро сдернулъ шапку съ говорившаго и, надѣвши на него какую-то фуражку, закуталъ башлыкомъ его голову. „Теперь пойдемъ всѣ вмѣстѣ, иначе будутъ арестовать“, закричали какіе-то голоса, и мы толпой двинулись по направленію къ Невскому. Но едва мы сдѣлали нѣсколько шаговъ, какъ полиція, подкрѣпленная сбѣжавшимися на свистки городовыми и околодочными, стала хватать шедшихъ въ заднихъ рядахъ. Тутъ общее возбужденіе дошло до послѣдней степени. Кто-то скомандовалъ: „стой, нашихъ берутъ“, и толпа бросилась отбивать арестованныхъ. Полицейскіе были смяты и побѣжали за соборъ, въ Казанскую улицу. Если бы, отразивъ этотъ первый непріятельскій натискъ, революціонеры выказали больше самообладенія, то они, вѣроятно, смогли бы отступить безъ потерь и въ полномъ порядкѣ. Землевольцы понимали это, и какъ только арестованные были отбиты, они закричали, чтобы публика снова сомкнулась въ тѣсные ряды. Но кому изъ принимавшихъ когда нибудь участіе въ подобныхъ столкновеніяхъ неизвѣстно, какъ трудно ввести въ надлежащія границы разъ прорвавшіяся наружу страсти? Публика продолжала преслѣдовать обращенную въ бѣгство полицію. Произошелъ страшный безпорядокъ, наши ряды совсѣмъ разстроились; между тѣмъ къ полицейскимъ явилось новое и сильное подкрѣпленіе. Цѣлый отрядъ городовыхъ, въ сопровожденіи множества дворниковъ, быстро приближался къ площади по той самой Казанской улицѣ, къ которой направились бѣжавшіе полицейскіе. Увлекшись преслѣдованіемъ, революціонеры столкнулись съ этимъ отрядомъ лицомъ къ лицу. Началась жесточайшая свалка. Силы полиціи ежеминутно возрастали. Революціонеровъ окружали со всѣхъ сторонъ. Стройное отступленіе сдѣлалось для нихъ совершенно невозможнымъ.

зацію въ среду революціонеровъ. Не зная о томъ, какъ была подготовлена и организована Казанская демонстрація, Зайчневскій не могъ „отчитывать оратора“ за его будто бы неповиновеніе рѣшеніямъ организаторовъ. На самомъ дѣлѣ онъ „отчитывалъ“ вовсе не „оратора“, а прежде всего всѣхъ вообще революціонеровъ-народниковъ за ихъ ожиданіе активной поддержки со стороны народа. Говорилъ онъ также и противъ демонстраціи, но единственно по причинѣ, которую хорошо разъясняетъ самъ авторъ некролога: „всякая демонстрація и терроръ безусловно имъ порицались, какъ прямая помѣха организаціи“ (тамъ же, стр. 504). И почему „ораторъ долженъ былъ молча слушать“ разсужденія Зайчневскаго? Развѣ потому, что его самого мучила совѣсть въ виду содѣяннаго имъ нарушенія революціонной дисциплины? Но — какъ я уже сказалъ — такого нарушенія вовсе не было. Въ дѣйствительности „ораторъ“ вовсе и не молчалъ, но очень возможно, что онъ въ теченіе нѣкотораго времени „молча слушалъ“ до тѣхъ поръ неслыханное имъ отъ революціонера мнѣніе о неизбѣжной будто бы инертности народа. Это мнѣніе глубоко поразило его нѣкоторыми своими презрительными нотками.

Хорошо было уже и то, что они могли отступать болѣе или менѣе значительными кучками. Такія кучки по большей части успѣшно, хотя и не безъ значительныхъ тѣлесныхъ поврежденій, отбивались отъ нападавшихъ. Но за то тѣхъ, которые дѣйствовали въ одиночку, тотчасъ хватати и, послѣ звѣрскихъ побоевъ, тащили въ участки.

У меня нѣтъ охоты воспѣвать подвиги чьихъ бы то ни было кулаковъ. Но въ виду звѣрства, проявленнаго тогда полиціей, я не безъ удовольствія замѣчу, что и ей досталось очень порядочно. Революціонеры, изъ которыхъ нѣкоторые были вооружены кастетами, отчаянно защищались. Съ ихъ стороны въ особенности отличился тогда студентъ NN. Высокій и сильный, онъ поражалъ непріятелей какъ могучій Аяксъ, сынъ Теламона, и тамъ, гдѣ появлялась его плечистая фигура, защитникамъ порядка приходилось жутко. Какъ ни старалась схватить его полиція, онъ счастливо отбилъ всѣ нападенія и возвратился домой такимъ же „легальнымъ“ человѣкомъ, какимъ пришелъ на площадь. Пострадавшіе отъ него защитники „порядка“ знали только, что ихъ тузилъ какой-то высокій и сильный брюнетъ, но лица его они совсѣмъ не запомнили. Когда потомъ, уже по окончаніи столкновенія на площади, имъ встрѣтился на Морской Боголюбовъ, они вообразили, что онъ-то и есть ихъ побѣдоносный непріятель. Боголюбова схватили, жестоко избили въ участкѣ, а потомъ, какъ извѣстно, осудили на каторгу. Но Боголюбовъ не принималъ въ демонстраціи ни малѣйшаго участія.

Когда, по произнесеніи рѣчи, развернули красное знамя, его схватилъ молодой крестьянинъ Потаповъ и, поднятый на руки рабочими, нѣкоторое время держалъ его высоко надъ головами присутствующихъ. Полиція замѣтила его физіономію, однако арестовать его ей долго не удавалось. Защищавшая его группа рѣшительныхъ и смѣлыхъ людей медленно отступала по Невскому. Она дошла до угла Большой Садовой. Преслѣдованіе постоянно ослабѣвало и, наконецъ, новидимиму, совершенно прекратилось. Тогда Потаповъ сѣлъ въ конку, считая себя уже въ безопасности. Но за нимъ слѣдили шпіоны. Пока онъ былъ не одинъ, они держались на почтительномъ разстояніи, а когда спутники его удалились, шпіоны бросились за конкой и, остановивъ ее, арестовали Потапова. На немъ нашли знамя, которое само по себѣ составляло неопровержимую улику. Тѣмъ не менѣе судъ приговорилъ Потапова лишь къ заключенію въ монастырь „на покаяніе“. Сравнительная мягкость этого страннаго приговора объяснялась будто бы молодостью Потапова. Но извѣстно, что въ русскихъ политическихъ процессахъ судьи не стѣснялись осуждать на каторжныя работы, а потомъ, въ военныхъ судахъ, даже на смерть очень молодыхъ подсудимыхъ. Въ данномъ случаѣ умыселъ былъ другой. Правительство нашло нужнымъ щадить рабочихъ. На скамью подсудимыхъ изъ нихъ попало 10-12 человѣкъ, и всѣмъ имъ вынесенъ былъ довольно мягкій приговоръ: нѣкоторыхъ, подобно Потапову, приговорили къ монастырскому покаянію, другихъ къ ссылкѣ на поселеніе въ Сибирь; подсудимые же изъ интеллигенціи пошли по большей части въ каторгу и при томъ на очень долгіе, неслыханные до тѣхъ поръ, сроки. Судьи не могли не видѣть, что виновность почти всѣхъ подсудимыхъ этой послѣдней категоріи по меньшей мѣрѣ сомнительна. За то у двухъ арестованныхъ рабочихъ найдены были записки, которыя, по замѣчанію прокурора, „ясно указывали на сговоръ“; онѣ, дѣйствительно, ясно указывали на него, но не менѣе ясно было и то, что никто изъ преданныхъ суду

„интеллигентныхъ“ революціонеровъ въ этомъ сговорѣ не участвовалъ. Третье отдѣленіе хорошо знало, что главные подготовители демонстраціи арестованы не были. Но судъ не смутился этимъ, отомстивъ арестованнымъ „интеллигентамъ“ за дѣйствія скрывшихся. Извѣстно, что правительство всегда установляло въ такихъ случаяхъ родъ круговой поруки между революціонерами. Но ему слишкомъ непріятна была та мысль, что въ средѣ рабочихъ могутъ быть такіе же неисправимые „бунтовщики“, какъ и въ средѣ „интеллигенціи“. Оно старалось увѣрить себя и другихъ, что лишь подъ дурнымъ вліяніемъ этой послѣдней рабочіе перестаютъ быть вѣрными подданными монарха, и очень неохотно сажало ихъ на скамью подсудимыхъ, предпочитая расправляться съ ними административнымъ порядкомъ. Это было очень благоразумно. Пока въ качествѣ политическихъ преступниковъ выступали только представители интеллигенціи, можно было увѣрять крестьянъ, что преступники эти были барами, злившимися на царя за уничтоженіе крѣпостного права. По отношенію къ преступникамъ изъ рабочей среды подобныя увѣренія сразу лишались всякаго смысла, и образъ „бунтовщика“ долженъ былъ принимать совершенно новый, очень непріятный для правительства, видъ въ народномъ воображеніи. Правительство очень хорошо понимало, какой невыгодный для него оборотъ приметъ революціонное движеніе, если, не ограничиваясь одной интеллигенціей, оно увлечетъ хоть нѣкоторые слои народа.

Казанская демонстрація была первой попыткой практическаго примѣненія нашихъ понятій объ агитаціи. Понятія эти были въ то время еще слишкомъ отвлеченны, и уже по одному этому не могло быть удачнымъ ихъ практическое примѣненіе. Казанская демонстрація наглядно показала, что мы всегда будемъ оставаться одни, если въ своей революціонной дѣятельности будемъ руководствоваться лишь своимъ отвлеченнымъ пристрастіемъ къ „агитаціи“, а не существующимъ настроеніемъ и данными насущными нуждами той среды, въ которой собираемся агитировать.

Мы не забыли этого урока, но прошло болѣе года прежде, чѣмъ намъ представился случай снова взяться за агитацію въ средѣ петербургскаго рабочаго населенія. Это былъ очень печальный случай. На Васильеостровскомъ патронномъ заводѣ произошелъ взрывъ пороха. Нѣсколькихъ рабочихъ страшно изуродовало, четырехъ убило на мѣстѣ. На другой день умерли отъ тяжелыхъ ранъ еще двое. Такимъ образомъ, рабочимъ этого завода предстояло провожать на Смоленское кладбище шестерыхъ товарищей. Взрывъ произошелъ по непростительной винѣ заводскаго начальства. Пострадавшая мастерская помѣщалась во второмъ этажѣ и сообщалась съ внѣшнимъ міромъ одной только лѣстницей. Какъ разъ при входѣ въ мастерскую, около лѣстницы, лежалъ въ особомъ чуланѣ довольно значительный запасъ прессованнаго пороха, изъ котораго приготовлялись патроны. Когда этотъ порохъ обтачивался на станкахъ, отъ него поднималась мелкая пыль, покрывавшая станки, полъ и стѣны мастерской. Достаточно было одной искры, чтобы пороховая пыль вспыхнула и, донеся огонь до помѣщавшагося у лѣстницы порохового чулана, отрѣзала рабочимъ всякій путь къ спасенію. Рабочіе тѣмъ лучше сознавали грозившую имъ опасность, что искры часто получались во время работы отъ тренія. Иногда отъ этихъ искръ вспыхивала даже покрывавшая станки пороховая пыль. Но такъ какъ до поры до времени вспышки были незначительны, то начальство и полагалось на милость божію. Заявленія рабочихъ оста-

вались безъ вниманія. Понятно, что когда произошелъ взрывъ, всѣ рабочіе этого завода были очень озлоблены. Существовавшій тамъ революціонный кружокъ тотчасъ увидѣлъ, что ему слѣдуетъ дѣйствовать. Кто-то изъ его членовъ написалъ воззваніе, въ которомъ происшедшій на заводѣ несчастный случай ставился въ связь съ общимъ положеніемъ рабочаго класса. Воззваніе это, напечатанное въ нашей тайной типографіи, произвело хорошее впечатлѣніе, его съ сочувствіемъ читали даже и такіе рабочіе, хоторыхъ прежде никто не замѣчалъ въ сочувствіи къ революціонерамъ. Но этого было мало. Революціонный кружокъ патроннаго завода хотѣлъ придать предстоящимъ похоронамъ характеръ демонстраціи.

Этотъ кружокъ не находился подъ исключительнымъ вліяніемъ „бунтарей“. Сносясь съ „бунтарями“, онъ поддерживалъ постоянныя дружескія сношенія также и съ лавристами. Но ему было хорошо извѣстно отрицательное отношеніе лавристовъ ко всякаго рода „бунтовскимъ попыткамъ“; онъ боялся, что тѣ не одобрятъ его мысли о демонстраціи. Очень непріятно было рабочимъ огорчать друзей-лавристовъ, но отказаться отъ демонстраціи было бы еще непріятнѣе. Вслѣдствіе этого они пустились на хитрость. Пригласивъ бунтарей придти на похороны, они настоятельно просили ихъ ничего не сообщать лавристамъ. „Богъ съ ними совсѣмъ, говорили они, лавристы — люди хорошіе, но пойдутъ спорить, доказывать, что мы затѣяли пустое, а намъ послушаться ихъ нельзя, очень ужь возбуждены всѣ рабочіе“. Бунтари не имѣли, разумѣется, никакой охоты выдавать ихъ лавристамъ.

Въ день похоронъ, часовъ въ девять утра, хорошо вооруженная группа „бунтарей“ (въ числѣ ихъ покойный Валеріанъ Осинскій) подошла къ зданію патроннаго завода, передъ которымъ собралась уже большая толпа рабочихъ. Къ бунтарямъ тотчасъ присоединились члены заводскаго рабочаго кружка, тоже вооружившіеся кой-чѣмъ „на всякій случай“. Покойный Халтуринъ, работавшій въ то время на другомъ заводѣ, также пришелъ на похороны. Начались совѣщанія: каково настроеніе рабочихъ и что именно могутъ сдѣлать въ виду его революціонеры. Бунтари находили, что выступать съ революціонной рѣчью было бы неумѣстно. Одѣтая по праздничному рабочая толпа показалась имъ слишкомъ „буржуазною“. И это впечатлѣніе было такъ сильно, что оно сообщилось не только тѣмъ „интеллигентамъ“, которые, „занимаясь“ съ заводскими рабочими, казалось бы, знали ихъ привычки, но — странно сказать — даже членамъ мѣстнаго рабочаго кружка. Тѣ тоже сильно упали духомъ.

Показались гробы; присутствующіе на минуту сняли шапки, и началось похоронное шествіе. Въ тотъ день былъ жестокій морозъ, еще болѣе охлаждавшій наши революціонные порывы. „Нѣтъ, господа, революцію нужно дѣлать лѣтомъ, въ этакой холодъ никого не расшевелишь“, шутили мы, оттирая побѣлѣвшіе носы и уши.

Но вотъ и кладбище. Въ одномъ изъ отдаленнѣйшихъ отъ входа угловъ его вырублено было въ промерзшей землѣ шесть свѣжихъ могилъ, около которыхъ лежали скромные деревянные кресты. Полиція, все время сопровождавшая шествіе въ довольно значительномъ количествѣ и усиленная новымъ отрядомъ городовыхъ у входа на кладбище, стала вокругъ могилъ; священникъ пропѣлъ послѣднюю молитву; гробы опустили въ землю. Пока ихъ зарывали, толпа оставалась вполнѣ спокойной, и мы совсѣмъ было убѣдились, что съ ней „ничего не подѣлаешь“. Но когда все было кончено, и настало время расходиться,

въ ней началось какое-то движеніе. Незнакомый намъ полный, рыжій рабочій протискался къ одной изъ крайнихъ могилъ.

— Господа, воскликнулъ онъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ. Мы хоронимъ сегодня шесть жертвъ, убитыхъ не турками*), а попечительнымъ начальствомъ. Наше началь.....

Его прервали.

Раздались полицейскіе свистки, и околодочный надзиратель положилъ ему руку на плечо со словами; „я васъ арестую.“ Но едва успѣлъ онъ выговорить это, какъ произошло нѣчто совершенно неожиданное. Со всѣхъ сторонъ раздались негодующіе крики, и толпа, та самая толпа, которая произвела на насъ безнадежное впечатлѣніе своею будто бы буржуазною прилизанностью, дружно кинулась на оторопѣвшихъ полицейскихъ. Въ одно мгновеніе арестованный былъ куда-то далеко унесенъ нахлынувшей рабочей волной, а пытавшійся взять его околодочный не совсѣмъ твердымъ голосомъ извинялся передъ публикой.

— Вѣдь я же не могу иначе, господа, я самъ отвѣчаю за безпорядки передъ начальствомъ.

— Разсказывай! Вотъ мы тебя вздуемъ, такъ ты впередъ не будешь соваться куда не слѣдуетъ! отвѣчали ему изъ толпы.

— Бей его! кричали наиболѣе ожесточенные.

Положеніе полиціи становилось критическимъ. Здѣсь, на далекомъ Смоленскомъ кладбищѣ, она была совершенно безсильна передъ этой тысячью разъяренныхъ рабочихъ. Но ее спасло именно ея, очевидное для всѣхъ, безсиліе.

— Братцы, что-жь мы ихъ будемъ бить, сказалъ чей-то голосъ. Насъ много, ихъ мало, стыдно намъ съ ними связываться. Пускай себѣ идутъ по домамъ; никого изъ насъ они тронуть не посмѣютъ.

Эта, не то дипломатическая, не то дѣйствительно великодушная рѣчь нѣсколько успокоила рабочихъ. Крики поутихли; публика перестала угрожать полиціи побоями, но съ другой стороны не хотѣла и отпустить ее съ миромъ, такъ какъ боялась, что она прослѣдитъ и арестуетъ оратора. Толпа раздѣлилась на двѣ части: одна окружила полицейскихъ, другая сплотилась вокругъ оратора и торжественно повела его къ воротамъ. Онъ, повидимому, никакъ не ожидалъ такой чести и сконфуженно посматривалъ на товарищей, шумно выражавшихъ ему свое сочувствіе. Всѣ окружавшіе громко ругали начальство и полицію. Мнѣ особенно бросилась въ глаза худая, маленькая старушка, которая, ни къ кому не обращаясь въ частности и какъ будто разговаривая сама съ собою, съ жаромъ повторяла, что надо постоять за своего человѣка. И толпа несомнѣнно готова была постоять за него, но ее, по ея неопытности, могли перехитрить шпіоны. „Бунтари“ нашли нужнымъ подать ей благоразумный совѣтъ. У главныхъ воротъ кладбища стояло, въ ожиданіи сѣдоковъ, нѣсколько извощиковъ. Одному изъ нихъ революціонеры посадили въ сани пытавшагося говорить рабочаго, а всѣмъ остальнымъ запретили двигаться съ мѣста. Для большей вѣрности лошадей взяли подъ уздцы. Такимъ образомъ, ни одинъ шпіонъ не могъ послѣдовать за ораторомъ, быстро уѣзжавшимъ въ сопровожденіи двухъ надежныхъ людей. Когда къ воротамъ подошла остальная, конвоировавшая полицію, часть толпы, онъ уже совсѣмъ скрылся изъ виду. Полицейскихъ продолжали, однако, держать въ плѣну, отпуская на ихъ счетъ различныя, теперь уже по большей части

*) Это было во время русско-турецкой войны.

добродушно-шутливыя замѣчанія. Но они едва не испортили дѣла излишнимъ рвеніемъ. Очутившись за воротами, одинъ околодочный, тотъ самый, который прервалъ оратора, выхватилъ изъ кармана свистокъ и быстро поднесъ его къ губамъ, чтобы звать къ себѣ на помощь. Публика снова заволновалась. У него вырвали свистокъ и нѣсколько разъ толкнули его довольно таки внушительно. Ему оставалось только ругаться. „Это бунтъ, кричалъ онъ въ безсильной ярости, вы всѣ отвѣтите за это, это вамъ такъ не пройдетъ!“

— А ты бы лучше помалкивалъ, покуда бока цѣлы, наставительно отвѣчали ему рабочіе.

— Нечего мнѣ молчать, я исполняю свою обязанность, а вы бунтовщики, горячился онъ, и вдругъ, обращаясь къ группѣ „бунтарей“, замѣтилъ, что онъ всѣхъ ихъ видѣлъ еще на Казанской площади.

— Очень пріятно встрѣтиться со старымъ знакомымъ, любезно отвѣтили „бунтари“, надѣемся, что это не въ послѣдній разъ.

Рабочіе разсмѣялись. Околодочный пожалъ плечами и умолкъ, изобразивъ на своемъ лицѣ полнѣйшее негодованіе.

— Ну что жь, пора ихъ и отпустить, пусть пойдутъ домой погрѣются, рѣшила публика, и стала расходиться кучками по двадцати-тридцати человѣкъ, оживленно толкуя обо всемъ случившемся. Только самые непримиримые продолжали еще бранить и даже толкать въ спину размѣщавшихся по извощичьимъ санямъ околодочныхъ. Наконецъ, ушли и непримиримые, и Смоленское кладбище приняло свой обычный пустынный видъ.

Дружный отпоръ, данный полиціи рабочими патроннаго завода, произвелъ прекрасное впечатлѣніе какъ на рабочіе кружки Петербурга, такъ и на „бунтарскую“ интеллигенцію. Онъ доказывалъ, что даже незатронутые пропагандой рабочіе вполнѣ способны къ рѣшительному и единодушному дѣйствію, и въ подходящую минуту не испугаются союза съ „бунтовщиками Казанской площади“, т. е. съ революціонерами. Намъ нужно было только не упускать такихъ минутъ, чтобы обезпечить себѣ сочувствіе рабочей массы. И когда въ мартѣ того же года вспыхнула стачка на Новой Бумагопрядильнѣ, мы были увѣрены, что легко сговоримся съ этой массой.

Первая стачка на Новой Бумагопрядильнѣ вызвана была, въ мартѣ 1878 г., значительнымъ пониженіемъ заработной, поштучной платы и длиннымъ рядомъ „новыхъ правилъ“, цѣлью которыхъ являлось все то же, любезное предпринимательскому сердцу, удешевленіе рабочей силы. На этой фабрикѣ существовалъ небольшой революціонный кружокъ изъ 10-12 человѣкъ, только недавно привлеченныхъ, неопытныхъ и не испытанныхъ на дѣлѣ. Душою кружка былъ нелегальный, унтеръ-офицеръ Гоббстъ, впослѣдствіи, въ іюлѣ 1879 г., повѣшенный въ Кіевѣ, а въ то время, о которомъ идетъ теперь рѣчь, усердно розыскиваемый полиціей по дѣлу о пропагандѣ въ войскахъ одесскаго военнаго округа. Гоббстъ былъ не только вполнѣ надежный, но положительно рѣдкій, по своей преданности дѣлу, человѣкъ. Онъ одинъ стоилъ иного кружка. Однако, съ фабричной средой онъ не успѣлъ хорошенько познакомиться, да при томъ же на фабрикѣ онъ не работалъ, а жилъ по сосѣдству съ нею въ качествѣ сапожника-хозяина единственной въ той мѣстности „конспиративной“ квартиры. Такимъ образомъ, непосредственнаго вліянія на рабочую массу онъ не имѣлъ. Ко всему этому нужно прибавить, что на Новой Бумагопрядильнѣ — самой большой изъ фабрикъ Обводнаго канала, занимавшей

болѣе двухъ тысячъ человѣкъ — работали тогда, какъ нарочно, все „сѣрые“ люди, недавно попавшіе въ столицу и въ цѣлости сохранившіе свои деревенскіе предразсудки. Можно представить себѣ, поэтому, тѣ препятствія, которыя должны были встрѣтиться революціонерамъ при ихъ попыткѣ войти въ сношенія со стачечниками.

Когда извѣщенные Гоббстомъ „землевольцы“ явились на его конспиративную квартиру, дѣло обстояло такъ. Рабочіе были вполнѣ увѣрены, что „начальство“ немедленно вступится за нихъ, какъ только поймете смыслъ „новыхъ правилъ“. Разубѣдить ихъ въ этомъ не представлялось пока никакой возможности. Приходилось уступить ихъ наивной увѣренности, предоставивъ имъ изъ опыта узнать, какъ велика заботливость русскаго „начальства“ о нуждахъ рабочаго класса. Ближайшимъ къ стачечникамъ представителемъ власти былъ мѣстный полицейскій приставъ. Къ нему-то и обратились они прежде всего со своими жалобами. Приставъ оказался большимъ дипломатомъ. Чтобы выиграть время, онъ ласково принялъ „ходоковъ“ и обѣщалъ имъ „переговорить“ съ управляющимъ фабрики. Простодушные рабочіе заранѣе торжествовали побѣду. Но прошелъ день, прошелъ другой, фабричные станки бездѣйствовали, мелочныя лавки начали отказывать стачечникамъ въ кредитѣ, а управляющій все еще не обнаруживалъ ни малѣйшей склонности къ уступкамъ. Что же это могло означать? Неужели приставъ не „переговорилъ“ съ нимъ? Снова отправились „ходоки“ въ участокъ, но на этотъ разъ ихъ приняли тамъ не по прежнему: приставъ находилъ, что рабочіе обязаны подчиниться новымъ правиламъ, „бунтовщикамъ“ же грозилъ строгимъ наказаніемъ. Стачечники усмотрѣли изъ этого, что онъ „снюхался“ съ управляющимъ, и рѣшили „идти выше“, т. е. къ градоначальнику. Нечего и говорить, что тотъ сдѣлалъ для нихъ не больше, чѣмъ приставъ. Тогда поднялись толки о подачѣ прошенія наслѣднику.*)

На все это ушло съ недѣлю, а за недѣлю революціонеры успѣли уже довольно хорошо сойтись со стачечниками. Съ самаго начала стачки рабочіе замѣтили, что каждый разъ, когда они собирались большой толпой, между ними появлялись какіе-то незнакомые имъ люди, одѣтые не совсѣмъ по фабричному, пожалуй, даже вообще смахивавшіе на „студентовъ“, но неизмѣнно тянувшіе ихъ руку. Эти люди подали уже не мало дѣльныхъ совѣтовъ. Они говорили, что не зачѣмъ ходить ни къ приставу, ни къ градоначальнику. Ихъ не послушались, а вышло по ихнему. Семейнымъ стачечникамъ, на которыхъ въ особенности тяжело отзывалась пріостановка работы, сопровождавшаяся, разумѣется, прекращеніемъ заработка, раздавались денежныя пособія, — раздавались, правда, своими же фабричными, но откуда у тѣхъ возьмутся деньги? Догадаться не трудно: деньги даютъ тѣ же таинственные люди. Довѣріе стачечниковъ къ революціонерамъ росло съ каждымъ днемъ. До какой степени дорожила рабочая масса ихъ неожиданной поддержкой, покажетъ слѣдующій примѣръ.

Однимъ изъ самыхъ бойкихъ членовъ мѣстнаго революціоннаго рабочаго кружка былъ фабричный, котораго мы назовемъ хоть Иваномъ. Прекрасный малый, очень неглупый, дѣятельный и энергичный, Иванъ имѣлъ страстишку выставиться и порисоваться. Этотъ недостатокъ его, съ избыткомъ искупавшійся, впрочемъ, его достоинствами,

---

*) Прим. ко 2-му изд. Читатель помнитъ, что это было еще въ царствованіе Александра II.

ставилъ иногда Ивана въ довольно смѣшныя положенія. Однажды, къ величайшему нашему удивленію и огорченію, онъ вздумалъ прочесть стачечникамъ лекцію о прибавочной стоимости. Слушателямъ было совсѣмъ не до того: они собрались поговорить о томъ, какъ вести себя въ виду неожиданной для нихъ измѣны пристава; лекторъ самъ, какъ обнаружилось, плохо понималъ свой предметъ, да вдобавокъ еще сильно смутился на этомъ первомъ, такъ сказать, пробномъ чтеніи, и ничего, кромѣ вздора, изъ его популяризаторскихъ усилій не вышло. Онъ былъ сильно сконфуженъ своей неудачей. Мы думали, что теперь онъ угомонится на долго, если не на всегда, но не тутъ-то было. Уже на другой день Иванъ позабылъ объ этомъ печальномъ происшествіи, и его опять тянуло побаловать себя тѣмъ или другимъ эффектнымъ положеніемъ. Приходитъ онъ однажды, въ самый разгаръ стачки, часовъ около восьми утра на квартиру Гоббста и торжественно обращается къ одному изъ присутствовавшихъ тамъ „бунтарей“:

— Петръ Петровичъ, надо бы смотръ сдѣлать!

— Какой смотръ?

— Да больше ничего — выйти на улицу, людей посмотрѣть, себя показать. Скучаетъ народъ-то!

„Бунтарь“, названный здѣсь Петромъ Петровичемъ, отчасти походилъ характеромъ на Ивана, съ которымъ, кстати сказать, былъ большимъ пріятелемъ. Онъ быстро сообразилъ, чего тотъ хочетъ, и безъ возраженій вышелъ съ нимъ на улицу. Спустя нѣсколько минутъ за ними послѣдовали и остальные „бунтари“, — ихъ было 2-3 человѣка, — очень занитересованные новой затѣей неугомоннаго и неисправимаго Ивана. Дойдя до Обводнаго канала, они увидѣли такую картину.

Сотни стачечниковъ покрывали набережную, образуя вдоль нея сплошную стѣну. Передъ этой стѣной медленно, торжественно шествовалъ Петръ Петровичъ, а за нимъ, на нѣкоторомъ разстояніи, двигался Иванъ, слегка повернувъ въ сторону свою почтительно наклоненную впередъ голову, какъ бы затѣмъ, чтобы хоть одно ухо было поближе къ начальству и не проронило ни слова изъ могущихъ послѣдовать приказаній. Всюду, гдѣ проходила эта удивительная пара, рабочіе снимали шапки, привѣтливо кланяясь и отпуская на ея счетъ разныя одобрительныя замѣчанія. „Вонъ они, орлы-то наши, пошевеливаются!“ любовно воскликнулъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня пожилой рабочій. Окружавшіе его молчали, но видно было, что и имъ появленіе „орловъ“ доставило большое удовольствіе.

Комическая выдумка Ивана была подсказана ему вѣрнымъ пониманіемъ настроенія массы. „Народъ“ дѣйствительно „скучалъ“, не видя революціонеровъ. Онъ чувствовалъ себя бодрѣе и смѣлѣе въ ихъ присутствіи.

Замѣчу, однако, что тогдашнія представленія огромнаго большинства стачечниковъ объ „орлахъ“ были очень смутны. Стачечники видѣли въ нихъ своихъ друзей; замѣтили также, что „орлы“ не ладятъ съ полиціей. Но это и все. Въ какихъ отношеніяхъ стоятъ революціонеры къ высшему начальству, — въ особенности къ царю — объ этомъ спрашивали себя тогда, вѣроятно, очень немногіе изъ стачечниковъ. Большинство приписывало намъ, должно быть, свой собственный, вынесенный изъ деревни взглядъ на царя, какъ на вѣрнаго защитника народныхъ интересовъ. Наиболѣе же наивные доходили, пожалуй, до того, что принимали насъ за тайныхъ царскихъ агентовъ. Я знаю, что въ первое время стачки въ существованіе такихъ агентовъ твердо вѣрили,

по крайней мѣрѣ, нѣкоторые рабочіе. „Тише, братцы, крикнулъ однажды собравшейся передъ фабричнымъ зданіемъ толпѣ какой-то, должно быть, уже искушенный опытомъ, прядильщикъ, тутъ таскаются фискалы!“ — Какіе фискалы? полюбопытствовалъ другой, обращаясь къ своему сосѣду. — „А это, братъ ты мой, такіе люди, — отвѣтилъ тотъ, — которыхъ царь тайно посылаетъ разузнать, нѣтъ ли гдѣ притѣсненія народу. Они походятъ послушаютъ, да ему и разскажутъ. Фискаловъ бояться нечего, это онъ напрасно, фискалы правду наблюдаютъ.“ Такое лестное мнѣніе фискалахъ скоро разбилось въ прахъ при столкновеніи съ дѣйствительностью. Не прошло и недѣли, какъ уже всѣ стачечники хорошо знали, кому и о чемъ доносятъ фискалы. Фабричная молодежь стала устраивать на нихъ настоящія облавы. Обыкновенно онѣ происходили вечеромъ Отрядъ охотниковъ отправлялся въ одинъ изъ мѣстныхъ трактировъ, куда во время стачки часто забѣгали шпіоны пообогрѣться и прислушаться къ разговорамъ публики, состоявшей изъ тѣхъ же стачечниковъ. „Есть фискалы?“ спрашиваетъ предводитель отряда кого нибудь изъ знакомыхъ. — „Вонъ сидитъ пара, давно ужъ тутъ вертятся, замѣчаютъ да подслушиваютъ.“ Предводителю только этого и надо. Онъ шепчется со своими спутниками и располагается пить чай неподалеку отъ фискаловъ. Едва тѣ выходятъ изъ трактира, онъ выбѣгаетъ за ними. „Ребята, фискалъ, держи, держи!“ кричитъ онъ что есть мочи. Фискалы бросаются бѣжать, но на первомъ же углу натыкаются на засаду. Ихъ хватаютъ и ведутъ къ каналу. Здѣсь ихъ вѣжливенько кладутъ на землю и, какъ по наклонной плоскости, пускаютъ катиться внизъ по крутому берегу. Вывалявшись въ снѣгу и стукнувшись объ ледъ, фискалы вскакиваютъ и стремглавъ летятъ въ участокъ. „Улю-лю-лю! улю-лю-лю!“ юмористически кричатъ имъ вслѣдъ рабочіе и затѣмъ быстро расходятся по домамъ, во избѣжаніе полицейскихъ возмездій. Разсказы объ испытанныхъ фискалами непріятностяхъ очень потѣшали всѣхъ стачечниковъ.

Собственно говоря, революціонеры были для нихъ такими же неизвѣстными людьми, какъ и фискалы. Иногда, по тѣмъ или другимъ причинамъ, на мѣсто дѣйствія вмѣсто старыхъ, знакомыхъ всей рабочей массѣ „орловъ“ являлись совершенно новыя личности. Но замѣчательно, что стачечники никогда не ошибались, и ни разу ни одному революціонеру не пришлось испытать на себѣ дѣйствіе предназначеннаго для фискаловъ исправительнаго наказанія. Рабочіе какимъ-то чутьемъ отличали революціонеровъ отъ полицейскихъ сыщиковъ. Возможно, однако, что тѣ изъ нихъ, которые видѣли прежде въ шпіонахъ тайныхъ агентовъ добродѣтельнаго царя, принимали потомъ за такихъ агентовъ самихъ революціонеровъ. Возможно также, что они приписывали царской милости и раздачу денегъ лишившимся кредита семьямъ. По крайней мѣрѣ сближеніе съ революціонерами не мѣшало большинству стачечниковъ надѣяться на помощь со стороны трона. Именно отъ „орловъ“-то и ждали, что они напишутъ прошеніе („хо-орошенькую бумажку!“). Обращаться съ такой просьбой къ революціонерамъ значило почти то же, что просить сатану отслужить молебенъ угоднику. Землевольцы заранѣе морщились при мысли о такого рода порученіи, тѣмъ болѣе, что „лавристы“, недовольные принятымъ ими способомъ дѣйствій, давно уже обвиняли ихъ въ измѣнѣ революціоннымъ принципамъ. Но дѣлать было нечего. Вѣру въ царя нужно было разрушать не словами, а опытомъ. И вотъ однажды утромъ въ квартиру Гоббста принесенъ былъ проектъ требуемаго прошенія. Одобренный мѣстнымъ рабочимъ

кружкомъ, онъ былъ представленъ на разсмотрѣніе рабочаго собранія, состоявшагося на обширномъ дворѣ Бумагопрядильни. Малолѣтніе рабочіе („ребятишки"), все время принимавшіе дѣятельное участіе въ стачкѣ, разыпались по прилегающимъ улицамъ и переулкамъ, чтобы въ случаѣ приближенія полиціи во время предупредить собравшихся. Кто-то (кажется, все тотъ же Иванъ) взобрался на большую кучу каменнаго угля и громогласно прочелъ прошеніе. Оно вызвало всеобщій восторгъ. „Вашему Императорскому Высочеству, говорилось въ немъ, не безъизвѣстно, какіе плохіе были отведены намъ надѣлы, и какъ сильно страдаемъ мы отъ малоземелья!" — Вѣрно, вѣрно, гремѣла толпа, только званіе что земля, а пользы отъ нея никакой! „Вашему Императорскому Высочеству не безъизвѣстно также, что за эти плохіе надѣлы мы платимъ тяжелыя подати" продолжалъ чтецъ. — И это такъ, и это вѣрно, одобряли слушатели, вздохнуть не даютъ съ податями! „Вашему Императорскому Высочеству не безъизвѣстно, наконецъ, съ какою жестокостью взыскиваются съ насъ эти тяжелыя подати, — раздавалось съ высокой каменноугольной трибуны. — нужда гонитъ насъ на заработки въ городъ, а здѣсь насъ на каждомъ шагу притѣсняютъ фабриканты и полиція" Далѣе слѣдовалъ разборъ вызвавшихъ стачку новыхъ правилъ, а въ заключеніе говорилось, что, не видя ни откуда защиты, рабочіе ждутъ ее отъ наслѣдника престола, но если и онъ не обратитъ вниманія на ихъ просьбу, то ясно будетъ, что имъ остается надѣяться только на самихъ себя. Заключеніе также найдено было очень разсудительнымъ. „Если и отъ наслѣдника ничего не добьемся, то ужь надо будетъ, какъ-никакъ, поправляться самимъ", рѣшили слушатели. Такимъ образомъ, прошеніе было готово. Но какъ доставить его наслѣднику? Идти „ходокомъ" къ Аничкову двовцу никому не хотѣлось, такъ какъ подобное путешествіе могло закончиться очень непріятнымъ образомъ. Рѣшено было нести прошеніе цѣлой толпою.

Полиція давно уже догадывалась, что стачечниковъ поддерживаютъ революціонеры. „Фискалы" лѣзли изъ кожи вонъ, стараясь выслѣдить „подстрекателей". Но землевольцевъ поймать было не легко, и шпіонскія усилія такъ и не привели бы, можетъ быть, ни къ чему, если бы не одна несчастная случайность.

Зимою 1877-78 гг. „интеллигенція" находилась въ крайне возбужденномъ состояніи. Процессъ 193, этотъ долгій поединокъ между правительствомъ и революціонной партіей, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ волновалъ всѣ оппозиціонные элементы. Особенно горячилась учащаяся молодежь. Въ университетѣ, въ медико-хирургической академіи и въ технологическомъ институтѣ происходили многолюдныя сходки, на которыхъ „нелегальные" ораторы „Земли и Воли", ни мало не стѣсняясь возможнымъ присутствіемъ шпіоновъ, держали самыя зажигательныя рѣчи. Недавно основанная тайная землевольческая типографія усиленно работала. Кромѣ обширнаго отчета о „большомъ процессѣ", изъ нея вышло тогда множество воззваній и, между прочимъ, проектъ адресса министру юстиціи Палену отъ учащейся молодежи, заключавшій въ себѣ рѣзкій протестъ противъ жандармской инквизиціи (мы называли въ шутку этотъ проектъ русской petition of rights). Всѣ подобныя изданія широко распространялись по Россіи, но понятно, что больше всего ихъ находилось въ Петербургѣ, гдѣ ихъ легко могъ достать всякій желающій. Выстрѣлъ В. И. Засуличъ и вооруженное сопротивленіе жандармамъ Ковальскаго съ товарищами въ Одессѣ (30 января 1878 г.) еще болѣе подлили масла въ огонь. Жажда дѣятель-

ности и борьбы пробуждалась въ самыхъ мирныхъ людяхъ. И не было революціоннаго предпріятія, для исполненія котораго не нашлось бы немедленно многихъ и многихъ охотниковъ.

Когда среди петербургской интеллигенціи разнесся слухъ о стачкѣ, студенты немедленно собрали въ пользу забастовавшихъ очень значительную сумму денегъ*). Но радикальная часть студенчества не довольствовалась денежными пожертвованіями. Ей хотѣлось поближе сойтись со стачечниками. Изъ студентовъ разныхъ заведеній составилась небольшая группа, съ цѣлью пробраться на Обводный каналъ. Дойти до него было, конечно, не трудно, но никто изъ странниковъ не имѣлъ связей между тамошними рабочими. Они зашли въ портерную лавку, вѣроятно, разсчитывая встрѣтить тамъ стачечниковъ. Отъ портерной было рукой подать до Бумагопрядильни, и въ нее, дѣйствительно, нерѣдко заходили рабочіе, но именно потому тамъ во время стачки постоянно засѣдали „фискалы“, разумѣется, сейчасъ же обратившіе вниманіе на необычныхъ посѣтителей. Необычные посѣтители, съ своей стороны, сообразили, съ кѣмъ имѣютъ дѣло, но отступить не захотѣли. Прилегавшія къ Бумагопрядильнѣ улицы уже имѣли тогда тотъ особенный видъ, который обыкновенно принимаютъ наши рабочіе кварталы, когда въ нихъ пахнетъ хоть маленькимъ „бунтомъ“: шмыгаютъ „фискалы“, озабоченно бѣгаютъ околодочные, на перекресткахъ стоятъ цѣлыя кучи городовыхъ, иногда показываются казаки, а неучаствующіе въ „бунтѣ“ рѣдкіе прохожіе боязливо оглядываются по сторонамъ, точно вотъ-вотъ сейчасъ произойдетъ что-то очень страшное. Такая картина даже на бывалаго, видавшаго виды революціонера дѣйствуетъ всегда самымъ возбуждающимъ образомъ. Тѣмъ болѣе сильно должна была она подѣйствовать на молодыхъ студентовъ. Войдя въ портерную, они, повидимому, уже плохо владѣли собою, а когда замѣтили шпіоновъ, совсѣмъ забыли всякую осторожность. „А вы слышали, господа, что въ Ростовѣ-на-Дону убили шпіона Никонова?**) Семъ пуль всадили!“ сказалъ одинъ изъ нихъ, нарочно возвышая голосъ, чтобы его могли слышать тѣ, кому слышать ихъ вовсе не слѣдовало. — „Не семь, а одиннадцать“, поправилъ его шпіонъ, надѣвая шапку и выходя на улицу. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся въ сопровожденіи полицейскихъ и пригласилъ гг. студентовъ „на пару словъ въ участокъ“. О поимкѣ „подстрекателей“ сейчасъ же извѣстили начальника тайной полиціи, который на подмогу вульгарнымъ уличнымъ шпіонамъ отрядилъ какого-то чиновнаго сыщика. А тѣмъ временемъ полиція вошла во вкусъ арестовъ и стала хватать всѣхъ прохожихъ, почему либо казавшихся ей подозрительными. Такъ взятъ былъ совершенно ни за что, ни про что одинъ псковскій мѣщанинъ, едва только за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ пріѣхавшій въ Петербургъ и отправившійся на Обводный каналъ по какому-то частному дѣлу. Почти одновременно съ нимъ схватили на улицѣ двухъ землевольцевъ, только что оставившихъ конспиративную квартиру Гоббста и пробиравшихся во свояси. Арестовали также нѣсколькихъ рабочихъ, считавшихся „зачинщиками“ и на самомъ дѣлѣ принадлежавшихъ къ мѣстному революціонному кружку. Давно уже

*) Впрочемъ, деньги давали не одни студенты. Все либеральное общество отнеслось къ стачечникамъ весьма сочувственно. Говорили, что даже г. Суворинъ раззорился для ихъ поддержки на три рубля. За достовѣрность этого слуха не могу, однако, поручиться.

**) Свѣжая тогда новость.

подготовлявшаяся, неизбѣжная полицейская гроза разразилась, наконецъ, со свойственной ей величавой силой.

Склонивъ управляющаго на нѣкоторыя, вполнѣ ничтожныя уступки, усмирители отпечатали и распространили между стачечниками новое, смягченное изданіе „новыхъ правилъ“,*) объявивъ, что всякій рабочій, отказавшійся подчиниться имъ, будетъ немедленно высланъ на родину. Къ счастью, отказались всѣ, а всѣхъ выслать было бы трудно даже для всемогущей русской полиціи и невыгодно для фабрики.

Стачечники очень сочувствовали арестованнымъ революціонерамъ**). „Жаль, что не видѣли мы, какъ ихъ брали, говорили нѣкоторые, мы отбили бы ихъ у полиціи“. Что же касается до арестовъ въ ихъ собственной средѣ, то они скорѣе ожесточали, чѣмъ запугивали рабочихъ. Во всякомъ случаѣ, дня черезъ два послѣ описанныхъ происшествій, снова поднялись толки о подачѣ наслѣднику забытаго на время прошенія, которое и было торжественно отнесено къ Аничкову дворцу. Тамъ его принялъ, для передачи по назначенію, тогдашній градоначальникъ Козловъ. Рабочіе увѣряли послѣ, что когда Козловъ бралъ у нихъ прошеніе, наслѣдникъ стоялъ у окна и видѣлъ все происходившее. Это обстоятельство было, вѣроятно, плодомъ ихъ фантазіи, но тѣмъ не менѣе пришлось оно очень кстати. Никто не могъ бы убѣдить впослѣдствіи стачечниковъ, что ихъ прошеніе скрыли отъ наслѣдника недоброжелательные къ нимъ придворные.

Отнеся „бумагу“ во дворецъ, градоначальникъ опять вышелъ къ просителямъ и объявилъ, что теперь наслѣдникъ приказываетъ имъ разойтись, отвѣтъ же на ихъ просьбу онъ дастъ имъ черезъ нѣсколько дней. Рабочіе тотчасъ же и совершенно спокойно исполнили это приказаніе.

Полиція притихла, не зная, какъ отнесется къ прошенію наслѣдникъ, и стачка сдѣлалась на время какъ бы совершенно законнымъ явленіемъ. О ней заговорили въ газетахъ, осуждая дѣйствія фабричной администраціи. Стачечники стали героями дня. Адвокаты предлагали имъ безвозмездныя услуги, на нихъ стремились посмотрѣть, какъ смотрятъ на модныя диковины. Какой-то „нигилистъ“, встрѣтивъ случайно пары двѣ этихъ интересныхъ людей, затащилъ ихъ къ себѣ на квартиру, гдѣ ихъ облюбовалъ цѣлый десятокъ другихъ нигилистовъ, также непремѣнно желавшихъ видѣть ихъ у себя дома и показать друзьямъ, — и пошли наши рабочіе гулять изъ одной нигилистической квартиры

---

*) Однимъ изъ схваченныхъ землевольцевъ былъ пишущій эти строки. Въ участкѣ, куда привели арестованныхъ, лежала на столѣ пачка „новыхъ правилъ“, напечатанныхъ почти совершенно на такихъ же листкахъ, на какихъ мы печатали наши воззванія. Я обратилъ вниманіе околодочнаго на редакцію этихъ правилъ: „сначала въ нихъ идетъ рѣчь о двухъ грошовыхъ уступкахъ, а дальше слѣдуетъ рядъ статей, возвѣщающихъ пониженіе заработной платы. Надо было сдѣлать наоборотъ: сначала возвѣстить о пониженіи платы, а потомъ уже обрадовать рабочихъ уступками Такимъ образомъ они заѣли бы горькое сладкимъ.“ — „Что прикажете дѣлать, возразилъ околодочный съ видомъ глубокой, но грустной покорности судьбѣ, рабочему человѣку всегда будетъ горько, этого вы не перемѣните.“

**) Арестъ мой продолжался всего одинъ день. Въ качествѣ „нелегальнаго“, я имѣлъ недурной паспортъ и носилъ ничѣмъ незапятнанное въ глазахъ полиціи имя какого то потомственнаго почетнаго гражданина. Меня выпустили, обязавъ подпиской о невыѣздѣ. Я добросовѣстно исполнилъ это обязательство, такъ какъ долго послѣ этого не покидалъ Петербурга.

въ другую, всюду возбуждая живѣйшій интересъ и съ удивленіемъ присматриваясь къ незнакомому имъ мірку. Впрочемъ, это были бойкіе „ребята“, умѣвшіе показать себя и ни мало несмущавшіеся непривычной обстановкой. Какъ сейчасъ помню визитъ ихъ къ одному либеральному адвокату, къ которому затащили ихъ „нигилисты“, чтобы посовѣтоваться съ нимъ „на счетъ стачки“. Онъ встрѣтилъ ихъ торжественно и даже съ нѣкоторою робостью, какъ встрѣтилъ бы провинціалъ „знатнаго иностранца“, а они, порядочно уже избалованные безтолковымъ вниманіемъ интеллигенціи и успѣвшіе возгордиться своимъ званіемъ стачечниковъ, обращались съ нимъ снисходительно и преважно развалились въ его мягкихъ креслахъ. Землевольцы понимали, къ какимъ нелѣпымъ послѣдствіямъ можетъ привести подобное сближеніе интеллигенціи съ рабочими. Они старались положить ему конецъ и при всякомъ удобномъ случаѣ осмѣивали его, какъ праздную забаву. Одинъ изъ нихъ увѣрялъ „нигилистовъ“, что скоро въ тайной землевольческой типографіи будетъ напечатано такое объявленіе: „Въ домѣ № *X*, въ квартирѣ № *Y* по такой-то улицѣ (при этомъ точно обозначалась квартира, наиболѣе прославившаяся частыми пріемами рабочихъ) отъ 2 до 6 часовъ по полудни показываются рабочіе, принадлежащіе къ рѣдкой и интересной породѣ стачечниковъ. За посмотрѣніе обыкновенные нигилисты платятъ по 20 копѣекъ, выпущенные*) по 10, нигилистки же смотрятъ безплатно“. Но насмѣшки дѣйствовали такъ же мало, какъ и увѣщанія. Въ глазахъ многихъ „интеллигентовъ“ путешествія рабочихъ по нигилистическимъ квартирамъ имѣли свою полезную сторону. Путешествія эти давали, повидимому, возможность повліять на стачечниковъ даже такимъ революціоннымъ кружкамъ, которые, не имѣя никакихъ постоянныхъ связей на Обводномъ каналѣ, очень огорчались, однако, преобладающимъ и постоянно ростущимъ вліяніемъ тамъ „Земли и Воли“. Многіе, несочувствовавшіе „бунтарству“, революціонеры были убѣждены, что подъ нашимъ вліяніемъ стачка непремѣнно кончится кровавой вспышкой. Напрасно говорили мы, что у насъ нѣтъ на умѣ ничего подобнаго; намъ не вѣрили и радовались всякому случаю противопоставить намъ болѣе „мирное“ вліяніе. Въ этомъ, конечно, не было бы большой бѣды, если бы противодѣйствія намъ велись хоть сколько нибудь толково. Но что могло выйти изъ такихъ, напримѣръ, обсѣдованій съ рабочими? „Мирный пропагандистъ“ настигаетъ нѣсколькихъ стачечниковъ въ какой-нибудь „нигилистической“ квартирѣ, переполненной „интеллигентами“, и заводитъ съ ними неизбѣжный разговоръ о стачкѣ.

— Вы хотите, разумѣется, чтобы стачка сохранила совершенно мирный характеръ? спрашиваетъ онъ ихъ утвердительнымъ тономъ.

— Конечно, — мирный, отвѣчаютъ вопрошаемые. Намъ что жь? Намъ пусть отмѣнятъ „новыя правила“, а больше намъ ничего не нужно!

— Никакихъ безпорядковъ вы дѣлать не желаете?

— Да зачѣмъ же намъ дѣлать безпорядки?! Какой въ нихъ толкъ?

— Ну, вотъ и прекрасно, именно такъ поступать и нужно, заключаетъ вопрошатель и разсказываетъ потомъ, что онъ „самъ“ говорилъ съ рабочими и убѣдился, что бунтарямъ они вовсе не сочувствуютъ.

---

*) Подъ именемъ „выпущенныхъ“ извѣстны были тогда революціонеры, привлекавшіеся по дѣлу о пропагандѣ въ 37 губ. и незадолго до „большого процесса“ выпущенные на поруки. Ихъ было тогда очень много въ Петербургѣ.

Иногда случалось такъ, что едва оставлялъ рабочихъ „мирный пропагандистъ“, ихъ ловилъ и принимался допрашивать какой-нибудь молодой сторонникъ „вспышекъ“.

— Ну что, какъ у васъ дѣла на фабрикѣ?

— Да что жь наши дѣла, мы стоимъ на своемъ, а управляющій на своемъ, такъ вотъ и воловодимся.

— Не уступаетъ?

— Нѣтъ, пока что, крѣпко держится, шутъ его возьми!

— Ну, вы, конечно, за себя постоите? Его, подлеца, надо такъ проучить, чтобъ онъ и дѣтямъ своимъ заказалъ притѣснять рабочихъ!

— Да ужь, само собой, не поддадимся, мы и фабрику-то всю разнесемъ въ дрызгъ, машины переломаемъ. Вотъ онъ и считай тогда барыши!

Сторонникъ вспышекъ уходилъ, вполнѣ убѣжденный, что стачечники настроены самымъ „бунтарскимъ“ образомъ. Сначала рабочіе совсѣмъ не понимали, чего собственно хотятъ отъ нихъ „интеллигентные“ собесѣдники, и совершенно нелицемѣрно поддакивали людямъ противоположныхъ мнѣній, такъ какъ на самомъ дѣлѣ каждый стачечникъ съ одной стороны вовсе не желалъ безпорядковъ, а съ другой очень не прочь былъ помечтать о хорошемъ урокѣ управляющему. Но потомъ они начали соображать въ чемъ дѣло, поняли, какая разноголосица существуетъ между „интеллигентными“ революціонерами, и пришли въ тяжелое недоумѣніе. „Ахъ, ты Господи, твоя воля, — воскликнулъ при мнѣ у Гоббста одинъ, только что вернувшійся „изъ города“ рабочій, — каждый-то кружокъ рѣшаетъ наше дѣло по своему. Вотъ тутъ и разбирайся!“

— А ты бы больше шлялся по городу, не то бы еще услыхалъ, сердито заворчалъ на него Гоббстъ, который, какъ человѣкъ бывалый и крѣпко державшійся разъ принятаго направленія, ни мало не смущался революціонными разногласіями. Но его молодой товарищъ и самъ, помнится, скоро убѣдился, что ему совсѣмъ нѣтъ надобности „шляться по городу“.

Такъ какъ серьезныя связи на мѣстѣ были у однихъ только „землевольцевъ“, то нечего и говорить, что вліяніе ихъ на стачечниковъ осталось непоколебимымъ. Рабочая масса по прежнему видѣла въ нихъ „орловъ“ и съ довѣріемъ прислушивалась къ ихъ, совѣтамъ. Мало того, обстоятельства складывались такимъ образомъ что землевольцы могли говорить съ нею совсѣмъ откровенно. Наслѣдникъ не сдержалъ своего обѣщанія, совсѣмъ ничего не отвѣтивъ на просьбу стачечниковъ. Нѣкоторые, болѣе довѣрчивые изъ нихъ продолжали еще ждать и надѣяться, но за то другіе — и такихъ съ каждымъ днемъ становилось больше — рѣшили, что и наслѣдникъ, „не хуже градоначальника“ тянетъ руку управляющаго. „Нечего было и ходить къ нему, только сапоги трепали“, говорили теперь нерѣдко тѣ самые люди, которые прежде энергичнѣе всѣхъ стояли за подачу прошенія. Вынесенный изъ деревни политическій предразсудокъ быстро уступалъ мѣсто трезвому взгляду на вещи. Прежде стачечники смотрѣли на верховную власть какъ на вѣрную защитницу народныхъ интересовъ, теперь они стали видѣть въ ней сообщницу капиталистовъ. Этотъ новый взглядъ немедленно же выразился въ неизвѣстно кѣмъ сочиненной баснѣ о томъ, что наслѣдникъ находится въ интимной связи съ женою управляющаго и, кромѣ того, имѣетъ свой пай въ фабричномъ капиталѣ. Едва ли кто изъ стачечниковъ серьезно вѣрилъ этой баснѣ, но всѣ охотно повторяли

ее. Революціонерамъ оставалось только подчеркивать тѣ выводы, къ которымъ пришли рабочіе на основаніи собственнаго опыта.

Между тѣмъ, ничего не отвѣчая рабочимъ, наслѣдникъ, очевидно, далъ понять градоначальнику, что желаетъ сохранить нейтралитетъ, и что поэтому полиція можетъ дѣйствовать съ обычнымъ своимъ усердіемъ. Для стачечниковъ вернулось тяжелое время. Полицейскія преслѣдованія возобновились и росли съ каждымъ днемъ. Дошло до того, что околодочные врывались въ артельныя квартиры и, съ помощью городовыхъ, насильно тащили рабочихъ на фабрику. Наиболѣе упорныхъ отводили въ участокъ, а оттуда въ пересыльную тюрьму. По улицамъ разъѣзжали сильные казачьи и даже жандармскіе отряды, присутствіе которыхъ должно было подавлять у стачечниковъ всякую мысль объ открытомъ сопротивленіи. Наконецъ, явилась еще одна редакція „новыхъ правилъ“, сулившая рабочимъ новыя „уступки“. Доведенные до крайности, они сдались, и послѣ двухнедѣльнаго затишья Бумагопрядильня снова пошла полнымъ ходомъ.

Стачка была подавлена не экономической силой капитала, а простымъ полицейскимъ насиліемъ: денежные сборы между „интеллигенціей“ и рабочими разныхъ промышленныхъ заведеній могли бы поддержать стачечниковъ по крайней мѣрѣ еще въ теченіе цѣлаго мѣсяца; дѣла же акціонернаго общества Новой Бумагопрядильни шли тогда далеко не такъ хорошо, чтобы оно могло вынести столь продолжительное „воздержаніе“ отъ эксплуатаціи чужого труда. Его выручила полиція. Стачечники ясно видѣли это, и намъ представлялся прекрасный случай выяснить имъ великое значеніе политической свободы. Они хорошо запомнили бы наши слова, такъ какъ всякая общая мысль, схваченная ими во время такихъ движеній, чрезвычайно прочно укрѣпляется въ ихъ головахъ. Но мы сами презирали еще тогда „буржуазную свободу“ и сочли бы себя измѣнниками, если бы вздумали восхвалять ее передъ рабочими. Въ этомъ заключалась самая слабая сторона нашей тогдашней „агитаціи“. Возбуждая рабочихъ противъ „властей“ и „государства“, она не сообщала имъ опредѣленныхъ политическихъ взглядовъ и потому не придавала сознательнаго характера ихъ неизбѣжной борьбѣ противъ современнаго полицейскаго государства. Замѣчательно, что съ такъ называемымъ обществомъ тѣ же землевольцы считали возможнымъ говорить совершенно иначе: они выставляли передъ нимъ, по крайней мѣрѣ временами, довольно опредѣленныя положительныя политическія требованія (см. напр., фельетоны „Земли и Воли“). Противопоставляя „соціализмъ“ „политикѣ“, землевольцы считали борьбу за политическую свободу дѣломъ буржуазіи, рабочихъ же продолжали звать на „чисто“-экономическую революцію.

Какъ бы тамъ ни было, стачка на Новой Бумагопрядильнѣ, не смотря на свой неудачный исходъ и на наши политическія ошибки, принесла большую пользу дѣлу рабочаго движенія въ Петербургѣ. За ея ходомъ внимательно слѣдили всѣ петербургскіе рабочіе, и многіе очень „сѣрые люди“, навѣрное, пришли къ тѣмъ же выводамъ относительно царской власти, какіе сдѣланы были ткачами и прядильщиками Обводнаго канала. Съ своей стороны, власть эта, нужно отдать ей справедливость, не упускала случая показать, что она всецѣло стоитъ на сторонѣ капиталистовъ.

Въ концѣ ноября 1878 года произошла стачка на прядильной фабрикѣ Кэнига за Нарвской Заставой. Тамошніе рабочіе также вздумали обратиться съ „прошеніемъ“ къ наслѣднику, и утромъ 2 декабря

ихъ выборные (30 человѣкъ) отправились къ Аничкову дворцу. Августѣйшій сынокъ не только не помогъ стачечникамъ, но даже не принялъ ихъ прошенія. Ясно было, что правду говорили рабочіе Новой Бумагопрядильни, что ходить къ наслѣднику значило только „сапоги трепать“ безъ всякой пользы.

Впрочемъ, прядильщики кэниговской фабрики не очень нуждались въ подобномъ урокѣ. Для нихъ не прошелъ даромъ опытъ ихъ товарищей съ Обводнаго канала. По всему видно, напротивъ, что многіе изъ нихъ и раньше путешествія ихъ выборныхъ къ Аничкову дворцу знали, гдѣ искать настоящихъ друзей. Хотя на этой фабрикѣ совсѣмъ не велась революціонная пропаганда, но стачечники съ перваго же дня забастовки рѣшили сойтись со „студентами“, и отправили нѣсколькихъ человѣкъ на Обводный каналъ разузнать, какъ можно найти этихъ людей, „помогающихъ рабочимъ“. Хожденіе къ наслѣднику было предпринято съ вѣдома революціонеровъ и предпринято больше такъ себѣ, на всякій случай, чтобы окончательно убѣдить всѣхъ колеблющихся и сомнѣвающихся, если бы оказались такіе между стачечниками. При томъ же слѣдуетъ помнить, что по русскимъ законамъ стачка есть уголовное преступленіе, и что, въ виду этого, „прошенія“, подаваемыя властямъ рабочими, имѣютъ нерѣдко значеніе встрѣчнаго иска, противопоставляемаго неизбѣжному иску фабриканта.

Въ подавленіи стачки на фабрикѣ Кэнига синяя полиція принимала болѣе горячее участіе, чѣмъ когда бы то ни было прежде. Рабочихъ прямо тащили въ III Отдѣленіе, гдѣ и происходили ихъ объясненія съ хозяиномъ. Передъ этимъ таинственнымъ трибуналомъ г. Кэнигъ утверждалъ, что рабочимъ у него не житье, а масляница, стачка же произошла вслѣдствіе „постороннихъ внушеній“. Онъ обѣщалъ даже узнать и сообщить полиціи имена подстрекателей. Въ благодарность за это, третье-отдѣленскіе политики готовы были благословить будущаго доносителя на самыя противозаконныя дѣйствія. Во всемъ этомъ дѣлѣ ихъ, разумѣется, больше всего интересовалъ вопросъ о подстрекателяхъ. Только о подстрекателяхъ и слышали рабочіе, когда полиція принималась „разбирать“ ихъ жалобы на хозяина. „Вы слушаетесь злыхъ людей, — кричалъ рабочимъ какой-то синій „генералъ“, явившись на фабрику въ одинъ изъ первыхъ дней стачки, — у меня здѣсь сто шпіоновъ слѣдятъ за всѣмъ, что происходитъ у васъ,*) но если хозяинъ найдетъ, что этого мало, я пришлю еще столько же! Какъ только узнаю, что къ вамъ ходятъ бунтовщики, всѣхъ васъ въ Архангельскъ сошлю!“ Рабочіе увѣряли, что никакихъ бунтовщиковъ они не знаютъ, а между тѣмъ продолжали свои сношенія съ революціонерами и еще болѣе проникались уваженіемъ къ этимъ, прежде невѣдомымъ людямъ, которыхъ такъ сильно боялись генералы всѣхъ цвѣтовъ и хозяева всѣхъ гильдій.

Интересно, что стачка на фабрикѣ Кэнига начата была малолѣтними рабочими. Дѣло въ томъ, что на бумагопрядильныхъ фабрикахъ получается много отброса, состоящаго изъ порвавшихся нитокъ. Этотъ отбросъ образуетъ возлѣ станковъ кучи такъ называемой пыли. Сортировкой „пыли“ на фабрикахъ Кэнига занимается особый разрядъ работницъ. Но незадолго до описываемаго времени директоръ разсчиталъ этихъ работницъ и возложилъ сортировку пыли на такъ называемыхъ

*) Замѣтьте, что всѣхъ рабочихъ у Кэнига было не больше 200.

„заднихъ мальчиковъ“.*) Тѣ „взбунтовались“, заявивши мастеру, что не станутъ работать до тѣхъ поръ, пока ихъ не избавятъ отъ новой обузы. Кэнигъ хотѣлъ было покончить дѣло поголовнымъ изгнаніемъ всѣхъ непокорныхъ „заднихъ мальчиковъ.“ Тогда вступили въ стачку „средніе мальчики“ и взрослые рабочіе.

Не смотря на всѣ полицейскія застращиванія, стачечники держались превосходно. Они не уступили даже тогда, когда Кэнигъ рѣшился на крайнюю мѣру, т. е. прогналъ ихъ всѣхъ до единаго. Петербургскіе революціонные рабочіе кружки постарались пристроить ихъ на другихъ фабрикахъ.

Тотъ же 1878 г. ознаменовался нѣкоторыми, правда, незначительными побѣдами петербургскихъ рабочихъ. Такъ, въ концѣ августа на фортепьянной фабрикѣ Беккера (на набережной Большой Невки) такъ называемые ящичники, т. е. столяры, дѣлающіе деревянный ящикъ фортепьяно, потребовали повышенія заработной (поштучной) платы. Г. Беккеръ отвѣтилъ, что они могутъ увеличить свой заработокъ, переставши „понедѣльничать“, т. е. аккуратнѣе являясь на работу по понедѣльникамъ. Ящичники забастовали. Черезъ три дня хозяинъ сдался.

Такъ же неудачно для хозяевъ кончились столкновенія ихъ съ „рабочими руками“ на табачныхъ фабрикахъ Мичри и бр. Шапшалъ. Эти столкновенія интересны тѣмъ, что на названныхъ фабрикахъ работали исключительно женщины.

24 сентября въ мастерскихъ табачной фабрики Мичри появилось объявленіе, гласившее, что папиросницы, получавшія 65 коп. за 1000 штукъ папиросъ перваго сорта, впредь будутъ получать 55 к.; а за 1000 штукъ папиросъ второго сорта, вмѣсто прежнихъ 55 к. будетъ платиться 45 к. Это пониженіе платы мотивировалось плохимъ сбытомъ товара. Мастерицы, какъ называютъ себя работницы, сорвали это объявленіе и пошли въ контору для объясненій. Тамъ онѣ сказали прикащику, что не согласны работать за уменьшенную плату, и просили принять отъ нихъ палочки и машинки для дѣланія папиросъ. Тотъ обругалъ ихъ непечатной бранью. Его грубость окончательно взорвала „мастерицъ“: палочки, машинки и даже скамейки полетѣли въ окна; прикащикъ струсилъ и послалъ за хозяиномъ. Г. Мичри не заставилъ долго себя ждать. Онъ немедленно явился на фабрику, и ласковая рѣчь его, а больше всего обѣщаніе уступки, успокоили толпу, состоявшую приблизительно изъ сотни женщинъ. Попытка понизить и безъ того невысокую плату окончилась полной неудачей.

Черезъ два дня такая же исторія повторилась на фабрикѣ бр. Шапшалъ на Пескахъ. Тамъ прикащикъ вывѣсилъ слѣдующее объявленіе:

МАСТЕРИЦАМЪ ТАБАЧНОЙ ФАБРИКИ ШАПШАЛЪ.

Симъ объявляю, что, по случаю остановки сбыта товара, я сбавляю съ каждой 1000 папиросъ по 10 коп.

Шапшалъ.

---

*) Каждый прядильщикъ работалъ на двухъ станкахъ, при чемъ у него было два подручныхъ „мальчика“: такъ называемый средній, 17—19 л., и задній, 12—14 лѣтъ.

Мастерицы, здѣсь уже въ числѣ 200, немедленно сорвали это объявленіе и на его мѣстѣ вывѣсили новое:

ХОЗЯИНУ ТАБАЧНОЙ ФАБРИКИ ШАПШАЛЪ.

Мы, мастерицы вашей фабрики, объявляемъ, что не согласны на сбавку, потому что и такъ отъ нашего заработка не можемъ порядочно одѣться.

Мастерицы вашей фабрики.

Прикащикъ собралъ мастерицъ и потребовалъ, чтобы онѣ указали писавшую объявленіе. Онѣ отвѣтили, что это излишне, такъ какъ объявленіе писано отъ имени ихъ всѣхъ, и стали уходить. Прикащикъ поспѣшилъ послать за хозяиномъ. Послѣ напрасныхъ попытокъ убѣдить мастерицъ работать за пониженную плату, г. Шапшалъ вынужденъ былъ уступить подобно г. Мичри.

Въ слѣдующемъ, 1879 году, стачечная зараза охватила нѣсколько фабрикъ одновременно. Обнаружилась она прежде всего на знакомой уже читателямъ Новой Бумагопрядильнѣ.

Съ тяжелымъ сердцемъ уступивъ полицейскому насилію, рабочіе Новой Бумагопрядильни говорили намъ, что они покоряются не на долго и при первомъ же удобномъ случаѣ опять забастуютъ. По правдѣ сказать, мы не вѣрили имъ, видя въ ихъ словахъ не болѣе какъ желаніе утѣшить себя и насъ въ испытанной неудачѣ. Но мы ошибались. Уже въ ноябрѣ 1878 г. полиція имѣла много хлопотъ съ неугомонной Бумагопрядильней. Восьмого ноября (Михайловъ день) тамошніе рабочіе не явились на фабрику, мотивируя это тѣмъ, что, дескать, — праздникъ, работать грѣхъ. Но на другихъ фабрикахъ работа шла своимъ чередомъ, и управляющій Бумагопрядильни вздумалъ наверстать потерянное время удлиненіемъ рабочаго дня съ 13 часовъ, какъ было до тѣхъ поръ (отъ 5 часовъ утра до 8 часовъ вечера, съ вычетомъ 2 часовъ на ѣду), до 13¼ и продолжать работу при этомъ условіи до тѣхъ поръ, пока изъ маленькихъ кусочковъ времени не составится полный день. Два дня работа шла до 8¼ ч., возбуждая сильное неудовольствіе рабочихъ. На третій день кому-то пришло въ голову завернуть главный газопроводный кранъ въ 8 часовъ. Какъ только эта мысль была приведена въ исполненіе, рабочіе густой толпой повалили съ фабрики, при чемъ разбили нѣсколько стеколъ и испортили 9 основъ. Вѣрный другъ „отечественной промышленности“, полиція не могла во-время явиться для возстановленія „порядка“, но за то на слѣдующее утро на фабрику явилась цѣлая орда охранителей, и въ теченіе нѣсколькихъ дней работа происходила въ ихъ благодѣтельномъ присутствіи, хотя уже не до 8¼, а только до 8 часовъ. Началось слѣдствіе: кто потушилъ газъ? Кто могъ потушить? Человѣкъ 7 рабочихъ таскали въ участокъ. Приставъ горячился и кричалъ, что „ушлетъ ихъ въ Архангельскую губернію“. Однако это не помогло. Рабочіе отвѣчали, что ничего не знаютъ. Одна женщина, работавшая недалеко отъ крана, показала на допросѣ, что кранъ завернулъ какой-то рабочій, лицо котораго было закрыто передникомъ. Кто былъ этотъ рабочій, — осталось неизвѣстнымъ; дѣло пришлось передать „суду и волѣ божіей“. Съ тѣхъ поръ полиція стала зорко слѣдить за рабочими.

15 Января слѣдующаго года рабочіе Бумагопрядильни по обыкновенію пришли на фабрику рано утромъ. Нѣсколько часовъ прошло обычнымъ порядкомъ; но передъ обѣдомъ въ ткацкое отдѣленіе явился

главный мастеръ и вывѣсилъ объявленіе, приглашавшее 44-хъ ткачей къ разсчету. На вопросъ — за что такая немилость? — мастеръ отвѣтилъ, что эти 44 человѣкъ выбрасываются на улицу за свое „бунтовство“, и что впредь всѣ неблагонадежные будутъ прогоняемы. Заявилъ онъ также, что вообще администрація фабрики въ виду постоянныхъ бунтовъ, думаетъ замѣнить ткачей-мужчинъ женщинами и дѣтьми. Рѣчь его была прервана взрывомъ негодованія. Объявленіе было изорвано въ клочки, самъ ораторъ долженъ былъ ретироваться. Ткачи высыпали на улицу и разбрелись по домамъ обѣдать. Послѣ обѣда они собрались передъ воротами фабрики густой толпой, черезъ которую не прошелъ одинъ изъ тѣхъ, кто еще колебался пристать къ стачкѣ. Директоръ поспѣшилъ извѣстить полицію о новомъ „бунтѣ“. Около фабрики забѣгали „фискалы“, показались околодочные, въ полной формѣ, съ револьверами на боку; ихъ сопровождали десятки городовыхъ. Но полиція пока еще не обнаруживала большой стремительности, вѣроятно, потому, что не получила еще надлежашихъ наставленій свыше.

Къ вечеру того же дня ткачи рѣшили, кромѣ отмѣны распоряженія объ изгнаніи бунтовщиковъ, требовать также: 1) повышенія заработной платы — 5 коп. на кусокъ ткани; 2) сокращенія рабочаго дня на 2 ½ часа; 3) отмѣны нѣкоторыхъ штрафовъ; 4) изгнанія нѣсколькихъ ненавистныхъ имъ мастеровъ и подмастерьевъ; 5) присутствія выборныхъ отъ рабочихъ при пріемѣ сдаваемой ими ткани и, наконецъ, 6) выдачи имъ платы „за все время стачки, какъ будто работа и не прекращалась“. Требованія эти были немедленно записаны и, если не ошибаюсь, отпечатаны въ тайной типографіи „Земли и Воли“.

Слухи о стачкѣ на Новой Бумагопрядильнѣ быстро распространились между фабричными, и на слѣдующій день на Обводный каналъ явилось 40 выборныхъ отъ ткачей фабрики Шау (Шавы, какъ произносили рабочіе) за Нарвской заставой. „Шавинскіе“ также рѣшились забастовать и предлагали „новоканавцамъ“*) выработать общія требованія. Правда, полнаго тождества въ требованіяхъ стачечниковъ этихъ двухъ фабрикъ быть не могло, такъ какъ порядки, практиковавшіеся г. Шау значительно отличались отъ порядковъ, существовавшихъ на Бумагопрядильнѣ. У „Шавы“ работа шла безостановочно день и ночь, при чемъ рабочіе раздѣлялись на двѣ смѣны: однѣ сутки одна смѣна работала 16 час., а другая 8, слѣдующія — наоборотъ. Трудолюбивый фабрикантъ не прекращалъ работы даже вечеромъ наканунѣ праздниковъ: она пріостанавливалась только въ 6 часовъ праздничнаго утра. Г. Шау заботился также и о продовольствіи рабочихъ: у него была мелочная лавка, въ которой они обязаны были покупать продукты. Читатель легко можетъ представить себѣ, какъ выгодно это было для заботливаго капиталиста. Иногда, придя за получкой въ контору, рабочій узнавалъ, что весь его заработокъ ушелъ на уплату по его забору въ хозяйской ловкѣ.

Съ одобренія „новоканавцевъ“ „шавинскіе“ рабочіе представили своему хозяину, слѣдующія требованія:

1) Чтобы на каждый выткапны і кусокъ прибавили платы по 5 коп.

2) Чтобы прогульные дни не считались, если самъ хозяинъ виноватъ въ прогулѣ.

3) Чтобы основы выдавали хорошія, и чтобы матеріалъ выдавался при нашихъ выборныхъ.

---

*) Рабочіе называли иногда Обводный каналъ Новой Канавой.

4) Чтобы товаръ не браковали зря; чтобы за этимъ тоже слѣдили наши выборные.

5) Чтобы не штрафовали за поло́мъ инструмента, за отсутствіе изъ фабрики по болѣзни и надобности.

6) Чтобы за харчи платить не въ конторѣ, какъ теперь, а въ лавкѣ, по получкѣ денегъ на руки.

7) Чтобы на больницу платилось не по $1^1/_4$ коп. съ рубля, а по 10 коп. въ мѣсяцъ.

8) Чтобы за кипятокъ*) на фабрикѣ рабочіе не платили.

9) Чтобы утромъ давалось время съ $8^1/_2$ до 9 ч. на завтракъ.

10) Чтобы наканунѣ праздниковъ работа кончалась въ 8 час. вечера.

11) Чтобы газовыя горѣлки расположить какъ лучше для работы; мы сами укажемъ мѣсто для нихъ; а то теперь въ иныхъ мѣстахъ вовсе свѣту нѣтъ.

12) Чтобы прогнать съ фабрики подмастерьевъ: Никифора Арсентьева и Нефеда Ефимова, Николая Волкова и шпульника Кирилла Симонова. Намъ отъ нихъ житья нѣтъ! и мы съ ними не хотимъ работать.

13) За время стачки денегъ съ насъ не вычитать, потому что мы не работаемъ не по своей винѣ, а по упорству хозяевъ.

14) Чтобы никого изъ насъ не брали въ полицію за то, что не работаемъ, а тѣхъ, что теперь забрали, пусть выпустятъ.**)

Предъявленное фабриканту послѣднее (14-ое) требованіе съ формальной точки зрѣнія можетъ показаться безсмыслицей. Но въ дѣйствительности оно имѣло большой практическій смыслъ, такъ какъ аресты рабочихъ происходили по настоянію и, нерѣдко, по личному указанію фабрикантовъ. Стачечники нашли полезнымъ предупредить г. Шау, что даже въ случаѣ исполненія всѣхъ остальныхъ требованій они не станутъ работать, пока не прекратятся аресты и не будутъ освобождены арестованные.

На сходкѣ представителей отъ обѣихъ фабрикъ были, между прочимъ, обдуманы мѣры для поддержанія бѣднѣйшихъ изъ стачечниковъ. Такихъ естественно должно было оказаться болѣе у „Шавы", который грозился немедленно прекратить выдачу рабочимъ припасовъ изъ своей лавки. Рѣшено было первые сборы предоставить въ распоряженіе его рабочихъ. Сборы же предполагалось дѣлать на всѣхъ фабрикахъ и заводахъ. Въ этомъ смыслѣ были напечатаны (разумѣется, въ тайной типографіи) воззванія ко всѣмъ петербургскимъ рабочимъ. Надежда на ихъ помощь не была напрасной: сборы дѣлались почти повсемѣстно, и возбужденіе рабочихъ во время этихъ сборовъ было подчасъ такъ велико, что грозило перейти, а мѣстами и переходило, въ забастовку.

На фабрикѣ Мальцева (на Выборгской сторонѣ) разбросаны были воззванія стачечниковъ. По этому поводу полиція арестовала рабочаго, заподозрѣннаго въ ихъ разбрасываніи, Его товарищи заволновались. Пошли толки о томъ, чтобы послѣдовать примѣру „новоканавцевъ", но хозяинъ ласковымъ обращеніемъ и обѣщаніемъ разныхъ благъ въ будущемъ возстановилъ спокойствіе. Г. Чешеру (его фабрика тоже была на Выборгской сторонѣ) не удалось отдѣлаться одними обѣщаніями: онъ вынужденъ былъ прибавить по 3 коп. на каждый кусокъ ткани. Волновались рабочіе и на Охтѣ. Такъ заразительно подѣйствовалъ примѣръ. А тѣмъ временемъ полиція и фискалы дѣлали свое дѣло.

---

*) Для чаю.

**) Подробности объ этихъ и нѣкоторыхъ предыдущихъ стачкахъ заимствованы мною изъ 3 и 4 №№ „Земли и Воли", гдѣ онѣ были описаны мною же на основаніи свѣдѣній, своевременно собранныхъ на мѣстѣ.

Уже въ ночь съ 16-17 числа произведено было нѣсколько арестовъ. Арестовано было 6 человѣкъ изъ рабочихъ Шау, 20 человѣкъ съ Н. Бумагопрядильни, одинъ слесарь на Лиговкѣ и т. д. Аресты еще болѣе усилили раздраженіе рабочихъ. До 17 числа только ткачи участвовали въ стачкѣ на Н. Бумагопрядильнѣ. Съ того же числа къ ней пристали и прядильщики; фабрика совсѣмъ остановилась. О подачѣ какихъ бы то ни было „прошеній“ теперь уже никто не думалъ. „Новоканавцы“ только смѣялись, когда мы напоминали имъ объ ихъ прошлогоднемъ хожденіи къ наслѣднику: „то-то дураки-то были!“ — говорили они.

На фабрику Шау въ качествѣ миротворца явился нѣкій „полковникъ“. Рабочіе подали ему письменное изложеніе своихъ требованій и категорически заявили, что на меньшемъ не помирятся.

— Согласны вы на эти требованія? спросилъ полковникъ хозяина.

Тотъ, разумѣется, отвѣтилъ отрицательно.

— Ну, такъ чего же вы, такіе-сякіе, хотите? зарычалъ на рабочихъ миротворецъ, да я васъ!... и т. д. и. т. д. полились обычныя въ такихъ случаяхъ словеса „кротости и увѣщанія“, т. е. брань, украшенная непечатными словами.... у меня, заключилъ храбрый воинъ, сейчасъ 25,000 солдатъ подъ ружьемъ, попробуйте только бунтовать!

— Больно ужь много ты, ваше благородіе, войска-то для насъ наготовилъ-то, насмѣшливо замѣтили рабочіе, — насъ всего-то здѣсь 300 человѣкъ и съ бабами, и съ ребятишками, а мужиковъ-то не будетъ больше сотни.

Полковникъ понялъ, что зарапортовался, и прикусилъ языкъ, приказавъ, для поддержанія своего авторитета, схватить одного изъ остряковъ, но толпа окружила эту жертву полковничьяго смущенія и отстояла ее отъ полицейскихъ покушеній. Такъ и уѣхалъ ни съ чѣмъ воинственный миротворецъ.

Не желая обращаться къ властямъ ни съ какими прошеніями, стачечники предъявляли имъ теперь очень настойчивыя требованія. Такъ, напримѣръ, рабочіе Н. Бумагопрядильни рѣшились требовать освобожденія своихъ товарищей, арестованныхъ ночью съ 16 на 17 января. 18-го числа, часовъ около 10 утра, толпа около 200 чел. собралась недалеко отъ зданія фабрики. Здѣсь было прочитано и одобрено слѣдующее заявленіе:

„Мы, рабочіе Новой Бумагопрядильни, симъ заявляемъ, что не пойдемъ на работу, пока не будутъ уважены всѣ наши заявленныя хозяину требованія. Что же касается полиціи, то мы отказываемся отъ всякаго вмѣшательства съ ея стороны для примиренія насъ съ хозяиномъ, пока не будутъ освобождены наши товарищи, люди, за которыми мы не знаемъ ничего худого. Если ихъ обвиняютъ въ чемъ либо, пусть судятъ ихъ у мирового, при чемъ мы всѣ будемъ свидѣтелями ихъ невинности. Теперь же ихъ арестовали и держатъ безъ суда и слѣдствія, что противно даже существующимъ законамъ“.

Когда читалось это заявленіе, подошелъ околодочный; онъ предложилъ рабочимъ пойти къ участку для объясненія съ приставомъ, но они предпочли переговорить съ градоначальникомъ. Путь ихъ къ дому градоначальника лежалъ черезъ Загородный проспектъ. На немъ есть или, по крайней мѣрѣ, былъ домъ „мѣщанской гильдіи“ съ проходнымъ дворомъ. Едва рабочіе прошли черезъ этотъ дворъ и вышли на Фонтанку, ихъ аттаковали жандармы съ приставомъ Бочарскимъ во главѣ, тѣмъ самымъ приставомъ, который только-что приглашалъ ста-

чечниковъ придти къ нему для объясненій. По всей вѣроятности, полиція, еще наканунѣ узнавши о намѣреніи рабочихъ добиваться освобожденія заключенныхъ, заранѣе приготовилась къ отпору, и переданное околодочнымъ приглашеніе пристава было простой ловушкой. Видя, что не удастся заманить рабочихъ въ участокъ, г. Бочарскій пустился преслѣдовать ихъ, какъ Фараонъ убѣгавшихъ изъ Египта евреевъ.

Произошла свалка. Жандармы мяли лошадьми рабочихъ, рабочіе защищались какъ умѣли. У нѣкоторыхъ оказались кистени, а знакомый уже читателю Иванъ, опять принимавшій горячее участіе въ стачкѣ, вытащилъ даже кинжалъ и ранилъ имъ лошадь наскакавшаго на него жандарма. Но силы были слишкомъ неравны, нападеніе было слишкомъ неожиданно. Жандармы побѣдили. Къ счастью для рабочихъ, упомянутый проходной дворъ обезпечилъ имъ довольно безопасное, хотя и безпорядочное отступленіе.

Со времени этой битвы полиція удесятерила свою энергію. Начались безпрерывные аресты. Нѣсколькихъ такъ называемыхъ зачинщиковъ выслали на родину, другихъ — въ сѣверныя губерніи. Рабочихъ били и даже грабили.*) Лавочникамъ полиція прямо запретила давать стачечникамъ въ долгъ продукты. Зараженныя стачкою мѣстности были буквально наводнены „силищей жандармскою“. Черезъ нѣсколько дней упорнаго сопротивленія рабочіе сдались, получивъ нѣкоторыя ничтожныя уступки.

Эта новая неудача измѣнила настроеніе бывшихъ стачечниковъ развѣ только въ смыслѣ еще большаго озлобленія противъ всяческаго начальства и еще большаго сочувствія къ революціонерамъ. Рабочая среда вообще все болѣе привыкала смотрѣть на революціонеровъ какъ на своихъ естественныхъ друзей и союзниковъ, а на тайную „Землевольческую“ типографію, какъ на орудіе гласности, всецѣло предназначенное къ ихъ услугамъ. Такой взглядъ укрѣплялся даже въ тѣхъ уголкахъ Петербурга, куда не проникала революціонная пропаганда.

Однажды мнѣ, какъ члену редакціи „Земли и Воли“, передали конвертъ съ надписью: Господину редактору. Я нашелъ въ немъ двѣ четвертушки сѣрой бумаги. „Господинъ редакторъ, написано было на одной четвертушкѣ, — пожалуйста, напечатайте наше воззваніе, и если нужно, будьте такъ добры, поправьте“. На другой написано было воззваніе: „Голосъ рабочева народа, работающихъ и страдающихъ у подлеца Макселля.“ Въ воззваніи говорилось, что рабочіе фабрики Макселля, доведенные до крайности хозяйскими притѣсненіями, видятъ себя вынужденными прибѣгнуть къ стачкѣ и, сообщая объ этомъ остальнымъ петербургскимъ рабочимъ, просятъ ихъ поддержки. Текста воззванія я на память, разумѣется, возстановить не могу. Помню только одну фразу изъ середины: — „мы работаемъ, стараемся, а онъ свенья не доволинъ нами“, — да заключительныя слова: — „Будемъ же твердо стоять каждый за всѣхъ и всѣ за каждаго.“ За то я хорошо помню общее впечатлѣніе, произведенное воззваніемъ на меня и на моихъ товарищей по редакціи. Мы положительно пришли въ восторгъ. Столько свѣжаго чувства,

---

*) Одинъ изъ стачечниковъ проходилъ недалеко отъ Н. Бумагопрядильни, играя на гармоникѣ. На него бросился жандармъ и выхватилъ гармонику. Рабочій отправился жаловаться на этотъ „дневной грабежъ“ въ участокъ. Его выругали, а гармоники не возвратили

столько простоты и непосредственности, столько трогательной неумѣлости и, вмѣстѣ съ тѣмъ, столько неотразимой убѣдительности было въ этой далеко не грамотной прокламаціи, что мы сочли непозволительнымъ дѣлать въ ней какія нибудь существенныя измѣненія и ограничились исправленіемъ грамматическихъ ошибокъ. Едва ли не на слѣдующій же день воззваніе было отпечатано и передано авторамъ.

Вотъ что узналъ я о причинѣ неудовольствія макселлевскихъ фабричныхъ.

Низкая плата, непомѣрно длинный рабочій день, штрафы и придирки мастеровъ и подмастерьевъ, — все это, разумѣется, имѣло мѣсто на фабрикѣ г. Макселля, какъ и на другихъ фабрикахъ. Но этотъ находчивыи предприниматель внесъ, кромѣ того, еще одну особенность въ практикуемый имъ способъ эксплуатаціи рабочей силы. Около своей фабрики (за Невской заставой) онъ выстроилъ большой домъ для помѣщенія своихъ рабочихъ. Другими словами, къ выгодному ремеслу фабриканта онъ рѣшилъ присоединить тоже не безвыгодное ремесло домовладѣльца. Надо отдать ему справедливость, домъ его былъ построенъ очень хорошо, жить въ немъ было бы очень удобно, несравненно удобнѣе, чѣмъ въ тѣхъ грязныхъ домахъ безъ воздуха и свѣта, гдѣ ютились его рабочіе. Бѣда заключалась лишь въ томъ, что назначенныя г. Макселлемъ квартирныя цѣны были сравнительно очень высоки и ужъ во всякомъ случаѣ не по средствамъ фабричныхъ рабочихъ. Вотъ почему тѣ и не хотѣли селиться въ его фаланстерѣ. Съ своей стороны, просвѣщенный капиталистъ такъ твердо рѣшился облагодѣтельствовать свои „рабочія руки“, что не отступалъ даже передъ очень крутыми мѣрами. Онъ грозилъ немедленно прогнать съ фабрики всѣхъ консерваторовъ, отказывающихся жить въ его домѣ. Отсюда — раздраженіе рабочихъ, рѣшившихся стачкой положить конецъ оздоровительному упорству г. Макселля. Совершенно безъ всякихъ „постороннихъ внушеній“ и помимо всякаго вліянія затронутыхъ революціонной пропагандой „бунтовщиковъ“, — такихъ не было на ихъ фабрикѣ, — они выработали планъ дѣйствій, а для исполненія его сочли необходимымъ обратиться за помощью къ рабочему населенію Петербурга и къ революціонному обществу „Земля и Воля“. Нечего и говорить, что воззваніе было написано ими самими, но слѣдуетъ прибавить, что мысль о немъ подана была имъ примѣромъ „шавинскихъ“ и „новоканавскихъ“ рабочихъ, которые, какъ я уже сказалъ, во время своей стачки обращались съ воззваніемъ „къ рабочимъ всѣхъ петербургскихъ фабрикъ и заводовъ“. Вѣроятно, это послѣднее воззваніе тогда же попало на фабрику Макселля, очень вѣроятно также, что макселлевскіе рабочіе не отказались поддержать „новоканавскихъ“ и „шавинскихъ“ стачечниковъ своими трудовыми грошами, и теперь были увѣрены, что и имъ не откажутъ въ такой же поддержкѣ. Заключительныя слова „голоса рабочаго народа, работающихъ и страдающихъ у подлеца Макселля“ были цѣликомъ заимствованы изъ одного воззванія, напечатаннаго по поводу второй стачки на Обводномъ каналѣ. Эти слова: „будемъ же твердо стоять каждый за всѣхъ и всѣ за каждаго“ — какъ видно, хорошо выразили тогдашнее настроеніе петербургскихъ рабочихъ, потому что послѣ неизмѣнно повторялись ими во всевозможныхъ случаяхъ ихъ борьбы съ полиціей и предпринимателями.

Вообще въ то время рабочее движеніе росло съ небывалой быстротой. Любопытно видѣть, какъ отражалось это явленіе въ тогдашней революціонной литературѣ.

Передовая статья № 4 „Земли и Воли“, вышедшаго въ свѣтъ 20 февраля 1879 г., цѣликомъ посвящена была вопросу о роли городскихъ рабочихъ „въ боевой народно-революціонной организаціи“. „Волненія фабричнаго населенія, говорится въ этой статьѣ, постоянно усиливающіяся и составляющія теперь злобу дня, заставляютъ насъ, раньше чѣмъ мы разсчитывали, коснуться той роли, которая должна принадлежать нашимъ городскимъ рабочимъ въ этой организаціи. Вопросъ о городскомъ рабочемъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые, можно сказать, самою жизнью, самостоятельно выдвигаются впередъ, на подобающее имъ мѣсто, вопреки апріорнымъ теоретическимъ рѣшеніямъ революціонныхъ дѣятелей.“*) Чрезвычайно характерно это, невзначай вырвавшееся у народника признаніе. Рабочій вопросъ, дѣйствительно, самою жизнью выдвигался впередъ, наперекоръ народнической догматикѣ. Неудивительно, что разрѣшить его съ помощью этой догматики было совершенно невозможно. Народническая интеллигенція могла лишь, подобно автору указанной статьи,**) рекомендовать рабочимъ-соціалистамъ „агитацію“, „агитацію“, „агитацію“ и „агитацію“, да упрекать ихъ въ томъ, что они, будто бы забывая объ этой агитаціи, слушаютъ „чтенія о каменномъ періодѣ или о планетахъ небесныхъ“. Къ началу 1879 года рабочее движеніе переросло народническое ученіе на цѣлую голову. Въ виду этого неудивительно, что наиболѣе развитая часть петербургскихъ рабочихъ, вошедшая въ основанный около того времени „Сѣверно-Русскій Рабочій Союзъ“, въ своихъ политическихъ взглядахъ и стремленіяхъ значительно разошлась съ бунтарями-народниками.

IV.

„Сѣверно-Русскій Рабочій Союзъ“ естественнымъ образомъ возникъ изъ того ядра петербургской рабочей организаціи, которое, какъ я говорилъ выше, составилось изъ „старыхъ“, испытанныхъ революціонеровъ-рабочихъ. Формальное основаніе Союза относится, насколько могу припомнить, къ концу 1879 года. Уже съ первыхъ недѣль своего существованія онъ насчитывалъ не менѣе 200 членовъ, а вокругъ него группировалось по крайней мѣрѣ столько же рабочихъ, сочувствующихъ, но еще не посвященныхъ въ организаціонную тайну. Большинство членовъ его принадлежало къ числу „заводскихъ“. Въ каждомъ значительномъ рабочемъ кварталѣ Петербурга были особые кружки, составлявшіе мѣстную вѣтвь Союза. Каждая вѣтвь имѣла свою кассу и свою „конспиративную“ квартиру. Для завѣдыванія ея дѣлами выбирался небольшой комитетъ. Члены мѣстнаго комитета были въ тоже время членами Центральнаго Кружка, который собирался черезъ извѣстные промежутки времени по общимъ дѣламъ Союза. Въ распоряженіи Центральнаго Кружка находилась особая касса, а также союзная библіотека. Центральная касса, какъ и мѣстныя кассы, пополнялась членскими взносами. Около времени второй стачки на Новой Бумагопрядильнѣ въ ней было руб. 150-200. Эта „свободная

---

*) Курсивъ мой.

**) Прим. ко 2-му изд. Долженъ признаться, что ея авторомъ былъ я самъ.

наличность", какъ выразился бы русскій министръ финансовъ, вся ушла на поддержку стачечниковъ, но члены Союза исправно дѣлали свои взносы, и потому пустою касса его никогда не оставалась. Что касается библіотеки, то ею особенно дорожилъ и гордился Союзъ. И дѣйствительно, она была самымъ цѣннымъ его достояніемъ. Составилась она частью изъ купленныхъ рабочими, а больше изъ пожертвованныхъ интеллигенціей книгъ. Собирались эти книги въ теченіе цѣлаго года и собирались такъ старательно, что едва ли хоть одинъ гражданинъ „интеллигентной" республики Петрополя избѣжалъ неожиданнаго книжнаго налога. Много хламу подарила рабочимъ интеллигенція, но подарила не одинъ хламъ. По пословицѣ „съ міру по ниткѣ — голому рубаха", у Союза образовался большой запасъ книгъ по различнымъ отраслямъ знанія. Число книгъ было такъ велико, что нельзя было хранить ихъ въ одной рабочей квартирѣ. Вслѣдствіе этого библіотека была подраздѣлена на нѣсколько частей и развезена по различнымъ рабочимъ кварталамъ. Каждый кварталъ имѣлъ своего библіотекаря, у котораго былъ полный списокъ всѣхъ, принадлежавшихъ Союзу книгъ. Если кто нибудь изъ членовъ мѣстной вѣтви выбиралъ по этому списку такое сочиненіе, котораго не было въ библіотекѣ даннаго квартала, то библіотекарь представлялъ заявленное требованіе очередному собранію Центральнаго Кружка, и книга доставлялась изъ другого квартала. Благодаря такой постановкѣ дѣла, полиціи все же не такъ легко было открыть существованіе библіотеки и „накрыть" ея обладателей. Пользовались книгами, черезъ посредство знакомыхъ членовъ, и не принадлежавшіе къ Союзу рабочіе, но о существованіи библіотеки, разумѣется, не знали.

Практика скоро обнаружила главнѣйшій недостатокъ новой организаціи. Союзъ, какъ цѣлое, могъ дѣйствовать только по рѣшенію Центральнаго Кружка, собиравшагося раза два въ недѣлю. Занятые работой и живущіе въ различныхъ частямъ города, а иногда и за городомъ, члены Центральнаго Кружка не могли встрѣчаться чаще. Но въ промежутокъ времени между двумя его собраніями могли совершиться событія, требовавшія немедленнаго дѣйствія со стороны Союза. Какъ поступить въ такомъ случаѣ, уставъ не говорилъ. Когда началась вторая стачка на Новой Бумагопрядильнѣ, до очереднаго собранія Центральнаго Кружка оставалось два дня. Халтуринъ, тотчасъ узнавшій о ней, очутился въ очень затруднительномъ положеніи: стачка легко могла быть подавлена полиціей еще до очереднаго собранія; а между тѣмъ, чтобы обѣгать всѣхъ членовъ Центральнаго Кружка и созвать ихъ на чрезвычайное собраніе (извѣстно, что къ почтѣ русскіе революціонеры, по понятной причинѣ, прибѣгаютъ очень неохотно), надо было тоже не менѣе двухъ дней. Замедленіе во всякомъ случаѣ было неизбѣжно, и Халтурину пришлось на первое время ограничиться личными сношеніями со стачечниками. Придать организаціи Союза большую подвижность можно было лишь избраніемъ особаго распорядительнаго комитета, состоящаго изъ небольшого числа лицъ и имѣющаго право, въ важныхъ случаяхъ, дѣйствовать по собственному усмотрѣнію, не дожидаясь очереднаго собранія. Къ этой мысли, кажется, и пришли потомъ члены Союза.

Возникновенію Союза нельзя было не радоваться даже съ нашей тогдашней, народнической, точки зрѣнія. Но программа его причинила намъ не малое огорченіе. Въ ней — о, ужасъ! — прямо было сказано, что рабочіе считаютъ завоеваніе политической свободы необходимымъ

условіемъ дальнѣйшихъ успѣховъ своего движенія. Мы, презиравшіе „буржуазную“ свободу и считавшіе ее опасной ловушкой, оказались въ положеніи курицы, высидѣвшей утятъ. Въ особой замѣткѣ, посвященной обзору новой программы, редакція „Земли и Воли“ мягко, но рѣшительно высказалась противъ непріятной ей рабочей ереси. Въ замѣткѣ повторены были тѣ доводы, которые обыкновенно выставлялись народниками и бакунистами противъ „политики“. Но членамъ Союза такіе доводы уже перестали казаться убѣдительными. Въ отвѣтъ на замѣтку они прислали длинное письмо въ редакцію, въ которомъ говорили, что рѣшительно не видятъ, какъ можетъ успѣшно идти рабочее движеніе при отсутствіи политической свободы, и какимъ образомъ для рабочихъ можетъ быть невыгодно пріобрѣтеніе ими политическихъ правъ.*) Тяжело было народникамъ слышать отъ рабочихъ — и какихъ рабочихъ! члены „Союза“ составляли сливки революціоннаго рабочаго Петербурга, — столь „буржуазныя“ разсужденія. Но еще тяжелѣе поразило ихъ почудившееся имъ въ письмѣ презрѣніе Союза къ крестьянству. Дѣло въ томъ, что, защищая свое требованіе политической свободы, авторы письма сказали, между прочимъ, что вѣдь они, рабочіе, не Сысойки.**) Это выраженіе истолковано было революціонной интеллигенціей въ смыслѣ кичливаго презрѣнія къ крестьянству. Но правильно ли было подобное истолкованіе? Конечно, нѣтъ. Слова — „мы не Сысойки“ свидѣтельствовали только о томъ, что русскіе рабочіе уже тогда стояли безконечно выше того „простонародья“, на которое ссылались всѣ соціалисты — противники политической свободы. Съ давнихъ поръ наши соціалисты „изъ интеллигенціи“ утверждали, что какъ у насъ въ Россіи, такъ и заграницей, „простонародью“ не нужно свободы печати, потому что книгъ и газетъ оно не читаетъ и, слѣдовательно, цензурнымъ уставомъ не интересуется; что ему не нужно политическихъ правъ, потому что, задавленное бѣдностью, оно политической жизнью своей страны не интересуется; что его интересы затрогиваются только экономическими порядками, политическія же формы для него безразличны и т. п., и т. п. Такъ разсуждалъ иногда еще Чернышевскій, и такъ же разсуждали мы, когда предостерегали рабочихъ отъ увлеченія политикой. Но развитому рабочему очень трудно было согласиться съ нами. „Какъ же это такъ? Простому человѣку не нужно свободы печати, потому что онъ ничего не читаетъ; не нужно политическихъ правъ, потому что онъ не интересуется борьбою политическихъ партій! Что же хорошаго въ простомъ человѣкѣ, отличающемся подобными отрицательными свойствами? Вѣдь это дикарь-Сысойка! И вѣдь пока простонародье будетъ состоять изъ дикарей-Сысоекъ, соціализмъ останется несбыточной мечтою! Простонародье должно читать, а потому оно должно добиваться свободы печати; оно должно интересоваться политическими дѣлами своей страны, а потому оно должно добиваться политическихъ правъ; оно должно имѣть свои союзы и собранія, а потому оно должно добиваться свободы союзовъ и собраній. И не только должно.

*) Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ № 5 „Земли и Воли“, въ которомъ появилось письмо рабочихъ, и окончанія 4-го №, содержащаго вышеупомянутую замѣтку редакціи. Поэтому, я указываю только на общій смыслъ поднявшейся полемики, который я очень хорошо помню.

**) Прим. ко 2-му изд. Сысойка — герой извѣстнаго романа Рѣшетникова „Подлиповцы“ — былъ, какъ, извѣстно, совсѣмъ дикимъ человѣкомъ, пока оставался въ своей деревнѣ.

Оно отчасти уже читаетъ книги, уже чувствуетъ потребность въ союзахъ и собраніяхъ, уже стремится выступить на политическую арену. Оно уже переросло дукарей-Сысоекъ. Мы, рабочіе, уже не таковы, какимъ воображаютъ народъ его интеллигентные доброжелатели. Доказательствомъ этому служитъ наше собственное движеніе. Но все это только начало. Если мы хотимъ идти впередъ, намъ непремѣнно нужно сбить заграждающія нашъ путь полицейскія рогатки!" Вотъ — смыслъ отвѣтнаго письма Союза и въ особенности словъ: „мы не Сысойки". Можетъ быть, авторы письма не вполнѣ выяснили его себѣ тогда со всѣхъ сторонъ; можетъ быть, Сысоекъ они упомянули не затѣмъ, чтобы однимъ мѣткимъ словомъ характеризовать тотъ идеальный „народъ", котораго бунтари готовы были противопоставлять будто бы зараженному буржуазнымъ духомъ петербургскому пролетаріату. Но характеристика все таки была дана, хотя бы и не преднамѣренно. Сѣверно-Русскій Рабочій Союзъ сознавалъ, что онъ состоитъ не изъ Сысоекъ. И именно это сознаніе свидѣтельствовало объ его политической зрѣлости.

Какъ бы тамъ ни было, будущій историкъ революціоннаго движенія въ Россіи долженъ будетъ отмѣтить тотъ фактъ, что въ семидесятыхъ годахъ требованіе политической свободы явилось въ рабочей программѣ раньше, чѣмъ въ программахъ революціонной интеллигенціи.*) Это требованіе сближало Сѣверно-Русскій Рабочій Союзъ съ западно-европейскими рабочими партіями, придавало ему соціаль-демократическую окраску. Говорю — окраску, потому что вполнѣ соціаль-демократической программу союза признать было бы невозможно. Въ нее вошла не малая доза народничества. Этой прилипчивой болѣзни трудно было избѣжать въ Россіи, да при томъ авторы программы, разойдясь съ нами по коренному вопросу о политической свободѣ, не чужды были, кажется, желанія позолотить пилюлю, порадовавъ насъ цѣлой кучей народническихъ требованій.

Напечатанная въ видѣ отдѣльнаго листка, программа Союза не была, къ сожалѣнію, перепечатана ни въ одномъ революціонномъ изданіи. Найти ее теперь можно было бы только въ архивахъ покойнаго Третьяго Отдѣленія. Говоря о ней на память, я, разумѣется, не могу входить ни въ какія подробности.

Извѣстіе объ основаніи Союза радостно встрѣчено было рабочими всюду, куда оно проникло. Варшавскіе рабочіе привѣтствовали петербургскую организацію адресомъ, въ которомъ говорили, что пролетаріатъ долженъ быть выше національной вражды и преслѣдовать общечеловѣческія цѣли. Союзъ отвѣчалъ имъ въ томъ же духѣ, выражалъ надежду на скорую побѣду надъ общими врагами и заявлялъ, что не отдѣляетъ своего дѣла отъ дѣла рабочихъ всего міра. Это былъ едва ли не первый примѣръ дружескихъ сношеній русскихъ рабочихъ съ польскими.

Союзъ не думалъ ограничивать поле своей дѣятельностм однимъ Петербургомъ. Самое названіе его (Сѣверно-Русскій союзъ) принято было лишь на время, лишь до тѣхъ поръ, пока не пристанутъ къ нему рабочіе провинціальныхъ городовъ. Идеаломъ вожаковъ Союза была единая и стройная всероссійская рабочая организація.

---

*) Прим. ко 2-му изд. Говоря это, я имѣю въ виду наиболѣе дѣятельную и наиболѣе вліятельную часть тогдашней роволюціонной интеллигенціи: народниковъ. Кромѣ народниковъ, были тогда полу-либерали, толковавшіе о политической свободѣ. Они издавали „Начало", но вліянія они не имѣли.

V.

Что представляли тогда собою провинціальные рабочіе? Насколько коснулось ихъ революціонное движеніе? Читатель знаетъ, что пропаганда между рабочими считалась народнической интеллигенціей побочнымъ дѣломъ; что ея революціонныя программы никогда не отводили рабочему классу самостоятельной роли. Главныя силы интеллигентныхъ революціонеровъ направлялись на крестьянскую массу. Отсюда вытекали такого рода, на первый взглядъ странныя, явленія.

Какъ промышленный центръ, Москва почти не уступаетъ Петербургу. Но въ Петербургѣ происходило значительное рабочее движеніе, въ Москвѣ оно было слабѣе, чѣмъ въ Кіевѣ или въ Одессѣ. „Рабочее дѣло“ всегда было обязано своими успѣхами случайнымъ причинамъ. Центромъ сѣверно-русскихъ революціонныхъ организацій интеллигенціи являлся Петербургъ. Тамъ всегда было много свободныхъ революціонныхъ силъ. И уже одного этого было достаточно, чтобы тамъ началась пропаганда между рабочими. Изъ Москвы революціонныя силы стремились въ Петербургъ, или даже въ большіе города юга. Въ Москвѣ „рабочее дѣло“ могло бы начаться только въ томъ случаѣ, если бы ему придавалось самостоятельное значеніе. Но это условіе отсутствовало, поэтому и было слабо въ Москвѣ „рабочее дѣло“.

Въ Саратовѣ очень была мало развита фабрично-заводская промышленность; тамошніе рабочіе были по преимуществу мелкими ремесленниками, а между тѣмъ въ 1877-78-79 гг. тамъ постоянно жилъ то тотъ, то другой „землевольцъ“, занимавшійся исключительно пропагандой между рабочими. Владимірская губернія усѣяна фабриками, ея населеніе мѣстами сплошь состоитъ изъ фабричныхъ рабочихъ, но никому изъ землевольцевъ и въ голову не пришло поселиться во Владимірской губерніи. Отчего это? Понятно, отчего! Поволжье считалось мѣстностью, въ которой крестьянство еще сохранило свои революціонныя „преданія“. Поэтому оно избрано было главной ареной „бунтарской“ дѣятельности. Въ Самарской, въ Саратовской, въ Астраханской губерніяхъ заводились „поселенія въ народѣ“, Саратовъ былъ главной квартирой дѣйствовавшихъ „въ народѣ“ землевольцевъ. Поэтому они считали полезнымъ и нужнымъ обезпечить себѣ поддержку со стороны его рабочаго населенія: когда поднимется поволжское крестьянство, пригодятся и саратовскіе ремесленники. Во Владимірскомъ же промышленномъ округѣ торжествовалъ капитализмъ, въ этой несчастной мѣстности съ незапамятныхъ временъ прекратились значительныя крестьянскія движенія, въ ней умерли народныя „преданія“, исказились народные „идеалы“. Поэтому ходить туда землевольцамъ было незачѣмъ. Призракъ оказался сильнѣе дѣйствительности. Мертвый схватилъ живого, — по извѣстному французскому выраженію. Постоянно мелькавшія въ воображеніи бунтарей тѣни Разина и Пугачева больше вліяли на распредѣленіе революціонныхъ силъ, чѣмъ дѣйствительный ходъ русскаго экономическаго развитія. До какой степени ошибались бунтари въ оцѣнкѣ живыхъ силъ народа, можетъ показать слѣдующій замѣчательный фактъ. Въ 1878 г. землевольцы много толковали о томъ, чтобы проникнуть въ Ярославскую губернію. Вы подумаете, можетъ быть, что ихъ почему либо привлекало къ себѣ тамошнее рабочее населеніе? Совсѣмъ нѣтъ, о тамошнихъ рабочихъ они забыли и думать. Тутъ была другая и ужь по истинѣ болѣе тонкая причина. Изъ „Сборника правительственныхъ свѣдѣній о раскольникахъ“ Кельсіева землевольцы

узнали, что въ Ярославской губерніи процвѣтала когда-то секта бѣгуновъ. Одинъ бунтарь „слышалъ“ даже, что и теперь существуютъ бѣгуны въ одномъ селѣ Ярославской губерніи. Вотъ и думали снарядить экспедицію для ихъ изловленія. Но бѣгунъ потому и называется бѣгуномъ, что вѣчно бѣгаетъ. Изловить его не такъ легко, какъ „поселиться“ среди мирно живущаго подъ игомъ своихъ „идеаловъ“ крестьянства. Увидя, что подступа къ ярославскимъ бѣгунамъ не имѣется, бунтари махнули рукой на Ярославскую губернію. Интересоваться ею изъ за однихъ рабочихъ не позволяла программа.

Въ тѣхъ же провинціальныхъ городахъ, гдѣ интеллигенція, по тѣмъ или другимъ причинамъ, находила нужнымъ шевелить трудящееся населеніе, рабочіе кружки непрерывно существовали съ самаго начала семидесятыхъ годовъ. Иногда ихъ разбивала полиція, иногда, вяло поддерживаемые интеллигенціей, занятой другимъ дѣломъ, они дѣйствовали очень вяло, но въ общемъ почва для революціонной рабочей организаціи была и въ провинціи подготовлена доволно хорошо.

Въ Одессѣ рабочая масса настолько сочувствовала революціонерамъ, что во время суда надъ Ковальскимъ (въ іюлѣ 1878 г.) она принимала дѣятельное участіе въ демонстраціи передъ зданіемъ суда.*) Относительно Харькова у насъ есть любопытное свидѣтельство мѣстнаго губернатора. „Соціальныя ученія, писалъ онъ въ своемъ „всеподданнѣйшемъ“ отчетѣ за 1877-й годъ — къ счастью и не смотря на дѣлаемыя многочисленныя попытки со стороны злоумышленниковъ, можно сказать, вовсе еще не проникли въ среду сельскаго населенія, остающагося вѣрнымъ началамъ религіи, нравственности и порядка. Нельзя того же сказать о низшемъ классѣ городскаго населенія, которое, подкапываемое соціальными ученіями, во многомъ утратило прежнюю неприкосновенность религіозныхъ вѣрованій и патріархальности семейныхъ отношеній. Классъ фабричныхъ рабочихъ, весьма многочисленный въ Харьковѣ,**) требуетъ усиленнаго надзора и не представляетъ залоговъ устойчивости противъ распространенія новыхъ ученій. Въ средѣ этого населенія революціонная пропаганда встрѣчаетъ постоянное сочувствіе, и въ случаѣ какого либо движенія въ смыслѣ перехода отъ теоріи къ дѣйствію, классъ харьковскихъ рабочихъ, въ огромномъ большинствѣ своемъ, не представитъ отпора возмутителямъ. Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ особаго вниманія подслушанные агентомъ полиціи въ средѣ фабричнаго населенія разговоры объ обременитель-

*) См. статью „Одесса во время суда надъ Ковальскимъ“ во № 2 „Земли и Воли“. „Изъ пяти дней судебнаго разбирательства три выпали на долю праздничныхъ, когда народъ не работаетъ, говоритъ авторъ этой статьи. Это обстоятельство въ значительной степени содѣйствовало скопленію публики у зданія суда.“ Какъ вела себя эта, въ значительной степени рабочая публика, читатель можетъ видѣть изъ той же статьи. Я приведу изъ нея только одинъ эпизодъ. Когда войска оттѣснили толпу отъ суда, часть ея направилась къ Приморскому бульвару. „На бульварѣ аристократія сибаритничала за столами, уставленными напитками и яствами. — Сволочь! обратился одинъ рабочій къ благодушествующимъ, вы объѣдаетесь и опиваетесь въ ту минуту, когда осуждаютъ людей на смертную казнь! Палачи предаютъ смерти одного изъ лучшихъ сыновъ русской земли, а вы любуетесь прекрасными видами! Будьте вы прокляты!“ Это было сказано среди бѣла дня, подъ солдатскими ружьями и казацкими пиками.

**) Это не вѣрно, фабричныхъ рабочихъ вовсе было тогда не много въ Харьковѣ, но не въ томъ дѣло.

ности податей, о неизвѣстности, на что и куда тратятся деньги, забираемыя съ народа, о безконтрольности правительства и тому подобныя сужденія, неслыханныя въ простомъ народѣ еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Конечно свобода сужденій повременной печати могла частію навѣять подобныя мысли, но несомнѣнно, что главными виновниками подобнаго настроенія фабричнаго населенія это — „распространители революціонной пропаганды, усиленно работающіе между фабричными города Харькова. Вообще политическое состояніе губерніи, спокойное въ отношеніи массы сельскаго населенія, помѣстнаго дворянства и вообще владѣльцевъ недвижимой собственности, весьма тревожно въ отношеніи низшихъ классовъ городскаго населенія, учащейся молодежи и тѣхъ подонковъ общества, неимѣющихъ нучего терять, которые столь многочисленны въ большихъ городахъ“.*) Въ отчетѣ Екатеринославскаго губернатора за 1879 г., навѣрное, заключались столь же рѣзкія выраженія по адресу „низшаго класса населенія“ Ростова-на-Дону. Извѣстно, что у ростовской полиціи были въ томъ году большія непріятности съ рабочими.

Дѣло было такъ. Не помню точно, въ какой день праздника Пасхи полицейскіе схватили на базарѣ подгулявшаго рабочаго и потащили его въ часть, не жалѣя, какъ водится, пинковъ и подзатыльниковъ. „Братцы, заступитесь, — закричалъ рабочій покрывавшему базарную площадь народу, — изувѣчатъ меня въ части!“ Народъ зашевелился; довольно значительная группа рабочихъ послѣдовала за уводившими арестованнаго полицейскими, прося ихъ отпустить его. Тѣ отвѣчали ругательствами и, введя арестованнаго въ зданіе части, принялись колотить его не на животъ, а на смерть. Услыхавъ его отчаянные крики, эта группа стала бросать камни въ окна и ломиться въ ворота частнаго дома. Группа быстро разрослась въ толпу. Кто-то крикнулъ, что слѣдуетъ разнести всю часть. Сдѣлать это было не такъ-то легко: ея крѣпкія ворота были заперты, а въ окнахъ нижняго этажа стояли городовые съ обнаженными шашками и револьверами. Начался правильный приступъ. Нѣсколько дюжихъ молодцовъ притащили откуда-то огромное бревно; толпа поняла ихъ мысль, бревно схватили десятки рукъ; распѣвая „дубинушку“, имъ стали дѣйствовать какъ тараномъ, и черезъ нѣсколько минутъ ворота были выбиты. Народъ ворвался въ часть. Полицейскіе, которые успѣли тѣмъ временемъ сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ въ нападавшихъ, моментально скрылись. Въ самое короткое время часть была разнесена.

---

*) Вм. „Извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета харьковскаю губернатора за 1877-й годъ“ въ № 2 „Земли и Воли“. „Подслушанные агентомъ полиціи“ толки „о безконтрольности правительства“ и т. д. показываютъ, что и харьковская рабочая среда начинала сознавать значеніе политическихъ правъ и политической свободы. Казалось бы, что нашимъ либераламъ нужно было прежде всего искать опоры въ подобной средѣ. Но они, по крайней мѣрѣ многіе изъ нихъ, ни о чемъ такъ охотно не разсуждаютъ, какъ о незрѣлости и непригодности русскаго рабочаго класса къ борьбѣ за политическую свободу. Удивительно проницательные и глубокомысленные люди!

Прим. ко 2-му изд. Такъ было до недавняго времени; такъ остается, пожалуй, и теперь; но теперь есть нѣкоторыя основанія думать, что скоро передовая часть нашей буржуазіи радикально измѣнитъ свое отношеніе къ политическому движенію рабочихъ. Она постараетея подчинить его своему вліянію. Понятно, это не въ интересахъ соціалдемократовъ.

Покончивъ съ нею, толпа бросилась на другія полицейскія части, потомъ опустошила квартиры полицеймейстера и нѣкоторыхъ квартальныхъ. О сопротивленіи ей никто не думалъ. Полуживой отъ страха полицеймейстеръ прятался въ Нахичевани, а военныя власти Ростова не увѣрены были даже въ томъ, что имъ удастся оборонить банкъ и острогъ (гдѣ сидѣло нѣсколько „политическихъ“). Разумѣется, полетѣли телеграммы къ губернатору; изъ Новочеркасска двинулись для усмиренія казаки, а въ Таганрогѣ стала готовиться къ выступленію артиллерія.*) Но, пока что, городъ былъ въ рукахъ „бунтовщиковъ“.

Я пріѣхалъ въ Ростовъ на другой же день послѣ „разнесенія“ частей и видѣлъ всѣ его слѣды. Невозможно представить себѣ картину болѣе полнаго опустошенія. Въ зданіяхъ частей выломаны были полы, выбиты стекла съ рамами и двери съ притолоками, разрушены печи, попорчены дымовыя трубы и крыши. И на далекое разстояніе мостовая, усѣянная обломками мебели, покрыта была, какъ снѣгомъ, мелкими клочками разорванныхъ полицейскихъ бумагъ.

— Какая дикость! воскликнетъ иной благовоспитанный читатель.

Пожалуй, — дикость. Но вѣдь противодѣйствіе равняется дѣйствію, и странно удивляться, что дикій произволъ полиціи вызываетъ дикую, подчасъ, ярость народа.

А въ то же время замѣтьте, что эта разъяренная толпа умѣла вполнѣ сохранить свое достоинство. Никто изъ опустошителей не позволилъ себѣ взять ничего изъ уничтожаемаго имущества полицейскихъ. Это тогда же подтверждено было всѣми очевидцами. Только когда стали „разносить“ домъ полицеймейстера и выкинули на улицу нѣсколько штукъ прекраснаго полотна, какой-то солдатъ попросилъ себѣ кусокъ на рубаху. Толпа удовлетворила просьбу „служивагo“, тутъ же уничтоживъ весь остатокъ.

Еще одна интересная черта. Разбивши одну часть и направляясь къ другой, толпа проходила мимо еврейской синагоги. Мальчикъ кинулъ камень въ ея окно. Его сейчасъ же остановили. „Не трогай жидовъ, сказали ему, нужно бить не жидовъ, а полицію“.

Настоящая дикость выступила на сцену только ночью, въ лицѣ многочисленныхъ въ Ростовѣ „босяковъ“. Буйно провела эту ночь и вдоволь потѣшилась ростовская „босая команда“! Обрадовавшись отсутствію полиціи, она прежде всего поспѣшила разграбить питейные дома, а потомъ, напившись до безпамятства, обрушилась на публичные дома и стала бить несчастныхъ проститутокъ. Явившіяся на слѣдующее утро войска положили конецъ этимъ безобразіямъ, въ которыхъ рабочіе совсѣмъ не участвовали и которыми они возмущались до такой степени, что и безъ прихода войскъ ихъ анти-полицейское движеніе, вѣроятно, прекратилась бы въ силу естественной реакціи противъ подвиговъ босой команды.

Несмотря на такой неожиданно-плачевный оборотъ ростовской „революціи“, воспоминаніе о ней долго еще ободряло рабочихъ, какъ наглядный примѣръ того, что народъ можетъ дать хорошій урокъ даже и всемогущей въ Россіи полиціи.

---

*) Вскорѣ послѣ этого я познакомился съ однимъ изъ стоявшихъ въ Таганрогѣ артиллерійскихъ офицеровъ. „У насъ офицеры говорили, что они не станутъ стрѣлять въ народъ“ — сказалъ мнѣ мой новый знакомый. Не знаю, какъ другіе, а этотъ человѣкъ не ограничился бы словами. Впослѣдствіи онъ дѣломъ доказалъ свое сочувствіе революціонерамъ.

Мнѣ разсказывали, что когда слухъ о „разнесеніи“ ростовской полиціи дошелъ до углекоповъ Донецкихъ копей, они двинулись отрядомъ въ 150-200 человѣкъ на помощь ростовцамъ, но дорогой узнали о возстановленіи „порядка“ и поспѣшили возвратиться домой. За достовѣрность этаго слуха я совсѣмъ не ручаюсь.

Что касается существовавшихъ въ провинціальныхъ городахъ революціонныхъ рабочихъ кружковъ, то лично я зналъ такіе кружки въ Ростовѣ, Саратовѣ, Кіевѣ и Харьковѣ. По составу своему они были гораздо разнообразнѣе, смѣшаннѣе петербургскихъ. Въ нихъ попадались члены, по развитію и по высокому уровню потребностей не уступавшіе петербургскимъ заводскимъ рабочимъ, но рядомъ съ ними попадались и совсѣмъ „сѣрые“, иногда неграмотные. Нерѣдко преобладали въ нихъ мелкіе самостоятельные ремесленники, и при томъ не подмастерья, а именно хозяева. Въ Петербургѣ я совсѣмъ не встрѣчалъ подобныхъ послѣдователей соціализма и чувствовалъ себя въ странномъ положеніи, когда, случалось, революціонеръ-хозяинъ совѣтовалъ мнѣ остерегаться его работника, какъ ненадежнаго человѣка. „Да, вѣдь, ты самъ эксплуататоръ, вѣдь на тебя два рабочихъ трудятся“, — шутилъ иногда со своимъ пріятелемъ-портнымъ переѣхавшій изъ Петербурга въ Саратовъ „заводской“ В. Я. Портной конфузился. „Да чтожь дѣлать-то, братъ ты мой? Я и самъ не радъ, что теперь такіе порядки, а жить-то тожь надо. Вотъ придетъ революція, тогда ужь не буду эксплуататоромъ“.

Мнѣ хотѣлось допытаться откуда берется недовольство у людей этого слоя, какая изъ темныхъ сторонъ ихъ положенія яснѣе всего отражается въ ихъ сознаніи. „Очень ужь насъ притѣсняетъ Дума, всѣ городскіе расходы на насъ, бѣдняковъ, сваливаетъ“, объяснилъ мнѣ одинъ ростовскій мѣщанинъ, горячій революціонеръ, имѣвшій свою кузницу и нѣсколькихъ подмастерьевъ. Возможно, что и многіе другіе ремесленники-революціонеры были разбужены прежде всего безобразіями нашего городскаго „самоуправленія“.

„Чарочка“, „пьянка“, къ сожалѣнію, слишкомъ привлекательны иногда для русскихъ ремесленниковъ. Въ этомъ отношеніи они далеко оставляютъ за собою фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ, у которыхъ я рѣдко замѣчалъ склонность къ сильному злоупотребленію спиртными напитками.

На Волгѣ и на Дону между рабочими-революціонерами попадались люди, прежде придерживавшіеся раскола. Расколъ не имѣетъ, да и никогда не имѣлъ, серьезнаго значенія, какъ оппозиціонная общественная сила. Часто онъ дѣйствуетъ прямо вредно, пріучая человѣка къ обрядности, къ буквоѣдству, отвлекая его мысль отъ земныхъ нуждъ къ небесному блаженству.*) Но тяжелый жизненный опытъ и потребность въ чтеніи научили раскольниковъ не бояться запрещенной книги и уважать людей, страдающихъ за свои убѣжденія. Землевольцы „спропагандировали“ на Волгѣ молодаго бѣгуна, очень способнаго парня. По ихъ просьбѣ онъ написалъ воспоминанія о своей жизни между раскольниками. Изъ этихъ воспоминаній я какъ сейчасъ помню то мѣсто, гдѣ онъ разсказываетъ о своей встрѣчѣ съ ссыльными поляками. Совсѣмъ еще ребенкомъ ѣхалъ онъ съ отцомъ изъ Тюмени

---

*) Прим. ко 2-му изд. Марксъ не даромъ называлъ религію опіумомъ народа и говорилъ, что критика религіи естественно превращается въ критику общественныхъ отношеній.

въ одну изъ внутреннихъ губерній европейской Россіи. Но дорогѣ столкнулись они съ партіей поляковъ. „Что это за люди?“ спросилъ мальчикъ отца. — „А это, мой милый, поляки; ихъ гонитъ царь не хуже насъ грѣшныхъ. Много горя принимаютъ они отъ правительства“. Эта способность сочувствовать политическому „преступнику“ уже сама по себѣ можетъ послужить залогомъ сближенія съ такимъ „преступникомъ“, а потомъ — при благопріятныхъ условіяхъ — и полнаго усвоенія его образа мыслей. И это тѣмъ болѣе, что между раскольниками встрѣчаются страстные и безпокойные искатели истины, неспособные надолго удовлетвориться сектантской догматикой. Я зналъ однаго бывшаго раскольника, который уже пятидесятилѣтнимъ старикомъ присталъ къ революціонной партіи. Этотъ человѣкъ всю жизнь „ходилъ по вѣрамъ“, забредалъ даже въ Турцію, ища между тамошними раскольниками „настоящихъ людей“ и „настоящей правды“, и, наконецъ, нашелъ искомую правду въ соціализмѣ, распростясь навсегда съ небеснымъ царемъ и всей душой возненавидѣвъ царя земного. Я не встрѣчалъ болѣе страстнаго, болѣе неутомимаго проповѣдника. Часто вспоминалъ онъ, бывало, о какомъ-то расколоучителѣ, очевидно, имѣвшемъ на него прежде сильное вліяніе. „Эхъ, кабы мнѣ теперь встрѣтить его, воскликалъ онъ, я бы объяснилъ ему, что есть истина!“ Онъ былъ душою рабочаго кружка (гдѣ именно, не скажу, „страха ради іудейска“) и его нельзя было запугать никакими преслѣдованіями. Онъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ зналъ, что хорошо „принять мученическій вѣнецъ“ за свои убѣжденія. Кончилъ онъ Сибирью.

Повторяю, всюду, гдѣ интеллигенція давала себѣ трудъ сходиться съ провинціальными рабочими, она могла похвалиться очень замѣтнымъ успѣхомъ. А если бы дѣлу сближенія съ рабочими она посвятила хоть половину тѣхъ силъ и средствъ, которыя потрачены были на „поселенія“ и на разные агитаціонные опыты въ крестьянствѣ, то къ концу семидесятыхъ годовъ соціально-революціонная партія твердо стояла бы уже на русской почвѣ. Рабочіе охотно шли на встрѣчу интеллигенціи.*) И въ Харьковѣ, и въ Кіевѣ, и въ Ростовѣ-на-Дону, мнѣ постоянно приходилось слышать однѣ и тѣ же жалобы, однѣ и тѣ же просьбы: „интеллигенція забываетъ о насъ; займитесь рабочимъ дѣломъ; пришлите изъ Петербурга хоть нѣсколькихъ знающихъ, ловкихъ людей, — вы увидите, какъ пойдетъ оно въ нашемъ городѣ.“

Въ виду этого, какъ нельзя болѣе своевременнымъ являлось намѣреніе Центральнаго Кружка Сѣверно-Русскаго Рабочаго Союза войти въ правильныя сношенія съ провинціальными рабочими. Между его членами были люди, которые и по знаніямъ, и по энергіи, и по опытности могли поспорить съ любымъ „интеллигентомъ“. Таковъ былъ, напримѣръ, Степанъ Халтуринъ.

Я уже нѣсколько разъ упоминалъ его имя, занимающее одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ въ исторіи русскаго революціоннаго движенія. Пора поближе познакомить читателя съ этой замѣчательной личностью.

---

*) Въ шестидесятыхъ годахъ въ Саратовѣ жилъ подъ надзоромъ полиціи впослѣдствіи оставившій Россію А. Х. Христофоровъ. Онъ сблизился со многими мѣстными рабочими. Они долго помнили его. Въ 1877 г. они разсказывали намъ, землевольцамъ, что со времени его пребыванія въ Саратовѣ въ мѣстной рабочей средѣ никогда не потухала зароненная имъ искорка революціонной мысли. Люди, никогда не знавшіе его лично, вели отъ него свою умственную родословную. Такой глубокій слѣдъ оставляетъ въ этой средѣ всякое доброе вліяніе!

VI.

Степанъ Халтуринъ родился въ Вяткѣ. Его родители, бѣдные мѣщане, посылали его въ дѣтствѣ въ какую-то школу, а затѣмъ отдали въ ученье къ столяру. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ скоро нашелъ мѣсто на заводѣ. Не знаю, когда именно и при какихъ обстоятельствахъ захватило его революціонной волной, но въ 1875-76 гг. онъ былъ уже дѣятельнымъ пропагандистомъ. Если не ошибаюсь, въ первый разъ я встрѣтился съ нимъ дня за два до описанныхъ въ первой статьѣ похоронъ убитыхъ взрывомъ рабочихъ патроннаго завода. Я былъ въ числѣ „бунтарей", приглашенныхъ принять участіе въ задуманной по этому поводу демонстраціи, онъ — въ числѣ рабочихъ, подготовлявшихъ демонстрацію. Онъ былъ изъ тѣхъ людей, наружность которыхъ не даетъ даже приблизительно вѣрнаго понятія объ ихъ характерѣ. Молодой, высокій и стройный, съ хорошимъ цвѣтомъ лица и выразительными глазами, онъ производилъ впечатлѣніе очень красиваго парня; но этимъ дѣло и ограничивалось. Ни о силѣ характера, ни о выдающемся умѣ не говорила эта привлекательная, но довольно заурядная наружность. Въ его манерахъ прежде всего бросалась въ глаза какая-то застѣнчивая и почти женственная мягкость. Говоря съ вами, онъ какъ будто и конфузился, и боялся обидѣть васъ некстати сказаннымъ словомъ, рѣзко выраженнымъ мнѣніемъ. Съ его губъ не сходила нѣсколько смущенная улыбка, которою онъ какъ бы заранѣе хотѣлъ сказать вамъ: „я такъ думаю, но если это вамъ не нравится, то прошу извинить". Такими манерами отличались иногда въ доброе старое время молодые, благовоспитанные провинціалы на первыхъ шагахъ своей свѣтской карьеры. Но къ рабочему она мало подходила, и во всякомъ случаѣ не она могла убѣдить васъ въ томъ, что вы имѣете дѣло съ человѣкомъ, который далеко не грѣшилъ излишней мягкостью характера и недостаткомъ самоувѣренности.

Близко сойтись съ нимъ можно было только на дѣлѣ. Рабочему вообще некогда вдаваться въ тѣ безконечныя собесѣдованія, которыми любитъ услаждаться „за чаемъ" „интеллигентная" публика, и въ которыхъ собесѣдники выворачиваютъ другъ передъ другомъ всю свою душу. Степанъ же въ особенности не любилъ душевныхъ изліяній. Хотя во внѣшнемъ обращеніи застѣнчивость его исчезала при болѣе близкомъ знакомствѣ съ человѣкомъ, однако она всегда держала его на сторожѣ, дѣлая для него совершенно невозможнымъ то нравственное состояніе, которое обозначается словами: „душа на распашку". Побесѣдовать и онъ былъ не прочь, и при томъ не только со своимъ братомъ-рабочимъ, но и съ „интеллигентами". Пока онъ былъ легальнымъ, онъ даже охотно селился по сосѣдству со студентами и искалъ ихъ знакомства, заимствуясь у нихъ книгами и всякого рода свѣдѣніями. Не рѣдко за-полночь засиживался онъ у такихъ сосѣдей. Но и тамъ онъ мало высказывался. Придетъ и подниметъ разговоръ на какую нибудь теоретическую тему. Хозяинъ оживится, обрадованный случаемъ просвѣтить темнаго рабочаго человѣка, говоритъ долго, вразумительно и по возможности „популярно", а Степанъ слушаетъ, лишь изрѣдка вставляя свое слово и внимательно, нѣсколько исподлобья, посматривая на собесѣдника своими умными глазами, въ которыхъ по временамъ появляется выраженіе добродушной насмѣшки. Въ его отношеніи къ студентамъ всегда была нѣкоторая доля юмора, пожалуй даже ироніи: знаю, молъ, я цѣну вашему радикализму; пока учитесь, всѣ вы—страшные революціонеры,

а кончите курсъ, да получите мѣстечки, и какъ рукой сниметъ ваше революціонное настроеніе! Посмѣивался онъ также надъ студенческимъ трудолюбіемъ. „Видѣлъ я, какъ они работаютъ, говаривалъ онъ, развѣ это работа! Посидитъ часа два на лекціяхъ, почитаетъ часъ-другой книжку, — и готово, иди въ гости чай пить и разговоры разговаривать!“ Къ рабочимъ онъ относился совсѣмъ иначе, подшучивать надъ ними не позволялъ ни себѣ и никому другому, въ особенности „интеллигенціи“. Какъ огонь вспыхивалъ онъ, когда „интеллигентъ“ дѣлалъ при немъ какой нибудь не совсѣмъ лестный отзывъ о рабочихъ. Въ рабочихъ видѣлъ онъ самыхъ надежныхъ, прирожденныхъ революціонеровъ, и ухаживалъ за ними какъ заботливая нянька: училъ, доставалъ книги, „опредѣлялъ къ мѣстамъ“, мирилъ ссорившихся, журилъ виноватыхъ. Его очень любили товарищи. Онъ зналъ это и платилъ имъ еще большей любовью. При всемъ томъ, не думаю, чтобы и въ обращеніи съ ними его покидала привычная сдержанность. Не знаю, какъ велъ онъ себя съ тѣми рабочими, которыхъ привлекалъ къ дѣлу въ революціонныхъ бесѣдахъ съ глазу на глазъ. Можетъ быть, тогда онъ и давалъ волю всему, что кипѣло у него на душѣ. Но на кружковыхъ рабочихъ собраніяхъ онъ говорилъ рѣдко и неохотно. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло не клеилось, когда собравшіеся говорили что нибудь несообразное, или уклонялись отъ предмета сходки, Степанъ прорывался. Краснобаемъ онъ не былъ, — иностранныхъ словъ, которыми любятъ пощеголять иные рабочіе, никогда почти не употреблялъ, — но говорилъ горячо, толково и убѣдительно. Его рѣчью и исчерпывались обыкновенно пренія. И не потому, чтобы его выдающаяся личность давила окружающихъ. Между петербургскими рабочими были люди не менѣе его знавшіе и способные, были люди больше его видавшіе на своемъ вѣку, пожившіе за границей. Тайна огромнаго вліянія, своего рода диктатуры Степана заключалась въ неутомимомъ вниманіи его ко всякому дѣлу. Еще задолго до сходки онъ переговоритъ со всѣми, ознакомится съ общимъ настроеніемъ, обдумаетъ вопросъ со всѣхъ сторонъ и потому, естественно, оказывается наилучше подготовленнымъ. Онъ выражалъ общее настроеніе. То, что говорилъ онъ, сказалъ бы, вѣроятно, каждый изъ его товарищей, но они не такъ вдумчиво отнеслись къ дѣлу, — иные по лѣности, иные потому, что заняты были другими, можетъ быть, даже гораздо болѣе важными дѣлами, а Степанъ ни къ чему не могъ относиться невнимательно. Не было такой ничтожной практической задачи, рѣшеніе которой онъ беззаботно предоставилъ бы другимъ. Онъ приходилъ на собраніе съ совершенно установившимся взглядомъ на подлежавшій обсужденію вопросъ. Потому-то съ нимъ и соглашались. А съ другой стороны, потому-то онъ и досадовалъ, потому-то онъ и горячился, когда пренія затягивались безъ толку: „вѣдь это же все такъ просто, говорило его выразительное лицо, неужели же васъ могутъ затруднять подобные пустяки?“

Халтуринъ отличался большою начитанностью.*) Это вызывало невольное уваженіе къ нему, но и эта черта не могла особенно удивить человѣка, знавшаго заводскихъ рабочихъ: страстные любители чтенія вовсе не были рѣдкостью между ними. При ближайшемъ знакомствѣ оказывалось, однако, что и читалъ Степанъ такъ, какъ умѣютъ читать

*) Прим. ко 2-му изд. Онъ читалъ гораздо прилежнѣе и больше, чѣмъ огромное большинство извѣстныхъ мнѣ тогда революціонеровъ-практиковъ изъ „интеллигенціи“.

только немногіе. Онъ всегда хорошо зналъ, зачѣмъ именно раскрылъ такую-то книгу. Къ тому же мысль постоянно шла у него рука объ руку съ дѣломъ. У него, напримѣръ, вовсе не было того интереса къ естественнымъ наукамъ, который замѣчается у многихъ рабочихъ. Все вниманіе его было поглощено общественными вопросами, и всѣ эти вопросы, какъ радіусы изъ центра, исходили изъ одного коренного вопроса о задачахъ и нуждахъ нарождавшагося русскаго рабочаго движенія. О чемъ бы ни читалъ онъ, — объ англійскихъ-ли рабочихъ союзахъ, о великой-ли революціи, или о современномъ соціалистическомъ движеніи, — эти нужды и задачи никогда не уходили изъ его поля зрѣнія. По тому, что читалъ Халтуринъ въ данное время, можно было судить о томъ, какіе практическіе планы шевелятся въ его головѣ. Еще задолго до организаціи „Сѣверно-Русскаго Рабочаго Союза“ онъ принялся изучать европейскія конституціи.

— Что это ты на нихъ набросился? спрашивали его.

— Да что же, вѣдь это интересно, отвѣчалъ онъ.

Программа Союза лучше его объяснила, почему онъ набросился на конституціи: онъ обдумывалъ политическую программу русскихъ рабочихъ. Въ умственномъ трудѣ, какъ и во всемъ остальномъ, Халтуринъ былъ силенъ умѣньемъ сосредоточиться на данномъ предметѣ, не отвлекаясь отъ него ничѣмъ постороннимъ. Умъ его до такой степени исключительно поглощенъ былъ рабочимъ вопросомъ, что ему едва-ли когда случалось заинтересоваться пресловутыми „устоями“ крестьянской жизни. Онъ знакомился съ интеллигентами, слушалъ ихъ толки объ общинѣ, о расколѣ, о „народныхъ идеалахъ“, но народническое ученіе такъ и осталось для него чѣмъ то почти совсѣмъ чуждымъ.

— Что ты пишешь теперь? спросилъ онъ меня незадолго до своего поступленія въ Зимній дворецъ. Я отвѣтилъ, что пишу разборъ одной только что вышедшей книги по исторіи общиннаго землевладѣнія. Это была очень серьезная книга, лично мнѣ оказавшая огромную услугу, такъ какъ она впервые и очень сильно поколебала мои народническія воззрѣнія, хотя я и спорилъ еще противъ ея выводовъ. Я былъ сильно заинтересованъ ею и подробно изложилъ Степану ея содержаніе. Онъ долго слушалъ, а потомъ вдругъ сразилъ меня неожиданнымъ вопросомъ: „да неужели это дѣйствительно такъ важно?“ Община занимала самый почетный, передній уголъ въ моемъ народническомъ міросозерцаніи, а онъ даже не зналъ хорошенько, стоитъ-ли изъ за нее ломать литературныя копья!

Не легко было бы мнѣ теперь опредѣлить его тогдашніе соціально-политическіе взгляды. Тогда я самъ смотрѣлъ на вещи далеко не такъ, какъ смотрю въ настоящее время. Могу сказать одно: въ сравненіи съ нами, землевольцами, Халтуринъ былъ крайнимъ западникомъ. Западничество развивалось и поддерживалось въ немъ какъ общими условіями исключительно интересной для него рабочей жизни столицы, такъ, можетъ быть, отчасти и нѣкоторыми случайными вліяніями. Съ лавристами онъ познакомился раньше, чѣмъ съ бунтарями, а лавристы умѣли, какъ уже сказано, возбудить въ рабочихъ интересъ къ нѣмецкому соціаль-демократическому движенію. Къ тому же двое изъ близкихъ товарищей Степана долго работали за границей, и западное вліяніе распространялось черезъ нихъ какъ лично на него, такъ и на весь Союзъ.

Въ Петербургѣ родственниковъ у Степана не было. Жилъ онъ всегда одиноко, занимая небольшую комнатку на манеръ студенческой кельи. Къ обстановкѣ и одеждѣ своей онъ относился съ равнодушіемъ

достойнымъ самаго „интеллигентнаго“ нигилиста. Высокіе сапоги, широкое, слишкомъ длинное даже для его высокаго роста пальто, на которомъ не достаетъ нѣсколькихъ пуговицъ, довольно неуклюжая черная мѣховая шапка, — вотъ въ какомъ костюмѣ воскресаетъ онъ теперь въ моемъ воображеніи. Особаго наряда для воскресенья у него, вопреки обычаю всѣхъ заводскихъ рабочихъ, не полагалось. Разговорясь о дѣлѣ гдѣ нибудь въ трактирѣ или въ портерной, онъ охотно выпивалъ бутылку-другую пива, но врядъ-ли когда принималъ участіе въ веселыхъ товарищескихъ пирушкахъ. Другихъ рабочихъ мнѣ случалось иногда встрѣчать подкутившими. Его — никогда.

И, однако, этотъ сдержанный, практичный человѣкъ былъ, если хотите, большимъ мечтателемъ. Его мечты постоянно и далеко опережали дѣйствительные успѣхи русскаго рабочаго движенія. Довольно долго мечталъ онъ объ одновременной стачкѣ всѣхъ петербургскихъ рабочихъ. Такая мечта была, разумѣется, несбыточной. Но и она принесла свою пользу: Степанъ неутомимо носился изъ одного предмѣстья въ другое, вездѣ заводилъ знакомства, вездѣ собиралъ свѣденія о числѣ рабочихъ, о заработной платѣ, о продолжительности рабочаго дня, о штрафахъ и т. д. Его присутствіе вездѣ дѣйствовало возбуждающимъ образомъ, а самъ онъ пріобрѣталъ новыя драгоцѣнныя свѣдѣнія о положеніи рабочаго класса Петербурга. Задавшись мыслью о всеобщей стачкѣ, онъ, по своему обыкновенію, сталъ искать подходящихъ указаній въ книгахъ. Ему нужно было узнать численность петербургскаго рабочаго населенія. Но статистика очень мало дала ему въ этомъ отношеніи. „Удивительное дѣло, не разъ говорилъ онъ мнѣ, статистическія данныя о петербургскихъ фабрикахъ и заводахъ совсѣмъ никуда не годятся. Тамъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ триста рабочихъ, ихъ показано пятьдесятъ, тамъ, гдѣ пятьдесятъ — записано сто или двѣсти. А вообще въ Петербургѣ несравненно больше рабочихъ, чѣмъ считаетъ статистика“. Какъ же помочь горю? „Мы сами соберемъ нужныя данныя лучше всякихъ статистиковъ“, — рѣшилъ Степанъ, и принялся разносить по фабрикамъ и заводамъ особые листки, требуя отъ знакомыхъ рабочихъ, чтобы тѣ вписывали точные отвѣты на поставленные въ листкахъ вопросы. Конечно, не всѣ отвѣчали обстоятельно, многіе и вовсе забывали отвѣтить. Но черезъ короткое время у Степана все таки собралось множество данныхъ. Относительно нѣкоторыхъ фабрикъ онъ хвалился мнѣ, что ему удастся точно высчитать всѣ расходы и всѣ доходы хозяевъ и такимъ образомъ опредѣлить степень эксплуатаціи работниковъ. Относящіеся сюда выводы онъ собирался напечатать въ отдѣльной брошюрѣ.

Очень увлекался онъ также мечтами о будущей всероссійской рабочей организаціи. Когда онъ заговаривалъ о ней, собесѣднику, подъ вліяніемъ его горячей вѣры, невольно начинало казаться, что препятствія уже устранены, связи повсюду заведены, организація существуетъ и остается только работать для ея дальнѣйшаго развитія. Но и въ этихъ мечтахъ не было ничего маниловскаго. Еще лѣтомъ 1878 г., за нѣсколько мѣсяцевъ до основанія Сѣвернаго Союза, Халтуринъ отправился на Волгу, переходилъ тамъ съ завода на заводъ и вступилъ въ тѣсныя сношенія съ тамошними рабочими. Собирался онъ пробраться и на Уралъ, но петербургскіе товарищи убѣдили его вернуться въ Петербургъ. Онъ тамъ былъ слишкомъ нуженъ.

Тотчасъ по основаніи Сѣвернаго Союза возникла мысль объ изданіи рабочей газеты. Авторъ статьи „Пребываніе Халтурина

въ Зимнемъ дворцѣ"*) приписываетъ эту мысль исключительно Степану. Онъ ошибается. Кому принадлежала мысль объ изданіи „Земли и Воли"? Всѣмъ землевольцамъ вообще и никому въ частности. То же приходится сказать и относительно предполагавшагося изданія рабочей газеты. Потребность въ ней давно уже чувствовалась рабочими. Выходившая въ 1875 г. въ Женевѣ анархическая газета „Работникъ" была первой попыткой удовлетворенія этой потребности. Изданіемъ „Работника" дѣятельно интересовались многіе изъ рабочихъ, вошедшихъ потомъ въ „Сѣверно-Русскій Рабочій Союзъ". Когда землевольцы завели тайную типографію въ Петербургѣ, мысль о рабочей газетѣ приняла новую форму. Стали говорить, что органъ русскихъ рабочихъ долженъ печататься въ Россіи. Возростающіе успѣхи рабочаго движенія дѣлали его все болѣе и болѣе необходимымъ. Вопросъ о немъ сталъ очереднымъ вопросомъ. При этомъ Степанъ былъ молчаливо и единогласно признанъ редакторомъ будущей газеты. Такимъ образомъ онъ сталъ головою дѣла, починъ котораго принадлежалъ всему Союзу.

Будущій редакторъ держался того мнѣнія, что газета должна имѣть чисто агитаціонный характеръ. У Союза было много связей въ рабочемъ мірѣ. Въ достовѣрныхъ сообщеніяхъ о темныхъ сторонахъ фабрично-заводского быта недостатка быть не могло. Появленіе ихъ въ печати сочувственно встрѣтили бы всѣ рабочіе. Такимъ сообщеніямъ и должно было принадлежать главное мѣсто на столбцахъ газеты. Авторамъ передовыхъ статей оставалось бы лишь надлежащимъ образомъ освѣщать эти, непосредственно изъ жизни взятые матеріалы. Съ распространеніемъ организаціи на провинціальные города явилась бы возможность обезпечить себѣ иногородныя извѣстія. Все это было очень практично, и казалось бы, что общество „Земля и Воля" должно было всѣми силами поддерживать задуманное рабочими предпріятіе. Землевольцы много сдѣлали для развитія рабочаго движенія въ Россіи. Отстраняться отъ него теперь, когда оно стало такъ быстро расти и крѣпнуть, было бы по меньшей мѣрѣ странно. Они и не отстранялись отъ него сознательно, но незамѣтно для нихъ жизнь придавала ихъ дѣятельности совершенно новый характеръ. Имъ некогда было думать о рабочей газетѣ.

VII.

Уже къ веснѣ 1879 г., т. е. въ то время, когда Сѣверно-Русскій Рабочій Союзъ насчитывалъ едва нѣсколько мѣсяцевъ существованія, общество „Земля и Воля" изъ бунтарскаго, какимъ оно было прежде, на половину превратилось въ террористическое. Тѣ изъ его членовъ, которые остались вѣрны старой программѣ, жили большей частью „въ народѣ", „въ поселеніяхъ", раскинувшихся въ разныхъ мѣстахъ нижняго и средняго Поволжья, на Дону, въ Воронежской и Тамбовской губерніяхъ. Большинство же жившихъ въ Петербургѣ землевольцевъ съ ревностью новообращенныхъ стояло за террористическую дѣятельность, или, какъ тогда выражались, за дезорганизацію правительства. „Рабочее дѣло" никѣмъ не отрицалось въ принципѣ. Но на дѣлѣ посвящавшіяся ему силы и средства стали убывать очень и очень замѣтно. Многіе молодые революціонеры, начавшіе свою дѣятельность

---

*) Въ календарѣ Народной Воли.

„занятіемъ съ рабочими“, оставили это занятіе подъ вліяніемъ проповѣдывавшихъ „дезорганизацію правительства“ землевольцевъ. Революціонное движеніе интеллигенціи принимало, несомнѣнно, болѣе острый характеръ, но русло его все болѣе и болѣе съуживалось. О вовлеченіи въ борьбу народной массы переставали думать. Задача движенія сводилась къ единоборству между правительствомъ и революціонной интеллигенціей. Въ апрѣлѣ 1879 г., за нѣсколько дней до выстрѣла Соловьева, мнѣ пришлось оставить Петербургъ, и я передалъ „сношенія съ рабочими“ покойному Ширяеву. Вернувшись осенью того же года, я засталъ Халтурина въ сильномъ негодованіи противъ интеллигенціи вообще, а противъ насъ, землевольцевъ, въ особенности. „Человѣкъ, съ которымъ ты познакомилъ меня передъ своимъ отъѣздомъ, говорилъ онъ, былъ у насъ одинъ разъ, обѣщалъ доставить шрифтъ для нашей типографіи, а потомъ исчезъ, и я не видался съ нимъ два мѣсяца. А у насъ ужъ и станокъ сдѣланъ, и наборщики есть, и квартира готова. Остановка только за шрифтомъ. Да и кромѣ шрифта есть важное дѣло, нужно переговорить съ кѣмъ нибудь изъ вашихъ, а гдѣ искать ихъ — неизвѣстно“.*) Я былъ увѣренъ, что явившееся у Степана новое важное дѣло относится, какъ и всегда, къ рабочему движенію. Вышло не такъ.

Съ самаго основанія своего Сѣверно-Русскій Рабочій Союзъ поставленъ былъ террористической тактикой интеллигенціи въ довольно затруднительное положеніе. Съ каждымъ новымъ террористическимъ фактомъ росли полицейскія строгости, умножались обыски, аресты и высылки. Для нелегальныхъ революціонеровъ этотъ бѣлый терроръ до поры до времени былъ почти совершенно безвредеиъ, такъ какъ имъ удавалось скрывать свои слѣды отъ самыхъ опытныхъ сыщиковъ. Въ иномъ положеніи были легальные революціонеры, чѣмъ нибудь успѣвшіе обратить на себя неблагосклонное вниманіе синяго начальства. Они должны были готовиться къ самымъ непріятнымъ неожиданностямъ. Въ рабочемъ Союзѣ нелегальныхъ было немного: кромѣ Халтурина, нелегальнаго съ 1878 г., еще, можетъ быть, два-три человѣка. Но за то многіе, — и часто самые дѣятельные, опытные и вліятельные — легальные — члены его давно уже находились у полиціи на дурномъ счету. Имъ плохо приходилось отъ бѣлаго террора. Ихъ хватали, держали въ тюрьмахъ, высылали. Подобныя потери тяжело отзывались на неокрѣпшей еще организаціи, и неудивительно, что Сѣверно-Русскій Рабочій Союзъ сначала очень неодобрительно относился къ новому пріему революціонной борьбы. „Чистая бѣда, восклицалъ Халтуринъ, только-только наладится у насъ дѣло, — хлопъ! шарахнула кого нибудь интеллигенція, и опять провалы. Хоть немного бы дали вы намъ укрѣпиться!“ Но революціонный терроръ все усиливался; усиливался и бѣлый. Провалы учащались. Выстрѣлъ Соловьева довелъ полицейскія строгости до неслыханной степени. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ же указывалъ, повидимому, и выходъ изъ невыносимаго положенія. Падетъ царь,

---

*) При тогдашнемъ положеніи дѣлъ — выѣздъ изъ Петербурга всѣхъ „нелегальныхъ“ землевольцевъ (а такихъ было большинство) передъ выстрѣломъ Соловьева, суматоха, вызванная лѣтними революціонными съѣздами въ Липецкѣ и Воронежѣ, и, наконецъ, совершившееся осенью формальное раздѣленіе общества „Земля и Воля“ — трудно было винить Ширяева за его халатность. Но Халтуринъ не зналъ этихъ смягчающихъ обстоятельствъ, и потому досада его совершенно понятна.

падетъ и царизмъ, наступитъ новая эра, эра свободы. Такъ думали тогда очень многіе. Такъ стали думать и рабочіе.

Лѣтомъ 1879 г. кому-то изъ членовъ Союза предложено было мѣсто столяра въ Зимнемъ дворцѣ. Онъ сообщилъ объ этомъ своимъ ближайшимъ товарищамъ. „Что-жь, поступай, замѣтилъ одинъ изъ нихъ, кстати ужь и царя прикончишь". Это было сказано въ шутку. Но шутка произвела на присутствовавшихъ глубокое впечатлѣніе, они серьезно задумались о цареубійствѣ. Призвали на совѣтъ Халтурина. На первый разъ онъ высказался неопредѣленно: посовѣтовалъ только не болтать, да разузнать получше о предлагаемомъ мѣстѣ. Ему хотѣлось хорошенько обдумать это дѣло, при чемъ онъ тутъ же, вѣроятно, рѣшилъ, что если найдетъ его возможнымъ и полезнымъ, то самъ же за него и возьмется. А подумать ему было о чемъ. Какъ ни жутко приходилось Союзу отъ бѣлаго террора, но его положеніе все таки было совсѣмъ не безнадежно. Это доказывалъ уже тотъ фактъ, что, не смотря на полицейскія строгости, рабочіе могли сдѣлать почти всѣ необходимыя приготовленія къ изданію своей газеты. Сношенія съ провинціальными городами только что начинались и, опять таки не смотря на всѣ строгости, сулили успѣхъ. Намѣченные полиціей члены Союза высылались одинъ за другимъ, но на ихъ мѣсто являлись новые, не намѣченные, которые при осторожномъ веденіи дѣла, могли продержаться довольно долго. Новое покушеніе на жизнь Александра II, въ случаѣ неудачи, навѣрное, причинило бы Союзу новыя потери, тѣмъ болѣе, что самому Халтурину приходилось идти почти на вѣрную смерть. Онъ зналъ, какое разстройство внесетъ его гибель въ дѣла Союза. Но всѣ эти соображенія не устояли передъ однимъ: смерть Александра II принесетъ съ собою политическую свободу, а при политической свободѣ рабочее движеніе пойдетъ у насъ не по прежнему. Тогда у насъ будутъ не такіе союзы, съ рабочими же газетами не нужно будетъ прятаться.*) Степанъ не долго колебался. Доступъ во дворецъ былъ обезпеченъ. Оставалось запастись взрывчатыми веществами.

Какъ велъ себя Халтуринъ въ Зимнемъ дворцѣ, — разсказано въ Календарѣ Народной Воли.**) Читателю извѣстно, вѣроятно, какую смѣлость и какое самообладаніе проявилъ онъ тамъ. Арестъ Квятковскаго, у котораго найденъ былъ планъ Зимняго дворца, поставилъ Халтурина, по словамъ автора разсказа, „въ истинно-каторжное положеніе". На взятомъ у Квятковскаго планѣ царская столовая была отмѣчена крестомъ, и это обстоятельство заставило дворцовую полицію подозрительно относиться къ столярамъ, жившимъ въ подвальномъ этажѣ, какъ разъ подъ столовой. Въ одной комнатѣ съ Халтуринымъ помѣстили жандарма; дворцовую прислугу часто и неожиданно обыскивали; динамитъ приходилось хранить подъ подушкой; предпріятіе, а съ нимъ и жизнь Степана, постоянно висѣли на волоскѣ. Съ поразительнымъ хладнокровіемъ обошелъ онъ всѣ трудности, преодолѣлъ всѣ препятствія, и когда приготовленія были окончены, когда уже зажженъ былъ роковой фитиль, онъ „просто восхитилъ Желябова" тѣмъ спокойствіемъ, съ которымъ произнесъ, „словно фразу изъ самаго обычнаго разговора", многозначительное „готово". Только послѣдующее его состояніе показало, какъ страшно былъ онъ измученъ. Придя послѣ взрыва на приготовленную для него конспиративную квартиру, „усталый

*) Подлинныя слова Халтурина.
**) „Халтуринъ въ Зимнемъ дворцѣ."

больной, онъ едва могъ стоять и только немедленно справился, есть ли въ квартирѣ достаточно оружія. Живой я не отдамся, говорилъ онъ."

„Извѣстіе о томъ, что царь спасся, подѣйствовало на Халтурина самымъ угнетающимъ образомъ. Онъ свалился совсѣмъ больной, и только разсказы о громадномъ впечатлѣніи, произведенномъ 5-мъ февраля на всю Россію, могли его нѣсколько утѣшить, хотя никогда онъ не хотѣлъ примириться со своей неудачей."*) Не того ожидалъ онъ отъ своей попытки. . . .

Послѣ 5-го февраля онъ продолжалъ дѣйствовать болѣе двухъ лѣтъ. Пробовалъ онъ вернуться къ своему любимому „рабочему дѣлу". Но логика разъ принятаго способа дѣйствій ставила свои неотразимыя требованія. Степанъ снова пошелъ на „терроръ". Извѣстно участіе его въ убійствѣ Стрѣльникова. Онъ умеръ на висѣлицѣ 22-го марта 1882 года. При арестѣ онъ храбро защищался вооруженной рукой.

Вскорѣ по поступленіи Халтурина въ Зимній дворецъ, я вынужденъ былъ оставить Россію. Съ тѣхъ поръ о ходѣ русскаго рабочаго движенія я могъ знать только по разсказамъ дѣйствовавшихъ послѣ меня товарищей. Авторъ статьи „Пребываніе Халтурина въ Зимнемъ дворцѣ" говоритъ, что Сѣверно-Русскому Рабочему Союзу удалось таки приступить къ изданію газеты, которая, однако, вмѣстѣ съ типографіей была заарестована при наборѣ перваго же нумера и не оставила по себѣ ничего, „кромѣ памяти о попыткѣ чисто рабочаго органа, не повторявшейся уже потомъ ни разу".**) Затѣмъ прекратилось и самое существованіе Союза. Повидимому, на его судьбѣ отразились программныя раздѣленія тогдашней интеллигенціи. Несомнѣнно, по крайней мѣрѣ, что уже въ 1880 г. появляются между петербургскими рабочими сторонники „партіи Народной Воли" (см. программу рабочихъ этой партіи, опубликованную въ ноябрѣ 1880 г.) и сторонники „Чернаго Передѣла". Въ восьмидесятыхъ годахъ въ разное время издавалось въ Россіи нѣсколько рабочихъ журналовъ: „Рабочая газета" (съ 15 Декабря 1880 до конца 1881), „Зерно" (приблизительно около того же времени), „Рабочій" (въ 1885 г.). Правда, рабочіе были только читателями этихъ журналовъ, редактировались же они „интеллигенціей", но это было, что называется, только полъ-горя. Во второй половинѣ восьмидесятыхъ годовъ перестали появляться въ Россіи и такія изданія. Наступило, казалось, полное затишье. Но разъ зажженый огонекъ мысли не погасъ въ рабочей средѣ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ даже легальная печать. Почти совершенно оставленный интеллигенціей, рабочій продолжалъ расти умственно и нравственно. Уже въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ Г. И. Успенскій могъ поздравить русскихъ писателей съ „новымъ грядущимъ читателемъ". Недалеко то время, когда „интеллигентныхъ" противниковъ царизма можно будетъ поздравить съ новымъ, незамѣнимымъ и непобѣдимымъ политическимъ союзникомъ.

Когда наша революціонная „интеллигенція", чувствуя недостаточность своихъ силъ, спрашиваетъ себя, гдѣ искать поддержки, ея доброжелатели даютъ ей часто довольно странные отвѣты: „въ обществѣ", въ офицерской средѣ и т. п., и т. п. О рабочихъ такіе доброжелатели интеллигенціи вспоминаютъ рѣдко и неохотно. О вкусахъ, конечно, не спорятъ, но фактъ тотъ, что русскіе рабочіе внесли въ

---

*) Календаръ, историко-литературный отдѣлъ, стр. 48.

**) Авторъ относитъ эту попытку ко времени, предшествовшему поступленію Халтурина въ дворецъ. Но это ошибка.

освободительное движеніе послѣднихъ двадцати лѣтъ несравненно больше силъ, чѣмъ почтенное военное сословіе, или — и въ особенности — наши милые, добрые, развитые, гуманные, образованные, но рѣшительно никуда не годные либералы. А вѣдь до сихъ поръ совершились только первые, правда, самые трудные, но за то и самые слабые шаги нашего рабочаго движенія. Что же будетъ дальше? Людямъ, претендующимъ на политическую дальновидность, не мѣшало бы подумать объ этомъ.

Исторія давно и безвозвратно осудила русскій царизмъ. Но онъ существуетъ и будетъ существовать до тѣхъ поръ, пока та же исторія не заготовитъ достаточно силъ для исполненія своего приговора. Она дѣятельно заготовляетъ ихъ, беря ихъ отовсюду. Пролетаріатъ — самая могучая изъ создаваемыхъ ею новыхъ общественныхъ силъ. Пролетаріатъ это тотъ динамитъ, съ помощью котораго исторія взорветъ русское самодержавіе.

Но рабочему классу не годятся старые, болѣе или менѣе фантастическіе революціонные костюмы интеллигенціи. Наши рабочіе, уже въ семидесятыхъ годахъ видѣвшіе слабыя стороны народничества, въ девяностыхъ годахъ сознательно станутъ подъ знамя всемірной рабочей партіи, подъ знамя соціаль-демократовъ.

Пусть же поскорѣе наступаетъ эта счастливая пора! Много свѣта внесетъ она въ нашу темную жизнь!